



ЮРИЙ ОСМАНОВ

КРЫМ -  
РОДИНА МОЯ

# Юрий Османов



*Крым – Родина моя*

ББК 84.4 (Укр-Рос)  
О-74

**Вдова Айше и дочь Мерьем выражают чувство благодарности всем, кто помогал в выходе в свет этой книги.**

Рабочая группа, подготовившая материалы к печати:

*Баев Г.,  
Бекташ Х.,  
Сейдаметов Р.,  
Сейт-Облаев Б.*

*Книга издана в авторской редакции*

**О-74 Османов Ю.**

***Крым — Родина моя.*** — Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2008. — 220 с. — На русском и крымскотатарском языках.

ISBN 978-966-354-219-5

ББК 84.4 (Укр-Рос)

**О-74 Османов Ю.**

***Крым — Батьківщина моя.*** — Симферополь: КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2008. — 220 с. — Російською та кримськотатарською мовами.

ISBN 978-966-354-219-5

ББК 84.4 (Укр-Рос)

ISBN 978-966-354-219-5

© Османов Ю., 2008

© КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2008



## Юрий Бекирович Османов (1941-1993)

Родился 1 апреля 1941 года в деревне Буюк Каралез Албатского (Куйбышевского) Крымской АССР в семье агрономов. Мать, Мария Владимировна Гущинская, – белоруска. Отец, Бекир Османович Османов — крымский татарин.

С началом Великой Отечественной войны мать с двумя детьми, Тамилей и Юрием с последним эшелоном эвакуируется в Азербайджан в районный центр Агдам. Непригодный к военной службе (порок сердца) отец ушел в партизаны. Он был разведчиком Севастопольского, Акмечетского отрядов и Центрального штаба партизанского движения Крыма. По заданию ставки партизанского командования в Москве он возглавил семь операций, в том числе знаменитую морскую операцию по вывозу и спасению с мыса Кикинеиз партийно-советского архива. Немецкое командование за его голову назначило вознаграждение в 100 000 рейхсмарок.

После тяжёлого ранения Бекир Османов был эвакуирован на Большую землю. В свете особой государственной политики в отношении крымскотатарского народа советское командование трижды отдавало приказ о расстреле Бекира Османова. Только благодаря личной отваге его товарищей по оружию – командиров отрядов Калашникова и Зинченко – приговор не был приведён в исполнение. В послевоенной мемуарной литературе он был представлен как немецкий шпион, которого расстреляли по приказу командования. Покушение на жизнь Бекира Османова началось ещё в 1937-е годы. В своей научной диссертации он доказательно опроверг научность теории стадийности

Лысенко, за что был репрессирован и привлечён к суду за «контрреволюционную деятельность», но суд отклонил обвинение.

С 50-х годов – один из инициаторов и до последних дней жизни активнейший участник Национального движения. В связи с этим против него многократно возбуждались «уголовные дела», в том числе дело об «экономической контрреволюции». Но все они провалились. В 1966 году был исключён из партии.

Мать, Мария Владимировна, в 1944 году с двумя детьми переезжает в Фергану, одно из многочисленных мест депортации, где родился третий ребёнок, сын Артём.

Окончив школу в 1958 году, Юрий Османов поступает в МВТУ им. Баумана (Москва). С 1965 года работает в объединённом институте ядерных исследований в г. Дубне и в институте высоких энергий в г. Серпухове. В соавторстве с коллегами ему было выдано три авторских свидетельства на изобретение криогенной пузырьковой камеры – устройства, позволяющего фотографировать и измерять характеристики элементарных частиц. Позже, работая в Сумгаите Юрий Османов получил ещё два свидетельства на изобретение – реконструкция стекловарной печи.

Во время учёбы в вузе, Османов активно включился в Национальное движение крымских татар. Начал изучать наследие великого просветителя Востока Исмаила Гаспринского. Результаты этих исследований были изложены в четырёх очерках.

За участие в Национальном движении в 1968 году был репрессирован и осуждён сроком на 2,5 года. Срок отбывал на золотодобывающем прииске в Бессопане в Кызылкумах.

После освобождения, с лета 1970 года жил в Сумгаите, работал в проектно-отделе стекольного завода. В Сумгаит он приехал, надеясь избавиться от жёсткой опеки КГБ.

Жизнь в Сумгаите его тяготила. Там проживало мало крымских татар, поэтому широко развернуть движение здесь было невозможно. В 1972 году он возвращается в Фергану. Короткое время работал в проектно-отделе завода азотных удобрений, затем в проектно-институте «Гипроводхоз» — начальником отдела насосных станций, главным инженером проекта.

Творческая и активная деятельность по службе не остановила Юрия Бекировича от главного смысла его жизни – защиты национальных прав своего народа. Он активизировал работу по самопереписи крымских татар и, на основе анализа её результатов была установлена истинная численность крымских татар в довоенный период.

Совместно с отцом был сделан анализ масштабов геноцида и ограбления крымскотатарского народа при выселении в 1944 году, о чём было составлено семь актов.

В 1982 году опять репрессии. Юрий Османов вновь арестован и осуждён на второй срок, хотя провокации и «уголовные дела» шли сплошной цепью. Требовалось огромное напряжение сил и ума для разоблачения этих провокаций.

Вероятно, поэтому расправа в 1982 году велась с особой жестокостью и цинизмом, полным пренебрежением к процессуальным нормам. Он отсидел три года в посёлке Табага в Якутии. С первых же дней ему дали понять, что назад путь закрыт. Среди многих вариантов расправы над ним – таких как новое «уголовное дело», понуждение к «помилованию» и т.п. – был избран самый изощрённый, принудительное лечение в спецлечебнице КГБ, куда за три дня до окончания срока заключения Юрий Османов был доставлен в наручниках. Почти два года ему пришлось провести в Благовещенске.

С сентября 1987 года он на свободе, вернулся на свою прежнюю работу и снова активно включился в Национальное движение. Он в гуще событий во время погромов турок-месхетинцев в 1988 году. Именно при его активном участии и инициативе был предотвращён готовившийся погром крымских татар.

В 1989 году Ю. Османов работал в комиссии Верховного Совета СССР по проблемам крымскотатарского народа. Им был разработан проект «Декларации о преступности и противоправности государственных актов против народов, оказавшихся жертвами депортации», который лёг в основу принятой Верховным Советом СССР 14

ноября 1989 года Декларации «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав».

12 июля 1989 года Советом Национальностей Верховного Совета СССР была образована комиссия по проблемам крымскотатарского народа. Национальное движение крымских татар под руководством Османова Ю.Б. в этой комиссии, выработала и подготовила судьбоносные для крымскотатарского народа «Выводы и предложения по проблемам крымскотатарского народа», куда вошли в основном все требования народа за 45 лет его борьбы. Этот документ был рассмотрен в комиссиях и комитетах ВС СССР и 28 ноября 1989 года был одобрен ВС СССР на пленарном заседании. 29 ноября Постановление ВС СССР подписано Горбачёвым М.С., опубликовано и зарегистрировано под № 845-1.

В связи с этим, в октябре 1990 года Ю.Османов назначается исполняющим обязанности председателя комитета по делам депортированных народов Крымского облисполкома. В этот период он встречается со многими руководителями республик, где проживали крымские татары. Личные контакты Османова с людьми, имевшими непосредственное влияние на решение проблемы, способствовали созданию основных Союзных документов по скорейшему организованному возвращению крымских татар в Крым. Большую роль в создании этих документов и утверждения плана финансирования целевой программы из бюджета СССР (250 млн. руб.) по осуществлению первоочередных мер, связанных с возвращением крымских татар на родину в Крым, сыграло выступление Османова на IV Съезде народных депутатов СССР. Были достигнуты договорённости с руководителями республик о помощи в деле возвращения и обустройства крымских татар в Крыму. Под его руководством была разработана структура «Комитета» и положение о нём. Он видел в «Комитете» переходный исполнительный орган по восстановлению статуса крымскотатарского народа и восстановлению полиэтничной государственности Крыма.

Чтобы сорвать работу «Комитета», власти организуют кампанию противодействия ему руками подконтрольных им крымскотатарских структур ОКНД и пр.

Возглавляя «Комитет», Ю. Османов не пошёл на поводу у чиновников от власти, за что стал неугоден им.

Его непокорность и принципиальность раздражали начальство. Всё это привело к тому, что 18 марта 1991 года Ю. Османов был отстранён от должности председателя «Комитета». Основной состав «Комитета», активисты НДКТ: Абдураимов В., Баев Г., Сейтмеметов А., Аблязисов Р., Кайбулаев Р., Номанова А. и др. – коллективно подали в отставку. Они сохранили своё честное имя, не став соучастниками разбазаривания властями выделяемых государством средств на целевое назначение.

Осенью 1991 года Юрий Бекирович основал газету – информационный вестник Национального движения крымских татар «Арекет», редактором которого он был до последних дней своей жизни.

Только в 1992 году он смог перевезти свою семью (жену и дочь) из Узбекистана в Крым. Поселились они в съёмной крохотной комнатке с земляным полом. На личное обустройство у него никогда не хватало времени.

В 1993 году Ю.Б. Османова приглашают на работу деканом факультета востоковедения Международного Таврического эколого-политологического университета, где он проработал до своей трагической гибели.

Юрий Османов был признанным лидером в Национальном движении крымских татар.

Основные материалы общенациональных встреч и обращений НДКТ были написаны Ю. Османовым, либо под его редакцией. Им были написаны основополагающие документы: проект-концепция «Конституция Крымской АССР», проект «Закона Украины о восстановлении национальной целостности, прав и состояний крымскотатарского

народа (нации)», «Концепция национальной политики, прав и отношений в Крыму» и др.

6 ноября 1993 года Османов Ю.Б. был зверски убит. Это было первое политическое убийство в Крыму и на Украине.

С ликвидацией выдающегося борца и патриота крымскотатарского народа была ликвидирована государственная программа возвращения и восстановления национальной целостности, равноправия и государственности крымскотатарского народа, более половины народа осталось на высылке. Взят курс на ассимиляцию и ликвидацию крымскотатарского народа как нации.

Человек колоссальной трудоспособности, ему удавалось совмещать служебную и политическую деятельность с литературным творчеством. Юрий Османов – автор прекрасных стихов, поэм, сказок, переводов.

Стихи начал писать в 1962 году, первые серьёзные стихотворения появились в 1965 г. в «самиздате». Такие стихи как «Голос родины», поэма «Я обвиняю» стали поводом для репрессий.

Он с 1974 года литературными переводами крымскотатарских поэтов Амди Гирайбая, Бекира Чобан-заде и других. О публикации этих переводов речи быть не могло – все авторы практически находились под запретом. Собственные его произведения также не могли быть ранее опубликованы, так как поднимаемая в них проблематика и сам автор были неуютны властям.

Поэма – монолог «На смерть Индиры», написанная в заключении, смогла увидеть свет только в 1992 году, напечатанной в «Арежете». Там же была опубликована часть «Кызылкумской тетради» (Диалоги), некоторые переводы, стихи последних лет, монументальная поэма «Лесная сказка» в двух частях. Его ближайшие творческие планы были написать третью, заключительную часть этой поэмы (I часть – «Юность», II часть – «Мужество», III часть – «Президент»). «Самиздатовские» псевдонимы – «Адиль», «Крым-заде» и другие.

**Информационная рабочая группа НДКТ.**

## **ЧЕЛОВЕК ИЗ ДРУГОГО ИЗМЕРЕНИЯ**

**Учёный, политик, журналист – он добивался справедливости для своего народа.**

**При этом не строил хоромы для себя, как не строил заборы для других. И – погиб.**

**ЮРИЙ БЕКИРОВИЧ ОСМАНОВ.**

**01.04.1941 – 06.11.1993**

Кто он? И возможно ли в эту ничтожную чётточку, разделяющую даты рождение и смерти, вместить воистину титаническую жизнь?

Я не беру на себя этой смелости. Моя задача – ничем себя не озадачивать, ибо личность, о которой пойдёт речь, требует иных измерений, иного времени для своего понимания...

Те, кто знакомился впервые с этим красивым, высоким, под 190 см. статным, рано поседевшим человеком, с немного воспаленными от бессонниц, но чрезвычайно живыми, пронизательными глазами, отмечали в нём обаятельный сплав парадоксальных на первый взгляд качеств: колоссальной внутренней силы, выдающей недожизненную личность, и мальчишечьей доверительности, стеснительности, скромности. В журналистских кругах Османова окрестили «крымскотатарским Сахаровым», с которым, несмотря на внешнее несходство, у него, в самом деле, было много общего.

Закончив в 1965 году в Москве Высшее техническое училище имени Баумана, представитель «народа-эфемерчика», приговоренного к вырождению, становится многообещающим физиком-ядерщиком, ведущим инженером институтов физики высоких энергий в Серпухове и ядерных исследований в Дубне, автором пяти запатентованных изобретений. В Средней Азии он проектирует систему насосных станций, которые орошают ныне всю Ферганскую долину, превратив места его высылки в цветущий сад. Каторжный труд диссидента на золотодобывающих приисках Бессопана, Кызылкумов, Якутии сопрягся с работой над философскими, историческими открытиями скрытых и умолченных закономерностей нашего общественного развития. В Крыму в 1993 году он выступает с инициативой создания Международного Таврического эколого-политологического университета, где потом работает деканом факультета востоковедения.

Другая инициатива Османова – вестник Национального движения крымских татар «Арекет» («Движение»), который начал выходить в Симферополе в 1991 году, и который Османов редактировал до своего последнего дня. Неприметная с виду четырёхполоска формата «районки», без всяких художественных «оживляжей», с тиражом всего несколько тысяч, она поражала отнюдь не местечковой интеллектуальностью, масштабностью мышления, глубиной анализа общественно-политических тенденций и явлений, свежестью и меткостью хорошего русского языка, ставшего диковинкой в исконно русской периодике.

Свободный от оголтелой лозунговщины и «жареных» компроматов. «Арекет» стал зубастым и небезопасным для политических оппонентов благодаря открытой, без околичностей, полемичности, доказательности самых смелых версий, основательности изобличений провокационных замыслов, которые таким образом в Крыму не раз срывались. Этот умный и честный вестник, который невозможно читать по диагонали где-нибудь в троллейбусной давке, а лучше в тихой полночной кухоньке с карандашом в руке, любили не только пытливые крымчане разных национальностей. Невзрачные внешне, номера как реликвии собирали специалисты-правдоискатели далеко за пределами непонятого Крыма.

Последнее «Слово к читателям», появившееся в свет после гибели редактора, начиналось так: **«Жизнь – это движение. Тот, кто остановится хоть на миг, сначала останется позади, а затем – в прошлом и рискует потерять всё».**

Его жизнью было Движение. Национальное движение крымских татар (НДКТ) к возрождению. Именно в нём Османов видел своё предназначение, именно ему было подчинено всё, что составляло его душу и бытие.

### **«ВРЕМЯ – НИЧТО, ЕСЛИ НЕТ НИЧЕГО ВО ВРЕМЕНИ»**

Не останавливаясь в движении, он так и остался впереди нас. Непостижимым, недопонятым. Даже ближайшие друзья и родные не были вхожи в его сокровенное – он поверял его бумаге: пишущая машинка, вспоминает жена Юрия – Айше Добро, постоянно стучала глубоко за полночь.

Он спешил сказать многое, но его не спешили публиковать. Не потому, что рукописи признавались бездарными – наоборот. Они, содержащие не сиюминутную правду, никак не вписывались в конъюнктурные издания «текущей информации», равно как и сам автор со своими ценностями – в ряды рыночного времени. Пугали пророческим предвосхищением событий, и это было выгодней умолчать, дабы не навлечь гнев «охотников» за Османовым на себя. Помню, как бдительно местные издатели обходили острые углы «крымскотатарского вопроса» в начале 90-х. а после расправы над лидером НДКТ дружно, сняли все стоявшие в полосах материалы, хоть как-то касавшиеся опасной темы.



«Арекет» не способен был вместить в себя всё, что впоследствии представится важным не только для крымскотатарского народа, но и для Крыма, едва не захлебнувшегося кровью криминально-политической войны – за выбор пути своего развития – и так и не вырвавшегося с мертвой точки: для общечеловеческого, если хотите, будущего. («С Османовым нужно было говорить не о политике, а о вечном», – запоздало признала И. Иванченко, крымская журналистка, перелистывая блокноты с «недляпечатными» интервью, так и не увидевшими свет).

Невостребованные рукописи теснили... Нет, не стол – у учёного не было письменного стола. И не дом – дома не было тоже: семья снимала чужой угол с земляным полом. Их умолчание перекрывало шлюзы к правде, источниками которой мы не богаты. Многие "уникальные работы Османова и по сей день, остаются не оглашёнными, а мечта жены об их издании книгой – малоосуществимой, поскольку, кроме этого богатства и дочки-студентки, она не унаследовала от бесребренного мужа ничего.

Можно, конечно, утешиться булгаковским заверением, что рукописи не горят: всему своё время. Но, смотря как его, это время понимать. У Османова было своё понимание природы времени, открытое им в 1985 году в якутском посёлке Табага. Поскольку оно является ключом к пониманию и его личности, я позволю себе подробнее изложить ключевые мысли.

**«...Толчком послужила фраза отца, всплывшая в памяти в штрафном изоляторе во время 20-дневной голодовки: «Время ничто, если нет ничего во времени». Во времени не было ничего и оно остановилось. Пожиравших меня клопов я уже не замечал, и эксперимент получался вполне «чистым».**

**Итак, для меня время остановилось, но за стеной, в «зоне», оно теплилось и текло весьма ощутимо, несмотря на 50-градусный мороз. Ещё оживленной был его ход за колючей проволокой, несмотря на продолжавшийся ещё застой. Значит, в разных системах, в разных процессах оно может характеризоваться разными темпами.**

**...Представим себе коробок со спичками. Он может лежать год и два безо всяких видимых изменений. Коснёмся спичкой раскалённого железа – через несколько секунд жизнь спички окончится. Спичка необратимо превратится в тлен. Темп времени связан каким-то образом с необратимостью, а само время – с процессом.**

Не углубляясь в научные дебри, отмечу, что из османовской теории, по которой не «время устанавливается из событий», как полагал Г. Лейбниц, но «событиями устанавливается время», истекает много нетривиальных допущений – как об истории сотворения Вселенной, так и развития человеческого бытия, где личность, получается, способна «двигать», временем. Отдельные процессы в изолированных системах, как показывают опыты, могут быть и обратимыми, протекая как бы в «остановившемся» времени, которое на самом деле, относительно мирового, начинает двигаться в «обратном направлении»: при таком повороте последовательность причины и следствия подвергается сомнению. «Время ничто, если нет ничего во времени».

## **РОВЕСНИК ДРАМЫ**

Ю. Османов, родившийся в 1941 году в центре Крыма, попал под колеса «машины времени» сталинской системы, стремящейся повернуть развитие крымскотатарского народа вспять.

Сорок первый, трагический год.  
Но он мой. Я – трагедии, вестник.  
Я в счастливой судьбе поворот  
И огромнейшей драмы ровесник.  
(Симферополь, 1991)

То драматическое, «остановившееся» время, по всей вероятности, и предопределило его подвижническое предназначение, в котором он повторил судьбу отца – зачинателя Национального движения крымских татар.

Бекир Османов – легендарный партизанский разведчик Великой Отечественной войны, организатор семи крупномасштабных операций по освобождению Крыма от фашистских захватчиков. Немецкое командование сулило за его голову сто тысяч рейхсмарок, а следом пошли преследования со стороны советского руководства за причастность к национальному движению соотечественников, депортированных с родного полуострова. Более десятка уголовных дел», исключение из партии, клевета в мемуарной литературе...

Юрий, депортированный из Крыма в Среднюю Азию в младенческом возрасте, около полувека был оторван от родины, но она в нем жила, болела и пела.

Национальное движение было зарождено поколением отцов в местах высылки (Средняя Азия) ещё в 50-е годы. Юрий, будучи студентом МВТУ, приобщился к нему в начале 60-х. И Османов-отец, развенчивавший в диссертационной работе не научность теории стадийности Т. Лысенко (в связи с чем в 37-м был впервые предан суду как «контрреволюционер»), и Османов-сын. противник гипотез Большого взрыва (как во взгляде на природу зарождения Вселенной, так и Национального движения), сделали многое для того, чтобы НДКТ после пережитого геноцида оказалось свободным от стихийновзрывообразных действий, экстремистских устремлений, притязаний на национальную исключительность.

...В 1968-м начинающий инженер-изобретатель, входящий в «костяк» движения, был сослан на 2,5 года в Кызылкумскую колонию, где, говорят, ломались многие, куда более матёрые мужи, однако юный Османов не оставляет «крамольной» работы и в ссылке. Возвращение не означало освобождения: в Сумгаите, а затем опять в Фергане приходилось действовать под неустанным оком КГБ.

В этих, сродни тюремным, условиях Османову тем не менее удается многое. Вооружившись переносным магнитофоном, он ходит по домам, по крохам собирая крымскотатарский фольклор, оживляя задушенные в подполье язык, культуру, традиции. Разыскивает документы, раскрывающие достоверную картину участия народа в Великой Отечественной войне и доказывающие его невиновность перед родиной, вскрывает государственные фальсификации и обнажает подлинные масштабы геноцида...

В 1982-м известный уже учёный и политик был заточён на три года в зону строгого режима в посёлке Табага под Якутском. Это была та самая «чёрная дыра», где время останавливается, и жизнь необратимо превращается в тлен... За три дня до освобождения Юрий, совершенно здоровый, как засвидетельствуют потом врачи, в наручниках был препровождён в Благовещенскую спецпсихлечебницу, где его убивали ещё два года. Примечательно, что предлогом для этого стали «заумные» научные и поэтические произведения, которыми каторжник делился в письмах со своей дочерью. В их числе упомянута пронзительно-пророческая поэма «На смерть Индиры Ганди», в которой он предсказал и свою смерть.

Всего за колючей проволокой Османов провёл около восьми лучших лет, хотя в действительности, как утверждают близкие, в «зону строгого режима» была превращена вся его жизнь

## **ПОЛИЭТНИЧЕСКОЕ ИЛИ НАЦИОНАЛЬНОЕ?**

Вернувшись из северной ссылки в «горячую» Фергану, диссидент вновь оказывается в гуще политических событий, участвует в обуздании экстремистской расправы над турками-месхетинцами, предотвращает готовящийся погром крымских татар (1988).

В 1989-м Османова как прогрессивного (в русле нового, перестроечного, курса) политической деятеля включают в Госкомиссию Верховного Совета СССР по проблемам крымскотатарского народа, принимается подготовленный им проект «Деклараций о преступности и противоправности государственных актов против народов, оказавшихся жертвой депортации» и на её основе Госпрограмма по возвращению крымских татар на историческую родину. С октября 1990 года Османов, уже председатель Комитета депортированных народов при Крымском облисполкоме, непосредственно занимается организацией возвращения и обустройства крымских татар на полуострове.

**«Помню нескончаемый поток людей, приезжавших в его маленький прокуренный номер в одной из симферопольских гостиниц, – вспоминает корреспондент газеты «Независимость» из Татарстана Майя Валеева. – Помню поездку по Судакскому району, многочисленные встречи и разговоры с недавними переселенцами, посёлки-самострои, полузаваленные снегом. Юрий Османов заходил в каждую лачугу, в каждый вагончик, внимательно, пытливо, страстно говорил с людьми, – будь то глубокий старик, молодая мать или подросток...».** Всех тогда поражало, что этот «большой человек», добившийся, чтобы Госпрограмма по возвращению крымских татар была включена отдельной – третьей – строкой в бюджет СССР (после Чернобыля и Арала), и достигший с руководством республик Средней Азии договоренностей об оказании финансовой помощи в её исполнении, сам с семьей не имел ни кола, ни двора, стремясь в первую очередь расселить самых обездоленных. **«Он терпеть не мог патриотизма квасного, кликушествового, истеричного, когда, непрерывно декларируя любовь к родине, из этих деклараций пытаются выстроить уютный уголок для себя лично»,** – вспоминает жена Юрия Айше.

В Крыму Османов, по утверждению сподвижников, столкнулся лоб в лоб именно со спекулятивным подходом к крымскотатарскому вопросу, в котором углядел давние корни. В статье «Из нас делали «народ-эфемерчик» он писал: **«Силы 1944 г. предполагали временные уклонения от плана, сформированного еще царизмом: «Крым — без крымскотатарского народа». В запасном варианте допускалось смириться с возвращением ограниченного контингента крымских татар в Крым при условии удержания на высылке основной части народа... При этом возвращение должно было быть превращено в трагедию, в сравнении с которой даже депортация показалась бы детской забавой. Некоторое снижение барьера административно-правовых рогаток при налаженной системе обирания предоставило возможность вернуться в Крым только наиболее обеспеченной и, в социальном отношении, наиболее мобильной части нации»** («Независимость» №10 (12). 1993. Татарстан).

Это стало основой для расчленения народа, которое окончательно оформилось в начале 90-х с созданием в Крыму альтернативной НДКТ Организации крымскотатарского национального движения (ОКНД) во главе с меджлисом, провозглашавшим себя единственным высшим полномочным представительным органом, не признающим никакой иной (официальной) власти, в том числе и Комитета по делам депортированных народов, возглавляемого Ю. Османовым.

**«С целью удушения Комитета властями было организовано противодействие его работе самими крымскими татарами через ОКНД. — заявила в газете «Арекет» (24.05.94) информационно-рабочая группа НДКТ. – Механизм был прост. Власти на местах не выделяли татарам земельных участков, хотя генпланы для этих целей были разработаны. Путем подкупа должностных лиц в местных Советах эти планы попадали в руки активистов ОКНД, и участки распределялись тем, кто сидел на «самозахватах». В результате кровопролитные схватки поселенцев с силовыми структурами...**

Ю. Османов был противником всякого беззакония – будь то силовая борьба народа за свои «алтари и очаги» или тихое, заспинное махинаторство власть предержащих. Когда в 1991-м правительство Рыжкова перечислило Комитету на строительство жилья для

крымских татар 200 млн. рублей (по тем временам деньги очень большие), а Крымский облисполком четверть суммы тут же пустил на другие нужды, Османов категорически отказался поставить подпись, узаконившую эту сделку, в связи с чем в должности председателя вскоре был утверждён другой – более сговорчивый – человек. После отстранения Османова из Комитета в знак протеста ушли и составляющие его основу активисты Национального движения.

В 1992—1993 годах обостряется противостояние между лидерами НДКТ, стоящими за полиэтничное государство, основанное на равноправном представительстве всех населяющих Крым народов в органах госвласти, и меджлисом ОКНД, выступающим исключительно за крымскотатарское национально-территориальное государственное образование, идею которого, как ни парадоксально, поддерживали не только Турция, с которой меджлис тесно связан, но и кравчуковский Киев, местная власть во главе с Багровым. Османов объяснял это тем, что перечисленным силам выгодно руками националистов разжечь на полуострове пожар межнациональной розни и таким образом, обескровить Крым, покорить его, не допустив становления сильной, многонациональной самоуправляемой республики. Развенчивая всю опасность, конфронтационного пути, Османов был неудобен многим, в том числе соплеменникам.

### **«ЮРА ЗНАЛ, ЧТО ЕГО УБЬЮТ»**

**«Я не сомневаюсь в политическом характере убийства, – скажет его вдова. – За месяц до гибели Юра стал, наконец, выездным. Возглавляемая им делегация НДКТ побывала в Турции, где встречалась с представителями всех групп крымскотатарской диаспоры и нашла поддержку своим идеям. Он вёл переговоры с Эдуардом Балтиным о судьбе Черноморского флота. Открывались новые горизонты, перспективы... Юра знал, что его убьют»** («Таврические ведомости». 08.07.94).

НДКТ в своих заявлениях руководству Крыма и Украины, прокурорам республик тоже твердо стоит на том, что это политическая расправа, напрямую увязывая её с турецкой поездкой, в ходе которой была прорвана информационная блокада, развеяны искусно созданные мифы вокруг крымскотатарской проблемы, дезавуированы механизмы подготовки крупномасштабных провокаций – по грузинскому, абхазскому, ингушскому вариантам, что означало провал стратегии внешних контрразведок, работавших на превращение Крыма в «горячую точку».

Не случайно, отмечается в заявлении, убийство произошло в канун выборов Президента (НДКТ готовилось выдвинуть кандидатом Ю. Османова) и Верховного Совета Крыма, конца впервые после более чем полувекового перерыва, крымскотатарский народ должен был избрать, своих законных представителей в парламенте (по национальным квотам). Эти выборы для Крыма были не просто актом формирования очередной администрации, но выбором модели государственного устройства, апробируемой для России, а возможно, и для будущего «суперсоюза». Выбор её во многом зависел от того, какими силами – конфронтационными или консолидационными – будет представлена в парламенте крымскотатарская фракция.

Когда стало ясно, что вотум доверия способно получить Национальное движение, стоящее за равенство прав и единение народов, населяющих полуостров, и тот факт стал достоянием мировой общественности, включая крымскотатарскую диаспору, враги стабильной республики в целях противодействия пошли на «подлое, преднамеренное политическое убийство главы НДКТ». Османов не просто предчувствовал свой удел, он его знал наверняка: из анонимных телефонных угроз, которые после турецкой поездки и переговоров с командованием Черноморского флота участились и ожесточились в ультиматуме – «поумерить активность».

## ТЕРРОР ПЕРЕД ВЫБОРАМИ

Большой ребёнок, как называли его родные, писавший сказки, в которых добро побеждает зло, он пытался разъяснить преимущества правового государства над криминальным, веря, что его услышат... нелюди. Да, это были именно нелюди.

Его убивали ранним вечером в центре Симферополя – долго, медленно, со звериным упоением и шакальей кровожадностью: переламывая ребра, пробивая череп, растерзывая лицо до неузнаваемости. Из изуверства этой расправы тоже явно проступает политическая цель – запугать. Эта цель, надо заметить, была достигнута, а непугливых правдолюбцев постигла похожая участь: убийством Османова в Крыму была открыта целая серия политических преступлений. Спустя неделю, в автокатастрофе погиб Яков Аптер, председатель Союза в поддержку Республики Крым, кандидат в Президенты; через месяц при выходе из квартиры был убит начальник пресс-центра Черноморского флота Андрей Лобезников; стреляли в кандидатов в Президенты лидера Компартии Леонида Грача и тогдашнего главу севастопольской госадминистрации Ивана Ермакова; едва не убили арматурными прутьями Анатолия Лося, возглавляющего Русское общество; охотились за главой Русской партии, кандидатом в Президенты Сергеем Шувайниковым; несколько кровавых покушений было совершено на без пяти минут Президента Юрия Мешкова; расстрелян советник председателя ВС по экономике Эскендер Меметов... За двухмесячный предвыборный период пролилось море крови.

Модель крымского развития для кого-то действительно значила много. Для кого же? В некоторых средствах массовой информации говорилось о причастности к расправе над Османовым «серых волков», прибывших из дальнего зарубежья следом за своей жертвой.

## ОГРАБЛЕНИЕ БЕЗ ОГРАБЛЕНИЯ

Официальная версия была такая: политический деятель убит... в целях ограбления. «Рядовое, банальное, разбойное нападение» (прокурор Е. Блаженко).

Едва успели оперативники зафиксировать труп, как по радио- и телеэфиру были объявлены имена «грабителей», а по городу развешены листовки с их портретами (по предположениям независимых экспертов, отпечатанные заблаговременно – возможно, поэтому в заключении судмедэкспертизы время и дата её проведения будут исправлены). Что вывело следствие на «верный» след? Вообразите, документы – трудовая книжка и военный билет, – которые якобы один из убийц оставил детективам на месте преступления. Преступников вскоре взяли и с волшебной скоростью «раскололи». Всё шло бы как по маслу, если бы явные недоделки «гончаров», которые, «лепя» грабительскую версию, сделали ставку на силу физическую, недооценив значения фактов. Под их напором и рухнул картонный домик. А подсудимые, вконец запутавшись в вымогаемых лжепоказаниях, отказались в последний момент от самоговора.

Конечно, в наше смутное время и политический лидер может быть убит пьяницами в целях тривиального ограбления. Но, по логике, он в таком случае должен быть, все-таки ограблен. Однако часы, ради которых якобы произошло столь зверское убийство, по показаниям свидетелей, оставались на Османове долго после того, как расправа была завершена. 15 тысяч российских рублей, которыми, как утверждал прокурор Е. Блаженко, выступавший государственным обвинителем, будто бы поживились грабители, оказались целёхонькими в редакции «Арекета». Эта сумма, переданная из Средней Азии на нужды газеты, согласно документам, была сдана Османовым по назначению 5 ноября 1993 года, то есть за сутки до гибели. Других денег у него не взяли. В сумке, по данным протокола и свидетелей, всё осталось на месте. Всё, кроме сущей «пустяковины» – чёрного блокнота с записями, сделанными во время поездки в Турцию и переговоров с Балтиным. Этот блокнот всегда был при нём, и в тот трагический вечер тоже...

## «НЕПОБЕЖДАЮЩИЙ СОЛДАТ, НЕПОНИМАЕМЫЙ ВАМИ»

В ходе судебного разбирательства было выявлено множество явных подтасовок и нарушений уголовно-процессуальных норм, допущенных органами предварительного следствия крымской прокуратуры, – рассказывать обо всех нет возможности. В результате судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Крыма не сумела вынести обоснованного решения и, подвергнув сомнению самую версию – «убийство из корыстных побуждений», возвратила дело на доследование. Поскольку общественный обвинитель от имени Национального движения крымских татар выразил недоверие прокуратуре Крыма и потребовал по фактам допущенных нарушений возбудить против следственной группы уголовное дело, Генпрокуратура Украины поручила вести следствие Луганской областной прокуратуре.

Журналисты тем не менее, чем дальше, тем чаще высказывают сомнение в том, что в наш век безвременья удастся узнать тайну этой дикой расправы: все происшедшие в Крыму политические преступления остаются безнадежными «глухарями» (в переводе с милицейского – закрытыми наглухо).

«Нерасшифруемость события» своего последнего надзвёздного круга Османов тоже предсказал – в предсмертном стихотворении, в котором впервые за всю жизнь прорвалась боль сомнения:

Зачем я строил про запас,  
Когда судьба сдвигала в пропасть?  
Зачем любил, надежил Вас,  
Вися на перетёртых стропах?  
Зачем, повержен и распят,  
Тянусь рукою за цветами,  
Непобеждающий солдат,  
Непонимаемый Вами?!  
(Симферополь, 1993).

«Про запас Юрий Османов строил, конечно же, не напрасно. Он строил не хоромы и не заборы (лишь в ноябре 1994-го активисты НДКТ выбили-таки для его семьи, на троих человек – жена, мать жены и дочь, нормальную 3-х комнатную квартиру). Он строил новый – лучший – день, опережая, быть может, время и тем самым, подстёгивая его. Сейчас, когда к его концепциям будущего общества, построенным на фундаменте подлинной истории, всё с большим интересом тянутся учёные, налицо справедливость постулата, что именно события (продукт деятельности личности) определяют движение времени, а не наоборот. Правда, того, чтобы твой выход увидели, надо погибнуть. Почему нами правит эта страшная закономерность?!

**СВЕТЛАНА ТУМАНОВА**  
ЖУРНАЛИСТ.

## РЕЦЕНЗИЯ – РЕКОМЕНДАЦИЯ

Автор книги – Юрий Бекирович Османов гуманист, видный учёный (за свои изобретения получил 5 авторских свидетельств), один из активных участников Национального движения. Талантливый поэт, переводчик и литературовед, безвременно ушедший из жизни, оставил большое творческое наследие.

Я обвиняю именем народа,  
Мы обвиняем памятью могил.  
Мы – совесть, мы судья  
За всех, кто не дожил.

Эти строки можно поставить эпитафией к сборнику стихов поэта. За участие в Национальном движении Юрий Османов трижды осуждён и 7,5 лет находился в местах лишения свободы. Но, даже находясь в лагерях Бессопана в Кызылкумах, Табага в Якутии и в Благовещенской спецпсихбольнице для политических заключённых, не переставал бороться за возвращение крымскотатарского народа на Родину, делая это прекрасно при помощи прозы, поэзии и слова.

Последний час настал: или позор в плену,  
Иль жизнь счастливая на Родине – в Крыму,  
Перед тобою мир. Перед тобой – земля.  
Перед тобой судьба и Родина твоя!

Поэт твердо верил в то, что народ дойдёт до заветной цели и борьба сотен тысяч крымских татар увенчается победой. Ещё в 1968 году в своем стихотворении «Последнее слово» он писал:

И май грядущий вижу я:  
Народ вернётся в край родной.  
Так возвращается солдат –  
Избит, изранен, но – живой!

Я бы назвал эту книгу «Последнее слово». Ибо данный сборник – его последнее слово борца в суде, последнее слово поэта перед уходом в мир иной. Всё что он хотел сказать – в этих стихах.

В данный сборник вошли около ста стихотворений, поэма-монолог «На смерть Индиры», а также блестящие переводы произведений классиков крымскотатарской литературы Бекира Чобан-заде, Шевкый Бекторе, Амди Герайбая и др.

В 1968 году вышел сборник стихов поэта С.В.Смирнова под названием «Таврида – Родина моя». В аннотации к ней пишется, что эта книга — о родине поэта.

Этот сборник привлёк к себе внимание другого поэта, тоже считающего Крым своей Родиной – Ю. Османова. Цикл стихов «Диалоги» отразил точку зрения поэта, вступившего в полемику с автором сборника «Таврида – Родина моя».

В отличие от Смирнова, слагающего свои стихи под ласковым крымским солнцем, Османов писал «Диалоги» в колонии усиленного режима и посвятил поэтический цикл борцам за восстановление прав народа.

Тематика стихотворений Ю. Османова многогранна. Но главное место в его творчестве занимает гражданская, философская лирика. Поэтические произведения поэта несут автобиографический характер:

Я унаследовал, не знаю, от Востока  
Иль от оршанских девственных лесов  
Почтенье долга. Долг обетных слов.  
Хоть искушала жизнь. Судьба гнала жестоко.  
Таков Завет, пришедший от отцов ...

Судьба Юрия Османова, как и сотен тысяч крымских татар неразрывно связана с народом, что нашло отражение в творчестве поэта. Так, стихотворение «среди вас высоко кто-то руку поднял» о противостоянии борцов национального движения и произвола советских властей, о сложном и тернистом пути народа на родную землю:

Приговор отзвучал,  
Зал от горя застыл,  
Слёзы кто-то ронял,  
Взгляд конвой опустил.

Суд мгновенно смело,  
Как затравленный зверь,  
Отступал прокурор  
Через чёрную дверь.  
Вдруг взметнулся букет,  
Розы, дети весны!  
«От народа привет  
Вам, народа сыны»  
Вздвогнув, замер конвой,  
А майор пожилой,  
Брызнув нервно слюной,  
Топчет розы ногой.  
А потом заорал:  
«Я вас всех накажу!»  
«Им народ передал?»  
«И его посажу».  
Среди вас высоко  
Кто-то руку поднял,  
В ней спасённый цветок  
Алой кровью пылал.  
Крепко стиснув кулак...  
– Не забудет народ!  
«Мы вернёмся назад!»  
«Живо. Молча! Вперёд!»  
«Будьте стойки, сыны!»  
«Обвинитель, позор!»...  
Мы дождёмся весны —  
Вам зачтут приговор.

Выход в свет сборника произведений Юрия Османова дань светлой памяти поэта – борца, жизнь которого трагически оборвалась в 1993 году, нам предоставляется уникальная возможность услышать его последнее слово...

**Член Национального Союза писателей Украины,  
Аблязиз Велиев**



## ГОЛОС РОДИНЫ

Возможно, что и море загорится, –  
Так голос мудрого народа говорит.  
И голос этот вспоминаю я,  
Когда тоска и боль скуют меня.  
И думаю в тяжёлый этот час:  
Что сделал я, что делать мне сейчас?  
Преодо мною – мир. Преодо мной – земля.  
Дай мужества мне, молодость моя.  
Дай мудрости, а ненависть – в груди.  
Её растили много лет вдали.  
Я верой в честность, правду напоён,  
Дай силы – к честности людей пробить заслон.  
Я в дружбу верю, я люблю людей.  
Дай волю дружбе и любви моей!  
Дай силы мне о память, о земле святой.  
О, Родина! Я голос слышу твой.  
Твой стон и гнев твоих детей,  
Благословенье мудрых матерей.  
О, молодость, прекрасная моя!  
Свой гнев и руку предлагаю я.  
О, молодость, о, жизни всей заря,  
Не жизнь раба, не милость мне нужна.  
Я жить хочу с поднятой головой,  
С народом вместе на земле родной,  
Хоть жить могу и в дальней стороне,  
Как гражданин, «как равный сын в семье».  
Пройдут года, и что ответим мы,  
Кто струсил, кто устал бороться против тьмы?  
Ровесник мой! Перед людьми, перед детьми,  
Ужели сединой бород позор прикроем мы?  
Бывает в жизни день, бывает в жизни час:  
Судьба приводит на распутье нас.  
Когда решается судьба твоих седин,  
Тот день, тот час бывает лишь один.  
Ждёт наше слово день, последний этот час.  
Честь, правда и любовь благословляют нас.  
Последний час настал: или позор в плену,  
Иль жизнь счастливая на Родине – в Крыму.  
Перед тобою мир. Перед тобой – земля.  
Перед тобой судьба и Родина твоя!

30.08.1965 г.

\* \* \*

Редка прекрасная любовь.  
Хранит предания народ  
И удивительные песни  
О ней с любовью и почтеньем.  
Мать в жизнь детей своих ведёт  
Дорогу их следит везде.  
Свой, пролагая путь, они,  
В душе хранят её черты.  
И так идут из века в век  
Любовь и Мать и Человек.  
Не знаю, в стороне, какой  
Дороже Родины святой

Сильней любви к Отчизне милой  
Любовь жила ль? Ценней что слыло?  
Где беспощадней месть была  
За дом, разрушенный дотла,  
За отчий край. За боль народа,  
За ущемлённую свободу.  
Какая мать не проклянёт  
Детей, предавших свой народ.  
Забывших (шкурой дорожа)  
Долг сыновей. Чья мелкая душа  
Предательству и трусости найдёт  
И оправданье и предлог.  
Какую радость клевета,  
Волною грязной разливаясь,  
Вмиг не отравит. И тоска.  
В движенье каждом отзываясь,  
Тоска по милым берегам,  
По крышам сакль, крутым горам,  
Глухим ущельям, где порой  
Отцы вели неравный бой.  
По Сивашам, пустынной степи  
Утихнет ли она от Родины вдали?  
Влечёт. (Ни отдыха, ни сна),  
Где вся история моя,  
Благословенная земля!  
Трудом и кровью сад созданный,  
Крым, край родной обетованный!  
Земля любви! Земля страданий!  
Страна надежды! Край преданий!  
Мать сына своего –  
Его дыхание, тепло,  
Свет, ласка, молоко.  
Отчизна!  
Любовь к тебе – есть жажда жизни.  
Богаче и сильней  
Нет жажды на земле.  
Волнует разум, будит кровь  
Та оскорблённая любовь.  
Страшна она священным гневом,  
Кипит поруганная честь.  
Успех не измеряют жертвой.  
Всесильна смерть,  
Любовь – бессмертна!

*Декабрь, 1965 г.*

## ПОСЛЕДНЕЕ СЛОВО

Я не ношу с собой ни пепла,  
Ни горсти дорогой земли.  
Я был младенцем – нас везли...  
Я рос – со мной росла и крепла  
Любовь, тоска сильнее любви.  
То Песня. Песней жить рождённых  
О той, что старше матерей —  
Мой сон среди жестоких дней,  
Мой день среди ночей бессонных  
И май грядущий вижу я:  
Народ вернётся в край родной.  
Так возвращается солдат –  
Избит, изранен, но – живой!

29.05.1968 г.  
Кызылкумы.

\* \* \*

### *Исмаилу – сыну*

По улице Мира  
В квартире четыре  
Мы с сыном прощались  
На долгие дни.  
Малыш в рубашонке  
Махал мне ручонкой,  
Кричал «до свиданья!»  
И дни – потекли.

06.1968 г.

\* \* \*

«Я унаследовал, не знаю, от Востока  
Иль от оршанских девственных лесов  
Почтенье долга. Долг обетных слов.  
Хоть искушала жизнь. Судьба гнала жестоко.  
Таков Завет, пришедший от отцов...»

21.10.68 г.

\* \* \*

Дорог несчётно в необъятном поле,  
А на распутье – камень столбовой  
Гласит: «Тот не вернётся воин,  
Когда пойдёт дорогою прямой».  
А я иду дорогою тернистой...

*12-17. 11.1968 г.*

\* \* \*

Лети, свети, моя звезда.  
Меня измена не пугает.  
Не иссушит меня любовь,  
И в жилах не замёрзнет кровь.  
Не сломит ложь... И визг калек.  
Я не сдаюсь. Я – человек!...»

*12.12.1968 г.*

\* \* \*

Мама, здравствуй, родная!  
Ты со мной каждый день, каждый час.  
О тебе с теплотой вспоминаю,  
Столько доброго в прошлом у нас,  
Предо мною картины былые  
Проплывают как в цвете сады.  
Я мечтаю. Мечты голубые.  
И я верю – увижу плоды.  
Сколько помню себя, ты кормила,  
Согревала, лечила меня.  
Ты умела работать, любила.  
И работа любила тебя.  
В то голодное, трудное время  
Помню, как-то собрались семьёй.  
Подарили тебе на рожденье  
Гребень, пудру и что-то ещё.  
Как была ты счастлива в тот вечер.  
Бескорыстна любовь матерей.  
Помню наши последние встречи,  
Обаянье улыбки твоей...  
Для ребёнка понятно лишь «мама»,  
Только взрослому – «мать человек»  
Самый чуткий и преданный самый  
На стрежне испытания лет.  
И теперь, в эти зрелые годы,

С восхищеньем гляжу на тебя.  
Много мужества в битве с невзгодой  
Проявляешь, усталость тая.  
Я горжусь, очарован тобою,  
И люблю, как и в детских годах...  
Будь здорова. Мы снова построим  
Белый домик на взгорке в Топлах.

*12.1968 г. – 01.1969 г.*

\* \* \*

Поезжайте лесом, поезжайте бором,  
Полюбуйтесь плёсом, синим косогором,  
Белыми холмами в голубом просторе,  
Стройными церквами в золотом уборе.  
С вами я люблюсь, а один – тоскую,  
Слушаю, волнуясь, песню, мне родную.  
Про тропинку в скалах, про Яйлу в тумане.  
Стадо разбежалось где-то в урагане.  
Топают ребёнок неумелым шагом,  
Осенён с пелёнок грозным Чатыр-Дагом.

Старокрымский танец кружится как пламя.  
И как день настанет, попрощаюсь с вами.  
Разгуляйтесь полем, зашумите бором...  
Я иду тропюю, что уводит в горы.

*...01.1969 г.*

\* \* \*

...Ночь над пустыней холодной довлеет,  
Солнце не скоро взойдёт.  
Медленно дело великое зреет,  
Трудно ломается лёд.  
Только займётся дневное светило,  
Звёзды сотрёт синева.  
Правда, народа – великая сила.  
Мудрость надгробий мертва.

*12.01.1969 г.*

\* \* \*

Представьте, что раскрылась дверь,  
И он вошёл с охапкою сирени.  
Вослед ему ворвалась ветра трель,  
И дух земли, и шорохи, и тени.  
И этот цвет, сравнимый с чудо-сказкой,  
И аромат, как прелесть тайных слов,

В объятиях трепещущих листов,  
Как поцелуй, как трепет первой ласки.  
Представьте: в этот день с утра  
Сирень заполнила ваш сад, ваш взгляд.  
И вместе с нею в дом пришла весна,  
И ваша грудь от радости тесна,  
Что марту вслед придёт, идёт апрель  
Представьте: что раскрылась дверь...

28.01.1969 г.

\* \* \*

Каюсь, виноват – не был я богат.  
Нет, не жил – сгорал.  
Это не по мне, где-то в стороне  
Создавать берлоги,  
Обходить дороги.  
Наживать седины  
«Честно», подло, чинно.  
Вопль насилия слыша,  
Прятаться под крышу...  
...Это не на час преданность от нас  
Требует народ, а из года в год,  
К сыну от отца, закалять сердца.

\*\*\*

На жёлтой поляне, у сосен смолистых,  
На крыльях изломанных аист лежал,  
Грозою убитый. Здесь путь пролегал  
Из Африки знойной, над временем быстрым  
К лесам Белоруссии, к светлым полям.  
Разбитый в полёте, почти на излёте  
Успел он увидеть родное село...  
Красоты Египта? Как море цвело  
Во тьме, под упругим, свистящим крылом...  
Он врезался в землю у самой криницы.  
На жёлтой поляне недвижно лежал.  
Над ним пролетали усталые птицы,  
В их радостном гомоне мир оживал.

\* \* \*

Пылаю я, как лист сухой в безмолвии кружился,  
Слезой тяжёлою от боли истекаю.  
Сгорел дотла, сгорел, с судьбою предков слился  
В борьбе за родину желтею, иссякаю.

*Лагерь Бессопан,  
Кызылкум 1969 г.*

\* \* \*

Вот уж год на далёкой чужбине.  
Страшный год, как в кошмарном аду.  
Как в чреве искусной машины,  
Сотворённой в безумном бреде...

### **Новогодняя фантазия**

Надя, Надина!  
Ты только послушай,  
Да ты посмотри, что творится вокруг!  
Поверх Бессопана  
Струятся туманы,  
Прносятся ветры – любовники вьюг.  
Покрыты снегами,  
Забыты богами,  
Холмы, как столетия прежде, молчат.  
Взорвут аммоналом,  
Прорежут каналы  
И скоро уж, скоро сады зашумят.  
Сломают бараки  
И прочие знаки  
И флаг затрепещет, пылая огнём,  
Над городом славным  
Большим Бессопаном,  
Где водят колонны с развода на съём!  
Где юность сгорает...  
Но полно! Считаем:  
Куранты двенадцать ударов пробьют.  
В роскошных палатах,  
В каморках и хатах  
О счастье мечтают и счастье зовут.  
Налейте ж бокалы  
Искрящимся, алым,

Как кровь знаменосца, бодрящим вином...  
На окнах узоры,  
Влюблённые взоры,  
Вальсируют пары, пурга за окном.

31.12.1969 г.  
Кызылкумы, лагерь Бессопан

70-е

\* \* \*

Тост покороче я скажу.  
Пусть этот мир, где я живу,  
И взгляд, которым я гляжу,  
И сны, и всё, что наяву,  
Переживает мир со мной.  
Пусть переходит в год другой,  
И обновляется в борьбе,  
И улыбается тебе.  
Сплетают мускулы земли.  
Пусть корни каждого народа  
Пусть на планете будет мир,  
Любовь, борьба, а поражение –  
Благословляет в наступленье.  
Пусть будут счастливы друзья,  
Растут их дети, любят жёны,  
И золотит их радость дня,  
Борьбой и жизнью умудрённых.  
Ещё б короче я сказал:  
Чтоб этот мир, где мы живём,  
Как жизнь, как радость расцвётал,  
Как лотос в Ниле Голубом.

02.01.1970 г

Э.М.

Суровый буран пробежал по яйле,  
Прижались кошары к укромной скале.  
В кошарах горит партизанский очаг,  
В военную зиму, в военных горах.

Пронесётся вьюги, и здесь, в Бессопане  
Пески исчезают в тяжёлом тумане.  
Огни исчезают, как путник впотьмах,  
В военном буране, в военных горах.



Бросают в зинданы аскеров народа  
Но новых на бой поднимает свобода.  
Военное эхо родится в сердцах,  
В узбекских «покоях» и там – на горах.

Зинданы любимых подруг отнимают,  
Но эхо вернуть их весной обещает.  
И веришь, и весь пребываешь в мечтах,  
В военных кошарах, в военных горах.

В просторах России снега залегли,  
Прносятся вьюги над грудью земли.  
И снег серебрится на многих висках,  
Как утром Ай-Петри, как снег на горах.

Восходы, закаты Ай-Петр освещает,  
Волнуется море, прибои вскипают.  
Нахмурысь стоит Чатыр-Даг на часах  
Над крымским простором, на крымских горах.

Суровый буран пробежал по яйле.  
Прижались кошары к огромной скале,  
Свободу народ пронесёт на плечах,  
Чтоб вечно сияла на крымских горах

Пылают сраженья, уходят года.  
От старых вокзалов уйдут поезда.  
А эхо грохочет, не знающим страха –  
До встречи с любимыми там, на горах!

07.01.1970 г.

*Примечания:*

*Э. М. – Энвер Маметов, проходивший по делу Ю.Б. Османова как соучастник.  
Бессопан – место в Кызылкумах, где отбывал первый срок заключения Ю.Б.  
Османов.*

*Зиндан – темница.*

*Ай-Петр – так звучит по крымскотатарски гора Ай-Петри.*

\*\*\*

Когда так ясен небосклон  
И с моря тянет тёплый бриз,  
И лунный взгляд на Орион  
Направлен к югу, в море, вниз,

Когда светают Сиваши  
И степь забылась в полусне,  
Зачем раздался гул машин,  
Рокошет злобно в тишине?

Зачем составы на путях  
В далёкий путь снаряжены,  
Деревни, спящие в сетях  
Кольцом войны окружены?

Что вдруг замолкли соловьи,  
Замки сбивают у ворот,  
Зачем детей поволокли,  
Как волокут на эшафот?

Зачем завывли поезда,  
Пусты, разграблены дома?  
Как будто здесь прошла орда,  
Как будто здесь прошла чума.

Куда? Зачем везут народ?  
Срубив как лес, зелёный лес.  
Какого рыцаря в поход  
Какой направил царь небес?

То было раннею весной,  
Ещё от битвы не остыла  
Земля моя, мой дом родной,  
Моя печаль и сила.

И покатали поезда,  
И потекли им вслед года  
Но каждой ночью снится сад,  
И он цветёт, и вновь свистят

И в нём ликуют соловьи,  
Как в дни, когда родились мы.  
Вокруг глухих, разбитых пней  
Пошли побеги от корней.

Сад выжил, выстоял, растёт.  
А если сад во сне цветёт,  
То наяву он даст плоды...  
И возрождаются сады,

И мирно спящие дома,  
Составы, полные руды.  
И снова старая хурма  
Взлелеет нежные плоды  
На ветвях горя и обиды...

*Май, 1970 г.*

\* \* \*

Татарской женщине в день праздничный весны  
Стихи и помыслы мои посвящены.  
Той, чья душа искрящийся родник,  
Той, руки, чьи нас любят с колыбели,  
Наш, оттирая пот с висков седых.  
Той, чьи глаза вослед, сквозь дым глядели,  
Когда мы шли дорогами войны,  
Когда мы в тюрьмы шли за свет свободы.  
Той, голос, чей нам «Айнени» слагал,  
Кто, обнимая нас, так сладко целовал.  
И с нами шла сквозь бури и невзгоды.  
Татарской женщине, в разлив большой весны.  
Волшебные цветы должны быть отданы,  
И милой родины дыханье и тепло,  
Горячие сердца несломленных борцов.  
Татарской женщине стихи посвящены,  
Той, чьи глаза сиянием полны,  
Отвагой и умом в дни мира и войны.

1970 г.

### АТОМНАЯ БОМБАРДИРОВКА

Прощайте, прощайте! Каноны распяты,  
Глухое ненастье, глухие раскаты...  
Часы обратились, их лица – как в тире,  
К нулю опадают... четыре, четыре...  
Ни слова, ни вздоха! Прощайте! Прощайтесь!  
Забудьте про радость! Скорей! Собирайтесь!  
Дверные проемы глядят чернотой,  
Уходят, уводят... второе... второе...  
Стучит метроном, замедляя удары.  
Прощайте! Прощайте! Не медлите даром!  
Презрите адеты и право седин,  
Вам час до рассвета. Тот час – господин!  
Последние кванты пространства и света  
До точки сведется больная планета!  
Прощайтесь, молитесь, ползите, стенайте,  
Разлуку, распад, разложение познайте!  
Последние кванты пространства и света...  
Последняя осень... Последнее лето....

Сумгаит, 18.10.1970 г.

\* \* \*

Кто солнца ждёт,  
Да пусть его дождётся.  
Кто верит, жаждет –  
Сбудется мечта.

Младая радуга  
Пусть в море окунётся,  
Сияя в вышине,  
Как свежий снег чиста.  
Кто строит жизнь,  
В ком честно сердце бьётся,  
Да обойдёт его святая простота

16.04.1971 г.

\* \* \*

Я обвиняю именем народа,  
Мы обвиняем памятью могил.  
Мы – совесть, мы – судья  
За всех, кто не дожил.  
Мы смертники растоптанного года!  
Глаза следят всевидящего Бога,  
Глаза друзей, родные голоса.  
Мне в них одно написано – дорога –  
Стремительна, хлестка,  
Упруга, как лоза.

25-31.08.1972 г.

## ТОСТ

В который год сбываются мечты  
Не повествуют Книги провиденья,  
Астрологи не зрят на Море красоты,  
Аршин возмездия и точный смысл знаменья.  
Мудрейших сонм, вложив себя в калем,  
Не согласят изящные расчеты, –  
Вершин любви не ведает улем,  
Бездонность гнева не промерят лоты!  
Но вдруг всё сложится в гармонии прекрасной:  
По арифметике, учёным неподвластной,  
В миллионы раз усилены и краше  
Здесь судьбы все, дела и мысли наши,  
Всё пережитое, поступки и мечты...  
И в честь того – бокалы налиты!

18.10.1972 г.

*Примечание:*

*калем* – перо, ручка /крымскотатарское, из арабск./  
*улем* – учёный богослов /кр. тат., из арабск. «улама»/

\* \* \*

Со взглядом, с привкусом полыни  
Глаза мои порой встречались  
И ничего не замечали,  
И губы не прощались с ними.  
Остался миг до дня разлуки.  
Глаза подумали – разлука?  
И в море погрузились руки,  
И сердце охватила мука!  
Глаза закрыв, качали двери  
Своими лицами немыми.  
Прощанье, словно дождь осенний,  
Прощанье с горечью полыни!  
Прощались руки, губы, очи,  
Смешались дни, смешались ночи.  
Ярилась в море непогода,  
Где плачет, бедствует природа.  
И море рвёт меня на части,  
И снятся очи, море, дюны,  
И буря обрывает снасти  
У брошенной, разбитой шхуны!

04.02.73 г.

## НАДПИСЬ НА КНИГЕ

*Османову Исмаилу /сыну/*

Понятны ли тебе стихи, мой человек?  
Ты понимать и слушать – научился?  
Сокровищ – полон мир. И сказки мудрой бег  
К познанию истины из века в век стремился.  
Читай, мой сын! Стремись в высоты, мальчик!  
Знай, счастье там, где ясен небосвод,  
Где чист, нетронут снег и кони – в битву скачут,  
И люди смелые идут во тьму, в поход.

11.10.1973 г.

\* \* \*

И я забыл, о чём писал когда-то...  
Так забывают высохший ручей  
И место это, что считалось свято.  
Иссяк родник! Не радуется людей!

Вода сквозь трещину покинула кувшин  
И солнце знойное закончило работу.  
Закован узник, брошен в равелин.  
Ни след единый не укажет брода.

В четыре строчки не улёгся стих,  
С горячих губ сошло другое слово  
Во славу радости, что потчует других,  
Живой воды и солнца всеблагого!

23.10.1973 г.

## УМИРАЮЩЕЙ МАТЕРИ

Я вспоминаю страшный плен,  
Самума вой, бухарские морозы,  
Твоё письмо в объятых мрачных стен,  
Как в лютень чудо – веточки мимозы.

Была готова тьма торжествовать,  
Крича, кружили птицы над холмами,  
Но ты мне силы умудрялась дать,  
Чтоб тенета сметать за тенетами!

Любимая, теперь и ты в плену,  
О, верю я, – в тебе заложен Лекарь,  
Великий маг, что сокрушил войну,  
Священный камень, что возвысил Мекку!

Любимая! Настанет светлый день! –  
В родные веси возвратятся стаи,  
Мы как софру накроем старый пень,  
Где сень ореха высилась густая!

Стряхнут сады, руины старый тлен,  
Вино «Долу» взыграет в гнутых рогах,  
Седой Бельбек, прорвав зловещий плен,  
Взъярится вновь на каменных порогах...

Не может чёрный недуг одолеть,  
Не может зло почить на звёздной дали...  
О, вспомним мы, как отступала смерть,  
Как мы боролись, верили, страдали,

Как тьма хотела восторжествовать,  
Крича, кружили птицы над холмами...  
Но солнце вешнее нагрянуло опять,  
Кромсая льды палящими лучами!

Декабрь 1973 г., Фергана

## НАДПИСЬ НА КНИГЕ

*Османову Исмаилу*

Книга эта интересна,  
Мало слов, а мыслям – тесно.  
Жизнь – работа. Жизнь – стремление.  
Мальчик, не сгибай колени!  
Не клонись пред силой грубой,  
Боль пройдёт. Ты стисни зубы.  
Пред сиянием ума,  
Побледнеет, сгинет тьма!

*Январь 1974 г.*

\* \* \*

Всё в мире ценно, всё имеет счёт,  
Как вспышка молнии, что коротко живёт,  
Как трепет цветика, что вновь не расцветает,  
Как боль души, что просится в полёт,  
Но в кандалах тяжёлых – угасает.  
Так вспыхнул свет, запечатлев мгновенье,  
Оставив след – и радость и мученье.  
Звезда надежд высокая блистает,  
На лезвии клинка загадочно играет.

*20.05.1974 г.*



## ДАО

Что мучает меня я, право, не пойму...  
Вот так всю жизнь: стою на перепутье  
И, веря всем, не верю никому  
И, суть, познав, – недоволен сутью!

Вы осуждать за то меня вольны,  
Когда на помощь в средствах не найдётесь.  
Я как-то сам влез в круг стены.  
Я пленник в тесном грозном звездолёте.  
Так – быть? На время сядет звездолёт  
Иль кто-то дерзкий на пути причалит...  
Что мучает меня? Великий перелёт?  
Иль даль, что сменится бескрайней  
звездной далью?..

Я как-то сам влез в круг стены  
И, суть, познав, **не доволен** сутью  
Вы тяжко осуждать за то, меня вольны  
Что путь для Вас, а я – на перепутье

24-25.05.1975 г.

*ДАО – жена, Добро Айше Османовна*



## Айше

Согласна ты, со мною быть всегда?  
И мной владеть всецело... ты согласна?  
И быть моей всегда и ежечасно  
И не жалеть о прошлом никогда?  
Так вот рука. Берёшь её? Согласна?  
И будет так, – как двое среди волн  
Ведут свой тесный, но любимый чёлн  
По морю бед, по морю бытия.  
По морю радости и дружного труда.  
Вот клятвы. Все они понятны, да?  
И в том пути, в начале, – ты и я?

27.05.1975 г.

\* \* \*

О, верно, – стих не жемчуг, не алмаз  
И ломтя хлеба в голод не заменит.  
Скорей бедняк им осчастливит вас,  
И стих тогда его подобен тени.

Подобен пляске солнца на волнах  
И солнцу жаркому, что топит льды весною,  
И льдам кочующим, играющим бронёю  
Могучих кораблей, и пленнику в стенах,

Когда того, не доверяя стенам,  
Скуют металлом, станут тьмой слепить...  
Откроет Вечное и суть того, что тленно...  
Запоров, этого – ему не отворить.

Стих надо чувствовать.  
Без чувства – глохнет разум!  
Исхода чувству нет.  
И нет конца сарказмам.

31.01.1978 г.

\* \* \*

Как можно нынче говорить –  
Позволено судить поэту.  
Как ненавидеть, как любить –  
Нет ни законов, ни запретов.  
Его слова как приговор,  
Он – совесть мира, честь вселенной.  
Поэт молчащий – это вор,  
Послушно лгущий – это пена.

О чём сказать – решит поэт  
Без дирижёров в эполетах.  
Один не писанный запрет –  
На ложь и немоту поэта!

Пусть продается нынче стих,  
Ложь в холст уложена, напета –  
Диплом и стены мастерских  
Ещё не делают поэта!

18.03.1978 г.

\* \* \*

Всё, что непрочно, рушится как миф!  
Всё, что надуманно, уходит словно пена!  
Над мёртвой лошастью кружит свирепый гриф,  
Актёр освистан, опустела сцена!  
Мир искажён изломами лучей,  
Навет лжецов язвит, смертельно ранит.  
Дверь заперта. Откройте без ключей.  
Не то вас время ожидать устанет  
Всё, что непрочно – рушится как миф,  
Всё, что надуманно, – уходит словно пена.  
Над океаном выступает риф  
И солнца свет пронзает глубь вселенной.

11. 1977 г. -10. 1978 г.

80-е  
\* \* \*

Всему предел, всему есть час заката!  
И мы уйдём в былое, в никуда,  
Мы, юные бесстрашные ребята,  
Не устающие от адского труда!  
Мы, вставшие смертям и злу навстречу,  
Мы, академии прошедшие в цепях,  
Мы, груз веков взвалившие на плечи  
И сердце чистое поднявшие в руках!  
Но мы уйдём. И в мир придут другие,  
Те – юные! Без страха и грехов.  
И в бой пойдут, на каторги любые,  
Спасая мир от грязи и оков!

Всему предел, всему есть час заката...  
И мы уйдём, и мир уйдёт в туман,  
И пусть страшатся этого: лопата,  
Могильный червь и жертвенный баран.

1980 г.  
г. Фергана.

\* \* \*

На воду мерно капает вода,  
Как будто золото чеканит старый мастер.  
Стоит задумчиво кобыла у пруда,  
В воде качается пятно соловой масти.  
Хрустит травой табун и сосунок,  
Уткнувшись, тянет, задыхаясь, вымя.  
Над лесом месяца поднялся острый рог,  
Бормочет, ухает, кого-то хает филин.  
Лишь мне нет мира. Полон мир тревог,  
Блестит как ятаган кровавый месяц – рог!

*Фергана, 18.05.1980 г.*

### ЭКСПРОМТ

Всё временно, нас подгоняет жизни  
Жестокий перст, но тернисты пути.  
Не торопи! Мне рано быть на тризне  
Героем торжества... Не торопи!  
Дай дух перевести!  
В горах туман и робкий шаг – прости.

*01.02.1981 г.*

\*\*\*

Жизнь – цепь потерь! Одни потери,  
Захлопнув, не откроешь двери  
И не вернёшь ни звук, ни миг,  
Ни добрый взгляд, ни злобный крик,  
Но, боже! Сколько мыслей мрачных  
Проходят в образах прозрачных!  
За тыщу дум – одно лишь слово,  
Лишь взгляда нежно-золотого...  
Я в абрикосовом саду  
Вновь миг волшебный обрету?!

*16.09.1981г.*

\* \* \*

Кем ты была? В кого уйдёшь когда-то?  
Ты это ведаешь, иль всё провидит рок?  
Святая ты? Гадалка? Иль пророк?  
Ты – лабиринт, иль стрелка Арабата?

Но знаю: я явился в первый раз  
И я уйду, чтоб больше не вернуться,  
Закроет память свой волшебный глаз  
Чтоб снов не зреть, не зреть и не проснуться!

И потому столь пристально гляжу  
В твои глаза от боли голубые...  
Я ухожу, навечно ухожу,  
А все вокруг – глухие и слепые!

*Крым, 22.09.1981 г.*

\* \* \*

Кто смеётся – тому отрезают язык,  
А кто мыслит – башку непутёвую.  
Милый, милый старик! К немоте я привык,  
Где вот взять, только, голову новую?!

*16.11.1981 г.*

\*\*\*

Представьте, – брезглив, не люблю я скелетов  
Скажите: не стыдно, не стыдно ли это?  
А может, а если, а вдруг – то шкилет  
Рассыплется дробью сухих костанет?!  
Мне, право, не нравится музыка эта.  
Зачем же, зачем же терпеть мне скелета  
И этот экспромт не порочит поэта,  
Что любит живых и не любит отпетых,  
Хоть дерзкий стишок не понравится где-то  
В глухом подземелье у важных скелетов!

*16.01.1981г.*

\*\*\*

Такой волшебный ливень в темноте!  
Вот листьев град обрушился пожухлый  
А я, шальной смеюсь своей мечте  
Вода шумит потоком бурно-пухлым!

И тут ослепли разом фонари,  
Как будто канула моя звезда далёко.  
И я не спал и слушал до зари,  
Как плачет ливень раненый жестоко!

*29.11.1981г.*

\* \* \*

Нет, счастье не насытит нас,  
Но тот, кто в счастье – бескорыстен.  
Но одержимо алча истин,  
Пребудешь в счастье хоть на час?!  
А истин, – кто же их не ищет?!

*28.04.1982 г.*

\* \* \*

Вестей плохих не получал,  
С друзьями ссоры не имею,  
Своей любви не изменял, –  
К тому причины не имею.

В топтанье не моя вина:  
Опуган, рвусь к заветной цели  
Стена вокруг! Стена... стена...  
Но я пробить её сумею!

*Якутск, октябрь, 1982 г.*

## **РЕКВИЕМ**

«Доброе утро!» – сказал мне отец.  
Мозг встрепенулся и, – день засверкал!  
Доброе утро грядущего дня!  
Кто вдохновит в тебе вещей меня?!  
Я ли скажу по традиции мудрой:  
«Встаньте с надеждою! Доброе утро!»?

*Якутск, лагерь Табага,  
04.12.1983 г.*

## НЕКОТОРЫМ, «ЛИЗНУВШИМ ЧЕРНИЛ»

Птички божьи, чем Вы живёте?  
Удивляюсь я Вам, удивляюсь.  
Упоённо, волшебнo поёте,  
Коготками за ветви цепляясь.  
Безмятежно в спасительных кронах!  
А внизу – пожирают и режут,  
Наливается кровью солёной  
Ослепительно белый подснежник.  
Не пойму: как же вещая птица,  
Как воскресшая Феникс из пепла  
Среди Вас умудрилась родиться  
И, воскреснув, тотчас не ослепла?!  
Как о будущем думать умела  
И сердца зажигать маловерных,  
Воскрешать разможжённое тело,  
Вдохновлять в испарениях серных?!  
Как же дивы такие родились  
Среди Вас – простоты купидонов,  
Среди вечно зелёных идиллий  
И воздушно-бесплотных бутонов?  
Нет, наверное, вещая птица,  
Из пожарищ восставшая Феникс,  
Только в мыслях мятежных родится  
Флибустьеров, сектантов и фений!

Птички божьи! Где Вы живёте!  
Удивляюсь я Вам, удивляюсь  
И на бредущем адском полёте  
В штопор, в штопор внезапно срываюсь!

24.02. 1984 г.  
Табага (лагерь) Якут. АССР

\*\*\*

Как хорошо: к цветку стремится пёс  
Нам мак без запаха как фреска, но собаке  
Досуг ли обсуждать надуманный вопрос –  
Какая чушь! – Апрелем пахнут маки  
И пёс глядит, как с фрески фараон,  
Роскошным, голубым, восторга полным взглядом.  
Великий Ра, всевидящий Атон  
Над миром встал плодящим жизнь нарядом!

На луч стремительный нанизаны века.  
Доколь сиять светило не устанет  
Плывите дале мысли – облака  
В великом небе – жизни океане  
Пролейтесь где-то сказочным дождём  
Где страждут доли! Где роятся реки  
Где молний жезл пронзает тьму гвоздём.  
Там, где мечтают люди-человеки!  
Где не распалась дробью цепь времён  
И радуга стоит торжественным парадом,  
И пёс глядит как с фрески фараон,  
Свободным, полным, неподкупным взглядом.

1984 г. Якутия

## НА СМЕРТЬ ИНДИРЫ

(поэма-монолог)

Ну, ж, хроника пошла!  
Который дубль в век?  
Наймит-джаллад обойму разряжает,  
Сражён и – падает на землю человек.

Что Индия! Душа Земли рыдает!  
Индира мёртвая. Цветами убран прах.  
Всё кончено, сработала машина!  
Телохранители? У них оклад за страх.  
Разведки? Мечутся. Сменяется старшина...

О, всё рассудочно! Мы нынче не кричим,  
Мы толпы не ведём разгневанно к Сенату,  
Но сортируем тысячи причин  
И приобщаем в банк смертей утрату!  
Карманника иль мелкого лжеца  
Да потаскушку пепелим позором,  
Христа в свидетели, скорлупку от яйца  
Зовём в укор безнравственному вору.

Как всё рассудочно... мы нынче не кричим.  
Что Каин, Брут, Сальери, каннибалы!  
В сравнение с нынешним – что хитрые ключи  
К рецептам зверств и тайн Эскуриала!..

В наш мудрый век убийцы фрак не мнут.  
К чему? Умерят поводок закона,  
Наложат вето в несколько минут –  
Заткнёшься ты, будь хоть вселенский суд,  
Да лопни с зависти спесивая Лакона!  
Державных тайн накинув наглый флер,  
Собак войны, иезуитов мира  
Напустят в след (апорт! апорт! апорт)  
Сандино, Джон и вот теперь Индира!  
И снова чистая оборвана струна,  
О, долго псы принюхивались к следу  
Ах, не кичись границами, страна,  
Хоть кровью ты и вырвала победу!

В наш мудрый век не сотворить границ  
Бесчестью, лжи и воровству «идейных»,  
Движению подмётных дел и лиц,  
Увещеваньем пастырей елейных.  
В наш мудрый век убийцы фрак не мнут,  
Они под сенью права и закона –  
Лжевластия позорный институт  
С державным словосудьем Тараскона!  
Вас на конвейер ставят дон Кихотом,  
Наденут цепь и шутовской колпак.  
Вас тайный суд объявит идиотом  
И бухнут в колокол: Вас не было, дурак!

В наш век казённой самовластной лжи  
Толпой герои не спешат к майданам.  
Поизмельчали девы и мужи,  
Карикатурны Жанны и Тристаны!  
(Марат сказал: «Ах, как всё обветшало!  
Титанов отпрыск – буржуа, пигмей!  
Сказать о том, что вы ничтожны – мало:  
Вы не казнили ваших королей!»)

Вдруг слышу: стонет, мечется поэт,  
«Да как земля, – бессвязно вопиет, –  
Убийц бесчестных родила на свет,  
Как носит их и не испепеляет?!»  
Прости, Кайсын! Смиранный ученик  
Не признает истерику в поэме  
Ужель примеров мало в этой теме?  
Не учит опыт Верденов, Герник?  
Планета носит с лёгкостью убийц  
Вот жертв убийц она не переносит.  
Возьми войну. Она мильоны косит.  
А кто убийцы — жалких сотня лиц!  
За реки крови, миллион страданий  
Чем заплатил консорциум убийц?  
Десятком виселиц, помпезными судами  
Да яростным свинцом разгневанных страниц.

И что ж? Ещё не высохли чернила,  
Ещё в руинах стыли города,  
Уж перестроилась, воспрянула вражья сила,  
Вновь на войну работает руда!

Нет, брат, проклятьями войну не запугаешь,  
Мольбой, стенаньями греха не отворишь.

Борцов за истину слезой не воспитаешь  
И не поймёшь и не развеселишь!

Итак, свершилось! На исходе года  
Убийством завершилася охота,  
Наймиты трансдержавных сил  
Свою страну спешат порвать на части  
Ах, избежать бы нам такой напасти,  
Чтоб нам никто вот так не голосил!

Убили женщину, клеймит убийц Кайсын,  
Убили мать – скорбит его поэма.  
Я тоже матерью рождённый верный сын,  
И мать свята, клянусь вам Вифлеемом!  
Но чувством мысль высокую согреть  
И мыслью чувство обуздать сурово,  
Восславить жизнь, не обезличить смерть



Во всём сказать святое правды слово!

Не заблудиться в хаосе страстей,  
Умильных догм, усохших откровений...  
Расти, Поэзия! Возвысь своих детей!  
Раскрой глаза им, подними с коленей!  
Поставь на крылья, брось их в бури шквал!  
Нам путеводную сделай их звездой.  
Ты – откровение, девятый правды вал,  
Ты – прокурор смиренности и застою!

Увы, Кайсын! И ты уж не живой...  
Вот так в лесу, среди мира, буйства лета  
Вдруг навзничь рухнет кедр вековой.  
А лес? Что ж лес – лишь эхо бухнет где-то!  
И ты скорбел о гибели её.  
Я продолжаю это песнопенье,  
В лесу не вывелись ни птицы, ни зверьё,  
А лес – как вождь. А жизнь – так наважденье.  
Сплетает тропы в адский лабиринт  
Судеб и страстей, программ убогих власти.  
Блуждают правда, право и инстинкт  
Причём тут «женщина»? Причём она, к несчастью!

Но если лес накроет саранча,  
Термиты, мор, пожар, или лавина.  
То – рухнет лес! Планета горяча.  
А мир? Что ж мир: пусть рухнет половина!  
Другая скажет Вам: нейтралитет!  
Чтоб сейфы заполнять, ну скажем, по ленд-лизу,  
Ну, фифти-фифти, скажем кровь – паштет,  
Иль, что там «фифти» к даче в Симеизе?

О, ранен камень! О, душа скорбит!  
Неправда правдою зовется святотатно!  
Телохранителем хранимый был убит,  
Как милый Юрт – растоптан и запятнан!  
Страницы лжи историей зовут,  
Таких историй напекут с три гроба!  
Нужна «история»? Создайте институт  
Иль филиал, со зловонною утробой!  
И политологов, в чинах и без чинов,  
Как евнухов сведите в стены эти  
Для новых чуд, а их рецепт не нов,  
Так – в каждой жаркой точке на планете.  
Вот уж когда излишен свет познания,  
Свет истины заменит свет костров,  
Где книги жгут, учёных или зданья –  
Будь это храм или народа кровь!

Трещат бульдозеры, снося культуры пласт.  
Спешат культуристы новейшей нашей эры.  
Под грохот выстрелов сникают пионеры  
И кровью алой обагрят наст.  
Конечно – женщина. Как Роза Люксембург.  
Пион и Роза в роковой купели  
Цветов, в ком воплотился Демиург,  
И слово жаркое они сказать успели!

И что ж, что женщина? Мир видел фурий зла,  
Мир видел женщину на службе у порока...  
Но я читал её святые строки –  
Другая связь Бермудского узла!  
О чём скрежещет нож у гильотин,  
Мстя за Марата мстью безысходной?!  
Сражён предательством свободы паладин



Тени героев хватает лагуна  
Истина выше.  
Край поднебесный. Вершины, вершины...  
Бах и Тацит. Леонардо и Ницше  
Вниз устремились потоков стремнины.  
Истина выше.  
Выше любви, мимолётной момента,  
Тоньше деталей, реальной, чем факт.  
Польза её не сродни дивиденду,  
Счастью Клондайка... Летят с постамента  
Хабеас корпус спасительный акт,  
Торсы тиранов, персты властелинов,  
Длани пророков, тиары богов...  
Тучами убраны истин вершины.  
Выше, чем видно, и выше всего.

Табага, Якутия,  
ноябрь 1984 г. – март 1985 г.

#### ПРИМЕЧАНИЯ:

*Джаллад* – палач  
*«Марат сказал...»* – отрывок из стихотворения  
Эжена Потье «На смерть Марата».  
*«О, ранен камень...»* – «Раненый камень» – стихотворение из сборника стихов  
Кайсына Кулиева, автора стихотворения «На смерть Индиры Ганди».  
*Конде Маргарита* – убийца Марата.  
*Дервиш* – герой фильма «Дервиш и смерть» (Югославия)  
*Триумфатор* – здесь – император Калигула, затеявший «игры» – бои гладиаторов и  
зверей, которых свозили со всех концов света.  
*Хабеас корпус акт* – первый юридический акт, закрепляющий права и свободы  
собственности.  
*Лагуна* – забвение, небытие.  
*Карлик* – Тьер, палач Коммуны.

#### ПАМЯТИ ПАВШИХ

Не разошёлся дым войны  
И давит грудь, и режет очи!  
Уж овдовевшей нет жены,  
Траншей, расстрелянных обочин,  
Уж лом пошёл на переплав,  
Всё реже смерть на минах ржавых,  
Не помнят молох переправ,  
Сорокалетние дубравы!  
Но... реют вороном немым,  
В подлесках жизни реют тени,  
И застилает долы дым  
Ушедших в прах, ни во что селений!  
Ищу я дом, но дома – нет!  
Ищу аул, но – нет селенья,

И нет реки! Народа нет!  
Ни слов, ни звука, ни моления, –  
Всё полегло! Во цвете лет,  
Старухи, дети, – всё живое!  
Кричу, но даже эха нет  
Луна – как жало ножевое!  
Жизнь не вошла в свои круги  
Свободно, полно, безусловно...  
И ворон делает круги,  
Где холмы дыбятся безбровно!  
Где у расстрелянной стены  
Следы – разбеги многоточий...  
Не разошелся дым войны  
И давит грудь, и режет очи!

*08.05.1985 г. Табага, Якут. АССР*

## ДОЧЕРИ

Не бойся правды и не бойся лжи.  
У лжи одна особая примета:  
Она свои петляет виражи,  
Как сохлый лист в последних числах лета.

Врагам улыбок сладких не дари  
И с ними не толкуй умильно и приятно.  
Нигде и никогда бесчестьем не сори,  
Отвадив истину полезностью превратной.

Не бойся правдой обозлить врага,  
И да не будет трус твоим соседом.  
Пренебрегай и «мненьем» дурака  
И никогда не сожалей об этом.

*14.06.1986 г.*

\* \* \*

У кромки сада летним днём  
Меня овеяло огнём  
Гербер, гибискусов, маслин,  
Настурций пламенных куртин...  
О щебет сладкий соловья!  
Я криком иволги пронзённый,  
Припал у хладных струй ручья  
И воду пил с беззвучным стоном!  
У кромки сада летним днём  
Меня овеяло огнём!

*25.04.1989 г.*

## СТИХОТВОРЕНИЕ ОБ ОРЕХЕ

*посвящённое Мерьем (дочери)*

Зашей орех как талисман,  
У изголовья пусть хранится  
И у крыльца как великан  
Пусть кроной зрелой золотится.  
В лучах закатных. Духов злых  
От крыши сельбища отважа  
В селенье мирном Эльбузлы  
В отрогах северного кряжа!  
Падёт на ветви белый снег,  
Бела чалма у Чатыр-Дага.  
На море Чёрном наш ковчег  
Под парус станет с прежним флагом...  
Ура ореху! Нам – ура!  
Мы – возрождаемся отныне  
Для созиданья и добра  
В пример Руси и Украине.

*30.09.1989 г. Фергана*

\*\*\*

Почтовой истории смутная драма  
Как рухнула в детстве оконная рама  
Осколки стекла вокруг плеч, головы...  
То я был, иль где-то в неведомом Вы?  
И губы целую осколками дёсен  
**И вихрь сумасшедший целует кружа**  
О мир полон тайн, он как враг интересен  
И места в груди не находит душа  
Но что... велики расстояния мира  
И вихри улягутся пеплом у ног  
И смолкнет на век, ликовавшая лира  
Никто не войдёт через стёртый порог  
Почтовой истории смутная драма  
Танцует во тьме обезглавленный Рома  
Я только мираж для Вас, фата-моргана  
Легенды и думы степного кургана  
Бельбек, по туннелю украденный в Ялту  
Глаза твои вижу, блестящие смальтой  
И ветер меня овеивает свистящий  
И волос твой яшмой сверкает блестящий.

*14.12.89. г.*

90-е

\* \* \*

Ты думай, думай обо мне.  
Во мне моё всё очень интересно,  
Ему во мне ужасно тесно,  
Но скрыто, скрыто в глубине,  
Как в хладных безднах океана  
Тела блуждают моряков,  
Погибших в ярости бурана.  
И думай ты, что я таков,

Как свет костра во тьме кромешной,  
Тебе мигающим, конечно,  
Как в ливень не текущий кров  
И в думе будь небезутешна.

04.04.1990 г.

\*\*\*

Я мысли тайные свои  
Могу лишь посвящать бумаге  
Она горит. И плещут флаги –  
Огня. Тревожного струи  
Хрустя, горят, дымятся строки  
Всё жгли и жгут, и жгут меня  
Ведут, ведут меня дороги  
На пир проклятого огня.

21.05.1990 г.

\*\*\*

Уходил, уезжал, вспоминая тебя  
Окружённый людьми и делами  
Одиночество кончилось. Толпы любя  
Я – один со своими мольбами  
Я летящему небу тоскую вослед  
Грежу морем, тропую крутою  
Не используя снова на сказку билет  
Я живу от постоя к постою.  
Я – аскет по неволе и жаден к любви  
Я сгораю фрегатом в Синопе  
Волк в капкане, в ночи – боевик  
И десантник, запутавший стропы

И меня принимают как солнечный диск  
Что дарован светить бесконечно  
Как в наследство доставшийся выигрышный иск  
Как магический, радостный Млечный  
И смотрю я, смотрю на парады планет  
На звезду воспылавшую дивно!  
И выводит мелодию медный **корнет**  
И блистает загадочно гривна  
И улыбка твоя мне награда наград  
Словно выстроились снова планеты в парад!

*01.02.1991г.*

\* \* \*

Сорок первый, трагический год,  
Но он мой. Я трагедии вестник  
Я в счастливой судьбе – поворот  
И огромнейшей драмы ровесник.  
Я мучительно – медленным шагом  
Выбираясь, срывался назад  
По фронтам, по этапам, Гулагам  
Оступаясь под грузом наград  
За нелепые подвиги славы,  
Приговоры за жизни разбег  
Конвульсивная поступь державы  
Где никто и ничто человек!  
Наступает теперь, наступает  
Девяносто и первый разбег  
И уходит, уходит слепая  
Непогода в мучительный век  
И восстанет, восстанет из пепла  
Возродится оазиса гул  
Я – восстания вестник, окрепла  
Мощь планктона и пищи акул.

*Март 1991 г.  
г. Симферополь*

\* \* \*

Редееет воздух, меркнет звук, –  
Мы в Академии Наук.  
Бал лицемерия, вранья,  
Синклит клопов и воронья.

*11.03.1991 г.*

\*\*\*

Весна нейдёт, зима застряла  
Туманы клочьями висят  
Туч понависло одеяло  
Стоит полубагровый сад  
Лишь Ваша живость вносит смуту  
И украшает жизнь – минуто.

04.03.1991г.

\*\*\*

Ваше личико прекрасно  
Как луны мерцанье ясной  
Словно белый пароход  
В тьме ночной идёт вперёд  
Как маяк большой в Синопе  
Шлёт надежду мощным снопом  
Будьте радостны всегда  
Выбирая «нет» и «да».

07.03.1991г.

\*\*\*

Молчаньем буду мучить Вас –  
Вы не молчите ради Бога!  
На волнах крутится пирога  
И не рисуюсь, без прикрас  
Я каюсь головой беспутной,  
Что не рождён для пыльных ряс  
И добродетели занудной  
Ещё не отдан я в запас  
Водой морскою нахлебавшись,  
Попав в безжалостный самум  
Я был бы меньше мучим жаждой,  
И меньше бы страдал от дум  
Коль пустоты б избежать доли –  
Любимым был, люблю до боли.

13.03.91. г.

\*\*\*

Я перед тобой нечестен, каюсь  
Играю картины как фата-моргана  
При первом порыве большого бурана  
Я в дерзкий прорыв безрассудно бросаюсь  
И нет мне прощенья, нет мне покоя  
Я больше Спартак, а не Оле Лукойе



Но только затишье – творю Вавилон  
Гигантские башни, стихов миллион,  
И, весь в упоении трачу минуты  
Как будто кукушка пророчит кому-то  
В лесу, затаившем дыханье пред бурей  
Целует берёзу седой ураган  
Родник наполняет старинный кумган  
Я, каюсь, что я не безгрешен де Юре.

*15.03.1991г.*

\*\*\*

Я счастлив тем, что видеть Вас  
Мне дозволяет провиденье  
Вернувшись в жизнь – сиянье глаз  
Венца подсолнуха круженье  
**И** превозмочь навет врагов  
И губ Мадонны ведать трепет  
Среди зелёных берегов  
Потока слышать сонный лепет  
Я счастлив тем, что видеть Вас  
Дар мне ниспослан провиденьем  
И лик не скорбный без прикрас  
Следить как сон, как наважденье

*01.04.1991г.*

\*\*\*

Мне наказанья меры нет  
Как нарушителю обета,  
Кто в пост устроил мясоед,  
А в храме – рынок, иль вендетту  
Как лицемер, что грех души  
Молитвой гасит многословной,  
Иль бедным подаёт гроши  
Дукаты, скрыв в ларец любовно.  
Я в лабиринте спутал след  
И Ариадны нити нет...  
И в храме рынок иль вендетта  
За летом – лето, лето, лето...

*16.04.1991г.*

\*\*\*

Как будто я смотрю в последний раз,  
Последний день живу на белом свете.  
Пустившись в бег, – в бездонной кану Лете,  
И страшный суд заочно даст приказ.  
Как будто я последний раз целую,  
Последний раз бежит вокруг вода,  
И после будет только «никогда»  
И карта пик предскажет долю злую!  
И если будет что-то завтра днём,  
Я всё приму как высший дар и праздник.  
И поцелуй смешается с огнём,  
«Последний раз» откроется заказник.

*08.06.1991г*

\* \* \*

Была мелодия без слов,  
Как будто линий Ваших муза  
Из тёплых мраморных цветов  
С каштаном нежного союза,  
Из блеска глаз, тумана щёк,  
Рта очертанья, лба загадки,  
Сплошной мелодии поток  
Сумбурных грёз пьяняще – сладких.

*24.06.1991 г.*

\* \* \*

Всё возвращается на круг:  
Басок Кобзона, зык Людмилы,  
Цензура, звоны и кадила,  
Чахотка, тиф и ночью стук,  
Прохвосты, шулеры, громилы...  
Все в хороводе пляшут вдруг.  
О, милая! Как это мило!

*18.07.1991 г.*

## Дочери Мерьем

Ты будь преемником моим:  
Мой путь прервётся очень скоро  
Не Ганибал ты, не Суворов,  
Не Суртайша, не Гульаим,  
Ты будь преемником моим  
Ты стань пророком и Орфеем  
Кумиром дум, бальзамом душ,  
Сожжённых хрипом суховея,  
Как африканский пыльный буш!  
Пройдёт мгновенье: встрепенётся  
В твоей душе большой огонь  
И уж затем не задохнётся  
И не один издохнет конь  
И сонм друзей уйдёт неверный  
Язва фиглярством и изменой,  
Оставив на душе каверны  
Как фарс изъеденной Селены...  
Пройдут другие чередой  
Жизнь – сказка, праздник и сафари  
И не заметишь, что седой,  
И не заплачешь в дни аварий!  
В походе вечном пилигрим,  
Ты будь преемником моим!

26.07.1991г.

\*\*\*

И снова через много дней  
Ваш миг встречаю светлый, светлый  
Невольно кажется родней  
Свежее воздух кабинетный  
И множатся ряды друзей,  
К ним возвращается отвага  
И меньше трусов среди князей,  
И льстивых авгуров у флага  
Улыбка Ваша как бальзам  
Подстать чарующим глазам.

26.07.1991 г.

\* \* \*

С кончиной царства своего  
Временщики подённой славы  
Полу тюрьмы – полу державы  
И мы – заложники всего, –

Полу упились все отравы.  
И брёл я с торбой откровений,  
Призывов и разоблачений  
И видел, как на судном Дне  
Толпою в ад пойдут оне.  
Других рабов ничуть не краше  
И на верхах кремлёвских башен  
Вампиры сядут при луне,  
Ну! Припозднятся же оне!

*19 августа 1991 г.  
г. Симферополь.*

\*\*\*

Шумит, шумит урючина листвою,  
На свежем ветре, присланном Сивашем  
Над бесшабашною седою головой  
Руками мощными кому-то плавно машет  
Щемящих мыслей пролетает сонм  
Стучится в сердце, потрясает разум  
Твой силуэт – как тополь под окном,  
И пух с него как шлейф, слепящий глаза  
И снег падёт хоралом белых чар  
Накрыл меня сугробом одиноким  
И глину в чашу воплотит гончар  
А мысли я шифрую в эти строки!

*08.10.1991 г.*

\*\*\*

Тюрьма тоскует обо мне,  
Как зверь голодный по добыче.  
В патриархальной старине  
Возник отечества обычай  
Здесь люди испокон веков  
Росли, чтобы мешать друг другу,  
**Дышать и жить. И жизнь по кругу**  
Бряцающая цепью от оков,  
Бредёт, бредёт, плодя врагов,  
Хватая вышедших из круга,  
Чтоб возлюбили мы друг друга  
Плац, палку, кандалы,  
Ярмо, как дряхлые волы,  
Патриархальность старины  
И суеверия страны,  
Где безутешная тюрьма  
Лик украшает как усьма.

*1991 г.  
г. Симферополь*

\* \* \*

Не улетай, не улетай!  
Так скоротечно птица-время!  
Моих друзей не разметаи,  
Я отстаю, схвативши стремя!  
Я упаду под крики стай,  
Не выдержав нагрузки бремя!  
Строй распадётся и потом  
Сомкнётся новыми рядами,  
Я не построю новый дом,  
Не освящу его мечтами.  
Своих долгов не оплатив,  
Нельзя исчезнуть мне в тумане,  
Как незаконченный мотив,  
Как несогласье в агремане!

10.02.1992 г.  
г. Симферополь.

\* \* \*

Я – пилигрим. Ходил в бедлам,  
Как мне казалось – по делам.  
Я не пробился к Далай Ламе  
Был принят просто, – просто Ламой  
Ну, просто заурядной самой,  
Потом другой, толпой других  
Далай – помощников глухих.

11.02.1992 г.  
г. Симферополь.

\* \* \*

Звезда, что обновила небосклон,  
Как только крик мой возвестил рождение,  
Ты чёрною дырой уйдёшь, как привиденье,  
Когда издам последний, трудный стон...  
Мою мольбу, Эгида, всю прими  
И не оставь моей великой веры!  
Светильник новый, радостный без меры  
Ты в спутники себе, как знамя, подыми.  
И мне на смену приведи создание,  
Моих страстей, скорбей, утрат, желаний,  
Моё прямое жизни продолжение.  
Итог надежд, возвышенных мучений –  
Ни в чей укор и никому в измену:  
Дождь в море падает, звезда не тмит Селену!

Пусть долго-долго среди других огней  
Он мощно светит на своих орбитах.  
Давно сочтётся цепь прекрасных дней,  
Что я тянул уздой – от битвы к битве!  
Моей мольбы горячей не отринь,  
Страстей, грехов сполна в укор поставив,  
Лишь мне единому, его хулы избавив...  
Я всё сказал и верую. Аминь!

Февраль-март, 1992 г.

\*\*\*

Прости, что встретила меня,  
Что я твою увидел прелесть  
Святую чистоту огня  
И нежность свежую апреля.  
Прости, что я чертовски слаб  
Удел проклятый, партизанский  
Быт неприкаянно – цыганский  
Болезням мира – эскулап  
А в мире – урка арестантский  
В твоём огне сгорит моя  
Душа, когда ей наделён я  
Собьюсь, свихнувшись, с ритма я  
И грохнусь в низ определённо  
Прости, что встретила меня  
И я твою увидел душу  
Своею корыстью звеня  
Как медь в кармане побирушки  
И что мне делать без тебя  
С твоей тоскою и страданьем  
Сухими вёслами гребя,  
Обвалом здания придавлен.  
Не может всё нелепо так  
В мгновение взять и перерваться  
Изрублен на куски Спартак  
Всё что нелепо может стать.

03.03.1992г.

\* \* \*

Пройдут года, и кто-то вспомнит,  
Что жил на свете, был поэт,  
Не то – какой: нескромный, скромный,  
Но весь уложенный в сонет  
В каком-то ритме необычном  
Хоралом мысли и огня...  
Эго, поднятое над личным,  
–Так вспомнят, может быть меня.  
Но, как свечи огонь далёкий,  
Тому, кто бесконечно мил,  
Приду беззвучно через строки  
Загадкой выцветших чернил.  
Оливой, деревом коричневым, –  
Эго, восставшее над личным...  
Вело меня на эшафот  
И полонез звучал комично.

08.03.1992 г.

\*\*\*

Быть может, через много дней  
Прощенье вымолю у бога  
Отвергнут буду я дорогой  
Другой пойдёт. Пойдут по ней  
Идущих судят очень строго!  
Я заблуждался, я блуждал  
Ошибок сделал очень много  
Был осуждаем, осуждал,  
Но не отвергни, ради бога,  
Пока зовёт меня дорога...  
Я много видел, но любил,  
Любил лишь ту, что не достоин  
Прирос к коню я в шторме волн  
Перемог, но многие забыл  
Но в этом, верь мне, не спокоен  
Когда не нужен, буду там  
Где судьбы бытиё решает  
Начну молиться я гробам,  
Плодить советы и вещать  
Имущим власть пропить и веять  
И буду ханжески святым  
Читая прописи идущим  
И умножая терний кущи  
Вещать советы молодым.

08.03.1992г.

\*\*\*

Нам год велел испить на брудершафт  
И стать друзьями до конца счисленья  
Хоть у меня железная душа  
И калькуляции сродни стихотворенья,  
Но ты мила, приветливо смешлива.  
Ты куст сирени, я скелет оливы.

08.03.1992г.

### **ВЯЧЕСЛАВУ**

Вторая полувечная страда  
Пошла, нам жатву обещая вскоре,  
Хотя стоят в разрухе города,  
А верхи глав – в серебряном уборе.

Но возле пней есть поросли толпа  
И юных верб кудрей зелёных купы  
Вдоль них пройдёт расширившись тропа  
Седлая гор великие уступы

От нашего заката на восток  
Шумя бурлит истории поток.

Юрий  
30.06.92.г.

\*\*\*

Вперёд, вперёд разведкою и боем!  
Обозу времени рванём наперерез  
Огонь в тылу пирующих разбоем  
Взлетит как флаг под брюхом у небес!  
Вперёд, вперёд разведкою глубокой  
Вперёд, вперёд, векам вперегонки  
И род людской прозреет тёмным оком  
И смысл раскроется загадочной строки!

08.07.1992 г.

\*\*\*

О, милая! В чудесной феерии  
Настанет новый бешеный каскад  
Сквозь мёртвый лес проскальзывает мрия  
Как стая птиц, летящих наугад.  
Им нет преград, ни лет, ни расстояний  
Одна лишь смерть движенье усмирит  
Ведущая в хаосе изваяний  
**Звезда бесшумная для избранных горит.**

11.08.1992 г.

### **К ВОССТАНОВЛЕНИЮ СИМФЕРОПОЛЬСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УЧИЛИЩА**

Из долгой, долгой немоты  
Мы возрождаемся отныне,  
Как на пожарище цветы,  
Сродни Гернике и Хатыни!  
Не изувечил нас Гулаг  
В безродных «бывших» и манкуртов  
Виляет посрамлённый враг,  
Ликуют камни Ана-Юрта!



Ведут не месть нас, не испуг,  
Мы – не орда, не «эфмеры»  
Наш герб оглавят не химеры,  
Варяжский щит, разбойный струг.  
Нам будет истина щитом,  
Калем – копьём, язык – булатом.  
Проляжет радуга мостом  
От Тарханкута к Митридату  
Своей истории народ  
Во имя разума и веры  
Вам руку дружбы подаёт  
В стране, воспетой Ашик Умером.  
Мы верим в правды торжество  
И знанья лечащие узы  
И в Просвещенья Божество,  
И возвышающие музы!  
Здесь будет просвещенья храм,  
Дорога в отрочество длиться,  
И будет новый «Герджиман»,  
И счастья новая страница.  
Из долгой, долгой немоты  
Мы возрождаемся отныне,  
А полустанки и мосты  
Ещё не минули в помине.  
Не изувечил нас Гулаг,  
Хоть расчлененья тяжки раны,  
Но возрожденья поднят флаг  
Над уходящим прочь туманом.  
Оджою станет ученик,  
Наказ исполнится достойно.  
Неиссякаемый родник  
Мы освящаем летом знойным.

Для просвещенья и добра  
Мы руку тянем Вам, ура!

*Симферополь, 13.08.1992 г.*

\*\*\*

Ловите миг удачи!  
Юдоль печали плача  
Бегите без смотрин  
Любите шанс движенья  
Сомненья – путь к решенью  
Бесстрашным – штурм вершин!

*09.1992г.*

\*\*\*

В некомпетентности, достигнув совершенства,  
Понять, что всё – на берегу начал  
И старт берёшь в обители блаженства  
Великой жизни осветить причал  
Твой марафон проляжет в наваждении  
Найдёшь опору среди звёздных сфер  
Высокой истины и в истинном прозрении.

09.1992г.

\* \* \*

Вы любите меня? Не любите!? Не надо...  
Люблю ли Вас? Я знаю, что люблю.  
Но длится, длится, длится интифада  
При ней служу народу – королю!  
Корона сбита, враг её напялил  
Грызутся бюргеры, среди рыцарей разброд,  
Распята родина и расчленён народ,  
И маловер стопы к врагу направил!  
Воспрянь, народ! Светило не угаснет  
И честь твоя восстанет на камнях,  
И жизнь поднимется, и возродится счастье  
И будет маловер скульптор: «гунах! гунах!»  
Не любите меня, не любите... не надо  
Народ, воспряв, благословит меня  
Когда уж стихнет, стихнет интифада  
И к коновалу уведут коня  
И может быть в тени орешной сени  
Урок штудировать прилежный ученик  
Усядется без корысти и лени  
Расчистит, укрепит родник  
И наш девиз познает и запишет,  
«Сверх пользы истина, всего она превыше!»

Симферополь 20.09.1992 г.

\* \* \*

Любви бесчисленны пути,  
И ей не писаны законы,  
Она пройдёт сквозь все заслоны,  
Но вдруг внезапно, словно стих,  
Замрёт, сорвёт на полуслове,  
Богатых чувств сожжёт запал,  
Падёт, как дэв многоголовый,  
Что сердце в ярости сорвал...  
И да минует эта чаша,

Наш путь не пройден до конца.  
В груди скалы у Озенбаша  
Не вскрыта дверь. И нет лица  
В портрете, скрытом слоем грязи...  
Ведёт мелодию на сазе  
Рука Великого Творца...

*18.10.1992 г.*

\*\*\*

На Запад, к границе я еду, дружище,  
В промозглом тумане, в сплошной темнотище  
И бельмами окна молчащих домов  
Скрывают секреты сердец и умов.  
Проплыл в темноте неразгаданный Ковель  
Потёмки Европы стоят между кровель  
Пещерных законов, рождая страницы  
И поезд во тьме к ним упорно стремится  
Окно в темноте проплывёт одиноко,  
Мелькает себя освещающий столб  
Мой бедный народ четвертован жестоко  
Конь брошен тараном на острый надолб!  
Я еду на Запад. Я был на Востоке  
И Севера холод меня опалял  
Я в море несчастья тону одиноко  
А поезд въезжает на тёмный вокзал  
И в этом холодном и тёмном пространстве  
Лишь ты мне опора в твоём постоянстве.

*18.10.1992г.*

\* \* \*

Ах, мама, мама! Всё ушло с тобой,  
И я бронёй жестокости покрылся.  
Сгорел и он, отмеченный тобой,  
Высокий ум, – болидом испарился!  
Вкруг – пустота. Замен и дубликатов,  
Подобия природой не дано.  
А мне – судьба изгоя и солдата,  
Сквозного одиночества вино!  
И любящим, – столь трудно и высоко  
Парить над бездной, не слагая крыл...  
Сверкает солнца золотое око  
Улыбкой тех, кто мне его раскрыл!

*Симферополь, 19.11. 1992 г.*

\*\*\*

В глазах испуг и страх в твоей душе  
Любимая, оставь свои сомненья!  
Наш Рубикон форсирован уже  
И жребий брошен в битве с разрушеньем!  
И пересиливать за шагом шаг врага,  
И зло топить в стакане, в луже, в море  
Пускай ему поёт ноктюрн карга  
С похмелья ухает сойдя со сцены горе!  
Смелей и радостней! Я на тебя гляжу  
И тень моя закроет зной свирепый  
И взгляд навет испепелит нелепый  
И оборонную я проложу между  
И продолжение спокойно и безмерно  
Избудет страх, отчаянье и скверну.

1992 г.

\* \* \*

Айше Великой посвятить рассказ,  
О ней поведать миру изумленно  
Всё недосуг в горячке воспалённой,  
Её черёд уходит к разу раз.  
Её уделом – жертвовать собой,  
В тень, уходя достойно и свободно,  
Воспринимая яростный прибой  
Житейских бурь, трагедии народной  
Шальную одиссею воспринять.  
Как ношу, данную самим пророком,  
Непобеждённая уходит в ледосплав,  
Чуть поведя чёрно-кофейным оком,  
В бесстрашной битве я давно солдат,  
И если буду я в конце распят,  
То оба примем это просто и спокойно...

*Декабрь 1992 г. в день рождения.*

\* \* \*

Спокойно жду из будущего я  
Посланца в прошлое, дежуря переправу.  
Прервётся связь – удушит всех шлея,  
Безмозглых кормчих, завершив забаву.  
Но просветителей спокоен переключ,  
Всё ж множит социум сознания арсеналы.  
Мы прикоснёмся до заветных притч,  
И притчею, как в жизнь, войдём в Анналы!

*13.02.1993 г.  
г. Симферополь.*

## Царице Тамар

Начало женское у Вас превозмогло  
Уродство мира и его уродства  
И женского разумность верховодство  
Доказано и душу сберегло.

Когда вернётся на свои круги  
Покой и разум, радость сотворенья  
В том доля Вашего великого терпенья  
Победы над безверия растленьем  
И жизни мудростью побитые враги.

*07.03.1993г.*

\*\*\*

Поднялось солнце, глядя на весну  
И Чатыр-Дагу осветив владенья  
Кому-то утро, продолжаю день я  
И долго, долго не уйду ко сну  
Пешком и картами исследую дороги,  
В досуг – памфлеты, оды и эклоги.

*07.03.1993 г.*

\* \* \*

Начинает оттаивать лёд,  
Луг, прижатый сугробами, вздрогнул.  
Скоро пчёлы в неверный полёт  
Устремятся из плена – острога!  
О, скорей пробуждайся от долгой зимы,  
От страданий и злобы, безвластья чумы!  
В разъярённое лето, пылая, ворвись  
О, великая, мудрая, добрая жизнь!  
Вырываясь из плена – острога...  
О, дорога! Большая дорога!

*21.03.1993 г.  
г. Симферополь.*

\*\*\*

Всё вынести и довести до цели  
Объятия огня и ледяной купели  
Людской навет, разлуки, жизнь любя  
Вот только в цели ощутить себя  
Там, в будущем, где снова с наслаждением  
У цели обнаружить продолжение.  
И знать и чувствовать: такой же одержимый  
Есть некто верящий, что с ним неразлучимый  
Уже на куполе, почти у самой цели  
И тянется рука и к клычу и к свирели.  
*24.05.93г.*

Сиюминутное и вечность  
Столкнутся, пробегая гит  
Как постоянство и беспечность,  
Измена с верностью и Млечный  
Путь и взорвавшийся болид.  
Всё роковой полно развязкой  
И антиподу антипод  
Как мудрость варварству указкой  
Судьбы указывает ход.  
Любви коварство ставит пути  
И ревность точит свой кинжал  
Но в прорубь скроется Распутин  
Костром кончает Жанна д'Арк  
Всех уравниет, оценит вечность...  
Небытиё сквозь бытиё  
Пройдёт копьём в разрыв сердечный  
И чем-то путь умножит Млечный  
Эскуриал, Эреффейон!

*10.06.93. г.*

Культурист и Жанна д'Арк  
Николай бескровный с Федей  
Станут в позу в Летний парк  
Персонажами комедий  
К ним тропа не зарастёт

С ногами как у верблюда  
Певица в злачном одеянье  
Взошла, как новая звезда  
Творить закланье за закланьем.

Под гром компьютерных рулад  
Издохло столько наших песен  
У нас – бесцветный листопад  
Олимп бездарностями тесен  
В ливрею превращён костюм  
И балом правит сиплый грум.

*10.06.93. г.*

\* \* \*

Я строил много, про запас?  
Оголодавши, полнил норы,  
Копил, транжирил, мчал как скорый.  
И семафорами гримас  
Путь загонял меня в заторы!  
О, я люблю тебя, мой друг!  
Как в тюрьмах я любил кого-то  
Кто проходил последний круг  
В своих надзвёздных перелётах!  
Иль брёл тропею неудач.  
Любя меня и – ненавидя!  
Что я загнал себя в калач  
Нерасшифруемых событий!  
Отрезать прошлого пласты  
Всё, без остатка, не способны  
Ни я, ни те, ни те, ни ты  
Мы тем друг другу неудобны!  
Зачем я строил про запас,  
Когда судьба сдвигала в пропасть,  
Зачем любил, надежил Вас  
Вися на перетёртых стропах?  
Зачем, повержен и распят,  
Тянусь рукою за цветами,  
Непобеждающий солдат,  
Непонимаемый Вами!?

*26.06.1993 г.  
г. Симферополь.*

\*\*\*

Вы симпатична и мила  
И полусонно мрачным взглядом  
Разите пошлость как стрела  
Налитая кураре – ядом!  
Вы симпатична и мила  
Как муза чести и отваги

Что к людям вовремя пришла  
И от бесчестия спасла  
Их покосившиеся стяги.  
И я Вас с нежностью ценю  
Сильней и глубже день ко дню

07.07.1993г.

\*\*\*

В дороге дождь застал осенним днём  
И ветер мял кустов колючих купы  
А поезд мчал нас, мчал стальным путём  
И вспомнил я этап в страну якутов.  
Конвой хрипел, ярился пьяным злом  
Свободный, я всю жизнь провёл с конвоем  
И вот теперь казалось, повезло  
Хлестает дождь по стёклам мордобоем  
И я надсмотрщика нашёл в душе своей  
И я в друзьях нашёл печать конвоя  
Лишь только смех твой словно соловей  
Меня пленяет сладкой тьмой ночью  
В мерцании звёзд кружится **стробоскоп**  
Дороги, дожди, наветы, хаос троп.

08 – 09.1993г.

\*\*\*

Одной тебе давно я не пишу  
Не потому, что в сердце нет просвета  
О, друг мой, милая, поэта  
Понять нельзя как рынок иль ушу!  
И сам он тоже книгу не напишет  
Как, от чего рождается волна?  
Иль с неба вдруг ударит гром по крыше

Я как синопский, путь освещающий маяк  
И кто-то вдруг, в тумане курс утратив  
На скалы руль направит, словно враг  
И среди обломков, горько, горько плачет.

13.10.1993г.



\*\*\*

Как Робинзон, попав на остров мой  
Ты полюбила голых скал вершины.  
О, этот остров кажется тюрьмой  
Суровый быт – бесчувственной машины?

**Судьбы** причуды, приняв за обман  
Ты этот остров не спеши отринуть  
Мой Робинзон! Не сетуй на туман  
**И голых скал отвесные вершины**  
В жестоком мире всё, о, всё не так  
Враждебен мир, но мой удел прими ты  
Я сам себе – жестокий глупый враг  
А ты, ты сердца веточка ракиты.

*13.10.1993г.*

\*\*\*

Как лёд и скалы, зелень и удачу  
Как гладиатор обожает Рим  
Поднявший перст в прочувствованном плаче  
Кого-то я без памяти любил,  
Других не так, иных не по закону  
Как будто можно взвесить...

*13.10.1993г.*

\*\*\*

Издалека, издалека,  
Я взгляд к тебе жестокий устремляю  
О, Милая! Нет ни конца, ни краю  
У моря Чёрного, у моря сорняка  
Любимая, из дали-далека  
Я устремляю взгляд свой беспокойный  
Как Одиссей на пламя маяка  
**Как на Каабу дервиш недостойный.**

*13.10.1993г.*

\* \* \*

Под жарким солнцем Крым безводен.  
Плохой работник тут негоден.  
И чтоб взрастить на камнях плод,  
Пролить на камни нужно пот.  
Пастух с горы, не хан, не барин,  
Мой милый друг, простой татарин,  
В веках воспитанный трудом  
В Ташкенте он построил дом.  
И вот опять Бахчисарай,  
Родимый Крым, заветный край.  
И вновь татарин строит дом,  
Чтоб внуки вечно жили в нём.

\* \* \*

В детстве нашем мне сказал ты:  
«Трудно было б жить без Ялты».  
Трудность эту мы с тобой  
Услаждали лишь мечтой.

Боль по родине унял ты,  
Ты любимый сын у Ялты.  
Дорог ей, кто верен ей,  
Кто судьбы своей сильнее.

Слово, данное мной, взял ты  
Привезти поклон из Ялты.  
Вот тебе земной поклон.  
От земли родимой он.

\* \* \*

Старинный друг мой Селямет!  
Мы не видались тридцать лет.  
Признаться, страшен этот срок.  
Страшной истории урок.

Уж так устроен человек.  
Готов он верить весь свой век.  
И смехом заглушая стон,  
Черпает в дружбе силы он.

Прими же, друг, стихи как дар,  
Моей души и сердца жар.  
В них плеск волны и шёпот гор.  
Далёкой родины простор.

\* \* \*

К русалке детвора  
Спешит уже с утра.  
Не выгнать из воды,  
Но в этом нет беды.

Приходит знойный день.  
Не в старом парке тень.  
Ты всё сменить готов  
На тихий мир цветов.

Зубцы взметнулись ввысь.  
Уйти не торопись  
От этих чудных гор.  
Здесь рай земной – Мисхор.

\*\*\*

За дубраву за смолу  
Выпьем други, право!  
Ходят слухи по селу  
Да лихая слава.  
Персик светится в ночи  
Знойною истомой  
И басовые ключи –  
Брови знак истомы.  
Ветер с гор поёт ноктюрн  
На беззвучных нотах  
Эльф – Амур? Река Амур?  
Спорит с ним фаготом  
Ночи чёрные глаза  
Неподвижны как гюрза.

\*\*\*

Ты в душном зное на портрет  
Глядишь, вещающей рукою  
Его озвучивать строкою  
Мне ведом маленький секрет  
Волшебный танец продолжая  
И бесконечный разговор  
Мне осенью без урожая  
Весной без ласк, землёй без гор  
Не стать бы в суетном угаре...  
В твоём не задыхаясь чаре!

## Кайсыну Кулиеву

Великий вождь с лицом ханжи  
Без чести, мужества и рода  
Однажды поднял кубок лжи  
Над горем сосланных народов.

Он нашу праздновал беду.  
Багровый свет играл на скулах.  
И наша кровь текла из кубка  
По подбородку на звезду.

От горной родины вдали  
Нас били,

мучили,

губили

Горька трава чужих долин,  
И хлеб не сладок на чужбине.

Чужие падали снега.  
И боги правды были немые.  
Ночами плакала Жилга  
Слезами Верхнего Чегема.

...Великий вождь отдал концы.  
И пусть, хотя бы через годы,  
Вернулись вы в родные горы.  
Я счастлив за тебя, Кайсын.

Да будешь ты Отчизне верен  
Во всём, повсюду и всегда!  
Да не закатится вовеки  
Твоей Балкарии звезда!  
Сын Крыма рад горам твоим,  
И родникам твоим, и рекам.  
Но не из Крыма я приехал,  
Да и уеду я не в Крым.

Не припаду я к синим водам  
Моих приморских деревень.  
Доныне над моим народом  
Того же кубка та же тень.

Скажи, Кайсын мне, что со мною?  
Порой мне кажется всерьёз,  
Что нас оплакивает море,  
Солёное от наших слёз.

Ты знаешь, боли не измерить.  
Не перечислить наших бед.  
И что мне делать? Что мне делать?  
Скажи, Кайсын, ведь ты поэт.

Ну, сколько можно быть на дыбе?  
Жить под железным топором?  
Скажи, когда с тобой мы выпьем  
В Крыму за праздничным столом?..

...Ведь жизнь – борьба! Не жди спасенья с неба.  
Страдай, борись и за собой веди.  
Нам Родина нужна, как в голод ломоть хлеба,  
Как сердце беспокойное в груди!

**ЛЕНУР ИБРАГИМОВ.**

## ДИАЛОГИ

*В 1968 году в издательстве «Советский писатель» вышел сборник стихов С.В. Смирнова под общим заголовком «Таврида – Родина моя». В аннотации говорилось, что эта книга о родине поэта, в ней изложена его «чёткая гражданская позиция» и «выстраданные убеждения». Этот сборник привлёк к себе внимание другого поэта, тоже считавшего Крым своей Родиной – Османова Ю.Б. Он тоже поведал свои взгляды в цикле стихов «Диалоги», в определённой мере полемизируя с автором сборника «Таврида – Родина моя». В отличие от Смирнова, сочинявшего свои стихи под ласковым крымским небом, Османов писал «Диалоги» в колонии усиленного режима в Бессопане, где строился тогда знаменитый, крупнейший в мире золотодобывающий комбинат... Автор посвятил «Диалоги» борцам за национальное равновесие.*

Для эпиграфа «Диалогов» мною была взята строфа из стихотворения Ленура Ибрагимова, пожалуй, единственного по-настоящему талантливого поэта из крымских татар, писавших и пишущих по-русски. Оно в рукописи было приобщено к нашему «уголовному делу» после обыска где-то в Чирчике или Ташкенте. Я не считал нужным ничего менять или улучшать в своих юношеских стихах. Ни иллюзий, ни заблуждений, рассматривая их исключительно как этап развития политической мысли в среде крымских татар.

**Юрий Османов.**  
1992г.

## К ВЕСАМ

Действительно, всеобщий интерес:  
Что это значит – «родина моя»?  
Таврида! Родина чудес,  
А по-татарски – горная земля.  
Что родиной зовут? Причём здесь ты, Серёжа?  
Не только крымцы и поэты пьют.  
Умрёшь – тебя ли сыном назовут  
Земли Таврической? Ты знаешь, непохоже  
В чём у тебя Таврида проявилась?  
Что ты для этой родины создал?  
Чем дышишь ты, и чем народ дышал?  
Куда идти, когда и что случилось?  
Сергей Есенин – тот певец России,  
Её лесов, погостов и церквей,  
Путей, дорог крестьянской, битой, сильной

Родной земли – он сын земли своей.

Причуда странная, историю народов  
Понять с похмелья, нацепив очки,  
Вернувшись в детство и похабным слогом  
Насочиняв развязные стишки.  
А про Тавриду ты, конечно, не случайно...  
Ни грана чести в том, ни капли волшебства.  
Итак – к весам. Рассудит нас, молва,  
Что значит Родина? Пусть явной станет тайна.

### **МИР ХИЖИНЕ ТВОЕЙ!**

Мир хижине твоей,  
Дитя прекрасного Востока.  
В стране рабов, попов, цепей  
Ты чтил учение пророка.  
По воле белого царя  
На гибель недругам России  
Шёл в бой, свободою горя,  
Как рядом вместе шли другие.  
В бою – отважен, Слову – предан,  
Мораль, законы жизни чтил.  
В труде искусен и прилежен  
Искусство яркое сложил.  
Тем негоден был царям.  
Судьба Востока доказала:  
Крым – наступательный плацдарм,  
Для мирового капитала.  
Как таковой он должен быть  
Очищен от родного племя,  
Какое сможет предъявить  
Свои права в любое время.  
Испытан путь и метод стар  
Колониального разбоя.  
Крым, Окинава, Гибралтар –  
Примеры сходного покроя.  
По-тюркски «Крым» есть  
«Место сечь, арена гибели народа».  
За свой очаг, за труд и жизнь,  
За счастье, право и свободу.  
Царизм довольно преуспел  
В пределах время и условий  
Но мир вступил в иной предел:  
То грянул вещий залп «Авроры».

\*\*\*

Оковы сняты. Храмы божьи,  
Попы, цари – ушло в музей,  
Конец ненастью, бездорожью.  
Познал и радость светлых дней,  
Труда свободного герой,  
Напряг все силы. Рост! Подъём!  
«В ружьё-о-о!» И – сорванный войной  
Стал в длинный строй – народ с ружьём.

\*\*\*

Войска на запад наступали,  
Давили полчища чумы.  
Удары тайные ковали,  
Все штабы будущей войны.  
Проверен практикой закон:  
Союз извне нельзя сломить  
Шантаж... Диверсия... Потом –  
Взорвать, и по частям разбить,  
Создать плацдармы для броска  
На азиатский континент.  
Внутри есть верная рука  
И выгоден момент.  
Такими «верными руками»,  
Давно свой ждавшими черёд,  
Из Крыма, ночью, под штыками  
Был схвачен, выброшен народ.

\*\*\*

«Так называемый Союз, –  
Кричали все меридианы, –  
Татар устраивал, как груз  
На шее; и не странно:  
Освободителей они  
Приняли в хижины свои.  
Их с корнем вырвали и всё,  
Куда намечено, – пришло.  
Давно мы Мир предупреждали –  
В России расовый диктат,

Народы малые стонали,  
И вот вам первый результат».   
Внутри умильно продолжали:  
«Крым – это русская земля,  
Недаром лили кровь славяне  
По планам церкви и царя  
Наследник тюркского улуса,  
Форпост Востока за Днепром,  
Ему ль доверить строить дом –  
Ключ гробу славного Иисуса?  
Крым без татар. В Причерноморье  
Троянский конь введён судьбой,  
Теперь наступит ближний бой –  
Короткий, тайный, предрешённый».   
«Татар долой, а себе – Крым.  
Мы станем больше и сильнее,  
Морской державой станем с ним».

\* \* \*

Так и плели. Так и вертели.  
Бог! Царь! Иисус! И – славянин!  
И ручки беленькие грели,  
Дожили славно до седин  
А всё ведь грязное, больное  
В игре таких гробовщиков  
И век Маркса, Ленина, штыков,  
Сразивших гниль бывшего строя.  
В стране, изгнавшей монархистов,  
Колонизаторов – спецов,  
Рабовладельцев – шовинистов...  
Позор на голову отцов!  
Вот так, не ведая порока,  
Господ, царей и всякий сброд  
Прогневал младший сын Востока –  
Мой скромный труженик-народ.  
И сколько ж грязи не смешалось  
Вокруг святого места Крым.  
Удары сыплются, удары...  
Все воспринять обязан ты.  
Ты – авангард в борьбе жестокой  
За равноправие людей,  
Народов на земле своей.  
Нет, ты не карлик одинокий.  
Угрозы слышатся... удары  
И рёв взбесившихся ослов.  
«Дождь в море падает не даром» –  
Настанет праздник мудрых слов,  
Ослы останутся ослами,  
Но в сбруе даже царь зверей



Не почитаем и псарями...  
Мир хижине твоей!  
Вновь разведёшь в ней свой очаг,  
Пусть будет сильной Украина.  
Народы мудры и едины,  
Над ними реет красный флаг  
В стране труда, в стране морей  
Мир хижине твоей!

## ГУДЯТ ПРОВОДА...

Когда я думаю, когда припоминаю...  
То леденеет кровь, сжимает сердце боль –  
За что?

В глазах у всех немая  
Смертельная тоска, печаль, укор.  
«За что?» – я спрашивал себя,  
«За что?» – гудели провода,  
«За что?» – встревожена земля  
«За что?»

И как ответ всегда  
Плыли предо мною поезда, поезда...  
Откуда,  
Откуда,  
Откуда?  
Куда?  
Колеса стучали,  
стучали,  
стучат.

Как гром барабанов судьбы и печали,  
Как реквием смерти, как грозный набат.  
И детские ручки в окошках мелькали,  
И крики детей обо всём говорят,  
И эти решётки на окнах вагонов  
И то, как загнали народ в эшелоны,  
И то, как душили его в лагерях,  
И то, как в преддверьях последней зимы  
Открыли пошире, загоны тюрьмы.  
Когда я думаю, когда припоминаю,  
Как уничтожить вздумали народ  
За прелести его родного края,  
Тогда я слышу грозное: – «А кто?»  
«А кто?!» – я спрашивал себя,  
«А кто?!» – ревели провода,  
«А кто?!» – волнуется земля,  
«А кто?!» – и как ответ всегда  
Я спрашиваю Вас, будь мал ты или стар,  
А кто не требует Тавриду без татар?  
Мне отвечает море голосов

Могучих, искренних. Из шахт, полей, лесов:  
Не нужно славянам,  
Грузинам, армянам,  
Борцам за свободу,  
Не нужно народам.  
Не нужно советскому  
Красному флагу  
Не нужно! Не нужно!  
Звучит как присяга.  
Когда я думаю... Когда припоминаю...

**ПАМЯТИ  
СТАЛЬНЫХ  
СОЛДАТ  
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

Вот эта улица! Вот этот дом!  
Здесь жил Серёжа со Смирновым-отцом  
Делал открытки: «Привет Вам из Ялты!»  
Этим добром вы ещё не богаты?  
Где эта улица? Где этот дом?  
Где был Алим неподкупный казнён?  
Вот эта улица. Был здесь и дом,  
Славой соперничал с ханским дворцом  
Рядом с ним памятник – серый гранит.  
Помним мы, помним, когда он разбит.  
Ломом громила святыню рука,  
Шабаш зверей. Раскололась строка:  
«Здесь просветитель Востока лежит,  
Тюрки России священный гранит.  
Ставят как память святую тебе,  
Мудрый Гаспринский Исмаил-бей».  
Вот эта улица. Был здесь и дом,  
Вот и свиарник устроили в нём.  
Свиньи довольны: любовь им и честь  
Много ценителей истины есть  
В самом святилище Бахчисарая,  
Где казнены Баличиев, Рефатов –  
Слуги народа, стальные солдаты?!  
Где знаменитый писатель Чобан?  
Медиев где? Где герой Амет-хан  
Где те деревни, в которой росли  
Алиме, Дагджи и Османов Бекир?  
Где партизаны? В военные дни  
Тропами славы победу вели.

Сотни бесстрашных, порой безымянных  
Павших героев, так гнусно погранных  
Слушайте, мертвые! Встаньте, живые  
Кто же придумал порядки такие –  
Память народов ломами крушить,  
Скот по музеям устраивать жить?  
Где эта улица?! Где этот дом?  
Честью клянёмся: найдём их, найдём!

## «СВЕТИЛЬНИКАМ» РОССИИ

Легенды, легенды, их горы рождают,  
И ведают люди, что их покоряют.  
Гора – это камень. Он мыслить не может.  
Пусть думы простые тебя не тревожат.  
А раз уж мы – люди, понять мы умеем,  
Что ты разумеешь «ордою» своею.  
«Легенда» твоя, я скажу тебе прямо,  
Попами напета, да царскими псами,  
Что Крым полонили, картечью да шашкой  
Сдавили, смирили кровавой рубашкой.  
Потёмкина жечь и рубить посадили  
И очень «культурно» успешно душили.  
Ты знаешь, конечно, и гневишься ты  
На тех, кто громил «благородны цветы»,  
Какие вокруг насадила Россия –  
Двуглавый орел да нагайки лихие.  
Куда устремился «орёл богоравный»?  
Что ищет он зорко в дали голубой,  
Тогда как ты грозно воюешь с «ордой»?  
Так, кто ты такой?  
Целуй от души ты берёзку одну  
Но знай, мы то помним: ночью порой  
Ты тоже рубил кипарис голубой,  
Кричал: «Он татарщиной пахнет в Крыму».  
Так, что же в «легенде» тебя привлекает?  
Какою сейчас устроим ты «ордой»?  
Что «в горы стремится»? Ты прямо открой  
Механику жизни, любви и борьбы:  
«Цветы благородные» – это Россия,  
Красивые, яркие, вечно живые...  
Скажи нам, что дальше? Будь гласом судьбы.

## ПЛАТАН

Легенды говорят, что над платаном  
Рассудок смертным часто изменял –  
И мудрецам, не только истуканам,  
Такое дерево Господь для нас создал.  
Так говорят... А в жизни – всё бывает...  
Платан чарует мощной красотой,  
Что совершенство формы сочетает  
С монументальностью и мудрой простотой.  
Крым посещало много именитых,  
Часть их имён история хранит,  
Другая – на местах, пока забытых,  
Раскроешь – словно солнце ослепит.  
Туман невежества, тьму ночи прорезая,  
То метеор блистал, то гневная комета,  
Их вечный след – Фонтан Бахчисарая  
И «Герджиман», и «Крымские сонеты».  
Здесь буревестник пламенным пером  
Воспел с почтением народ трудолюбивый,  
Здесь дерзко пред державным палачом  
Играл Ашик волшебные мотивы...  
Орфеи смолкли, пошлостью гонимы,  
И звон их струн уж не ласкает слух,  
А на вершинах нового Олимпа.  
Водружён «таврический петух».  
Молва гласит, что рок, не бог искусства,  
Иных поэтов под платан собрал  
И чтобы души греть и низменные чувства,  
Им чашу грязи вместе с лирой дал.  
А тамадой в похмелье скверном этом  
Назначил пару умных подлецов:  
Один – писателям, другой поэтам.  
И молвил: «Вы свободны от оков,  
От общества. Бесчинствуйте, ребята!  
Долой приличие и стыд, мораль, закон!  
Вас ждут чины, подарки и награды,  
Но помните: Кто платит и за что».  
И буйствует, и жертв, своих терзает  
Орда без принципов, без чести. Жалкий сброд!  
Но знай: легенды продолженье ожидает,  
Недаром сохранил создавший их народ.  
В том не платан виною за дурную славу –  
К прекрасному все устремляют взор.  
И, думается, справедлив жестокий приговор:  
Под деревом мудрости казнить рассудком слабых.

## ГОЛОСА

Восходит солнце, тучи пробивая,  
Луна светлеет – запад ясен, чист.  
Сиж у моря, где волна крутая,  
Где чайки провожают корабли.  
Слежу полёт их, голосам внимая,  
Морская рать поверия хранит:  
Погибших моряков душа живая  
С живыми, криком чайки говорит.  
А мысль прекрасна: труженики моря  
Вершат над ним полёт сквозь годы, сквозь века,  
Что с морем грозным, состязаясь, споря,  
Срослись душа и сердце моряка.  
Вдруг слышу: встретились – учитель, ученик.  
Излучина шоссе, доска мемориала.  
Клянётся в верности... вплотную к ней приник –  
Она безмолвствует. А раньше – как звучала!  
Талантливо в хоре насилия  
Солировал так Луговой:  
«Таврида» подарок России,  
Навек Украина с тобой...  
И значило это: «Татары –  
Вовек не вернут вас домой.  
Россию мы славим не даром».  
И мыслилось: первый, второй»...  
Напрасно зовут Лугового.  
Эпоха солистов прошла.  
Совместного разума слово  
Царит в современных делах.  
Бедлам черносотенной швали,  
Где каждый – стихийный солист,  
Концы вы найдёте едва ли,  
Здесь действие тайных кулис.  
Зловещие спутники ночи  
Подобно цикадам живут.  
Им солнце не радует очи,  
Они невидимкой поют.  
Цикады, двуногие маски,  
Отравлен коварный кинжал.  
По чёрной основе и чёрною краской  
Создатель во тьме рисовал.  
Сомнительна скромность такая  
В наш гневный, стремительный век.

Кружится волна, набегают  
И с грохотом бьётся о брег...  
Сиж и чутко голосам внимаю:  
Цикады стонут, борется рассвет.  
Штормует море. Чайки предвещают,  
Что грядёт день... и шлют ему привет.

## МИМОЛЕТНОЕ

Лучами южными палима,  
Ровесник «обновленья» Крыма,  
Берёзка чахлая растёт.  
Прибой ей щедро посылает  
Каскады брызг, но не внимает  
Им гостя севера. Гнетёт  
Её приветливость такая.  
С тоскою видит: плющ цветёт,  
Обнявшись с дубом. Тамариск  
Впивает жадно соль из брызг,  
На камнях – древняя олива,  
Как сам народ – неприхотлива  
И к жизни цепка, как народ.  
Жизнь – это сложный хоровод,  
В нём разум должен быть во всём  
Разящим, строящим мечом...  
Берёзка! Девочка лесов  
России. Горестно, без слов  
Клеймишь безумного уroda,  
Твою поправшего свободу.  
Пусть гордо смотрит кипарис  
С вершины скал на море вниз,  
Пусть посреди родных полей,  
Как шейки белых лебедей,  
Берёзок высятся стволы,  
Пусть море нежит две скалы  
У изголовья Аюдага –  
Одна земля под красным флагом.  
Берёзка, на земле Тавриды  
Немой укор безумству – Ты.

## СУД ПАМЯТИ

*за 1944-1946 гг. в спецпоселениях режимом лжевластия  
погублено 195.471 чел. – 46,2 % народа крымских татар*

Язык, остановись. Дай к прошлому вернуться,  
А тот ли хлеб под клятву принесён?  
Изменой, подлостью не опорочен он?  
А мёртвые в гневе не проснутся?  
Язык остановись... Суд памяти идёт:  
Встают и строятся, идут, идут вперёд.  
Здесь праздной болтовне не время и не место,  
Диктует здесь суровый глас народа:

Вы, те! Кто хлеб кровавый ел,  
Кто торговал и честью и свободой,  
Кто преступленье гнусное воспел.  
Свой хлеб вы съели, но следы остались –  
Какой ценою куплен этот хлеб?  
Не смыта кровь на роковых скрижалях,  
Не отмщены губители судеб!  
Поэт, остановись! Не надо клятвы хлебом.  
Она в сердцах народа рождена,  
Народ не предаёт своих земли и неба,  
И эта клятва кровью скреплена.  
Язык, остановись. Остановись, мгновенье!  
Идёт суд памяти. Внемлите, поколения!

## **ВСЕСОЮЗНОМУ МУЗЕЮ СКАЗКИ**

Павел Павлович! С тёплым приветом  
Я зайду в ваш домашний музей,  
Может быть даже нынешним летом  
Приведу за собою детей.  
 Попрошу: покажите Осману  
И дочурке моей Эмине  
Так привычного в сказках Ивана  
И Алёну, что плачет на пне.  
Пусть увидят они Черномора  
И Руслана с копьём боевым,  
Может, спросит мальчишка с укором:  
«Дядя Павел, а где у Вас Крым?  
Где найти мне Чора-Батыра?  
Где Арзы, всё томится в плену?  
Много сказок про злого Эмира.  
Покажите хотя бы одну!  
Неужели по Чёрному морю  
Не плывут караваны фелюг,  
Неужели скалу Ай-Тодора  
Деревянный распахивал плуг?  
Серый волк прибежал сюда в гости.  
И избышек не рубят в Крыму,  
Что-то я ничего не пойму:  
Гости здесь. Ну, а где же не гости?»  
Что ответите Вы, дядя Павел,  
На вопросы татарских детей?  
Говорят – Вы искусник немалый.  
Что, других приведёте гостей?  
Хорошо. Но весьма интересно,  
Оглядев Всесоюзный музей,  
Обнаружить отсутствие места  
Только маленькой сказке моей.

А ведь раньше была эта сказка  
Былью в нашем зелёном Крыму.  
Нехорошая эта развязка,  
Очень скверная прямо скажу.  
Сказку русскую я вспоминаю,  
Как вернулся зайчонка домой:  
Справедливость всегда побеждает  
Над злодейством, над хищной лисой.  
Павел Павлович маг и кудесник!  
В Крым вернутся детишки татар,  
И поддержку народа и место  
Обретёт эта сказка-мечта.

## ВЕЧНО В БОЮ

Стихи пишу – кровь сердце обливает,  
Глаза солёным потом залиты.  
Все мускулы дрожат, изнемогают  
От напряжения. Ни тени... ни воды...  
Скала, скала. Труднее и труднее...  
Не пласт угля – страница предо мной,  
Перо мое забойщику роднее,  
Мой стих не дрогнет ни одной строкой.  
«Дом творчества»? Да ты о чём, Серёжа?  
Мы знаем лишь казённый дом.  
Народ, народ сейчас в темницу брошен,  
И, знаешь, лучше я твоим стихом.  
Ведь действительно, земляк,  
Вами, правда, сказано: –  
Вы «воспитаны не так»,  
Мы в России разные.  
Этот ваш «иммунитет»  
В собственном отечестве  
Много долгих, трудных лет  
Верно, служит нечисти.  
Это фронда всё у вас  
С дури и под «белую».  
Мы ведь терзаны не раз  
Контрой озверелою.  
В Крым вернёмся всё равно,  
Хоть и поседелые.  
Будет праздник в нашем доме,  
Справим свадьбы белые.  
И тогда в родном краю  
Станет вольной песня.  
В жизни – вечно, как в бою,  
Как на Красной Пресне.



## ГРОТЕСК

Что такое, что случилось?  
Чем поэт Смирнов взбешён?  
– Не пустили, не пустили  
Их в лечебный водоём!  
Осмотрев его привычно  
Отвечал специалист:  
– Посещайте пляж обычный.  
Хвори нет. Песок там чист.  
Как!!! Смирнову – и обычный?!  
Вместе с чернью? Ну, держись!!  
Мозг работает отлично...  
«Эй, козявки! Ну-ка, брысь!  
Полетим сперва в газету.  
Бюрократы! Подлецы!  
Отказать кому? Поэту!  
Я ведь в Ялте, в Ялте жил».  
Подогретая в Массандре,  
Кровь играет и кипит:  
«Покажу я вам... Аррондраа!!  
Коль в лечебный путь закрыт».

Эй, дельфинчики, дельфины,  
Свиночки морские,  
Что застыли, рты разиня,  
Разве вам впервые?  
Тьфу, ну чуть не нагишом,  
Местью упиваясь,  
Где и сесть запрещено,  
Нечто загорает.  
Среди шайки дикарей,  
Тощих и упитанных,  
Убеждающих людей,  
Что «не так воспитаны».  
Люди тёмные! Купаться  
В миг такой ей-ей грешно.  
Приходите восхищаться  
Поэтическим рядом.  
Но одеться поспешите –  
Им-то безразлично  
Вы, надеюсь, извините,  
Знаете приличия?  
Вы ведь помните:  
Они – кипарисы громят,  
Мастерят из плит могил  
Для свиней хоромы.  
За такие подвиги  
Требуют законов,  
По каким «любые им  
Фокусы резонны».  
Тем, кто мамой станет,  
«Пляж отдельный нужен...»

Так вот рассуждает,  
С разумом кто дружен.  
Не спешите добывать  
Пляж объединённый  
К дикарям себя равнять  
Вроде, нерезонно.

## НАУКА – КОМУ?

Как это трогательно, как это мило.  
Разумные твари! Дельфины! Дельфины!  
«Скорее догоним, расспросим, узнаем –  
Мы лучше, мы чище, как ангелы станем».  
Сюсюкают, давятся, брызжут словами.  
К собакам, как к детям, а к людям – зверями.  
А если догонят дельфина и спросят:  
«Не хочешь, разуменький, бомбочку бросить  
На негров, китайцев, ну, там, азиатов?  
Плыви, будь нам другом, животным-солдатом».  
Убийцы не ходят сейчас с топором,  
Они убивают и «вечным пером».  
Напишут: «Сгноить мудреца за решёткой».  
И – кошечку гладят так кротко по шёрстке.  
Что ж, звери умнее, культурнее стали,  
Но помни: они остаются меж нами.  
Не надо сюсюкать и быть подлецами –  
Поэты издревле слыли мудрецами.  
Наука, искусство, – кому и какое?  
Следи же, поэт, где своё, где чужое.

## ЗАКАТУ

Не зря закат день каждый догорает,  
Зовёт к вечерне звон колоколов,  
Вершит намаз честной магометанин,  
Еврей не осквернит закона своего...  
Играют краски, царствует природа,  
Снимаю шляпу пред тобой, земля!  
Один – ничто перед лицом народа,  
Мудрец – ничто пред морем бытия!

## РОЗА

Скажи, садовник, что такое роза?  
Ведь это плод искусства твоего.  
Сказал садовник нехотя и просто:  
– А это корень, стебель, лист, цветок.  
– Ну а шипы?



## С ТЕХ ДАВНИХ ПОР

(на мотив «мен яш эдим»)

С тех давних пор, как мир живёт,  
В седых волнах мой Крым плывёт,  
Пьёт воду древний Аюдаг  
И не насытится никак.  
Семьёю дружною народ  
В степях сухих – хранитель вод.  
На склонах гор сады растил  
И песни дивные сложил.  
Он пел про землю матерей.  
Пел про любовь и сыновей,  
Что далеко от гор родных  
В сердцах своих хранили их.  
Мы помним ночь, ужасный год  
Был смертью схвачен наш народ.  
Ограблен и истерзан был,  
Но песни Родины хранил.  
Народа верные сыны  
Сейчас в тюрьме заточены.  
Их голос ужас наводил  
На тех, кто кровь народа лил.  
Живи, народ! Борись, народ!  
Настанет возроденья год.  
Бессильны ужасы тюрьмы,  
Уж песни новые слышны.  
С тех давних пор, как мир живёт  
В волнах седых мой Крым плывёт.  
Бессмертны, правда и народ  
День возрождения придёт.

## ДА СГИНЕТ НОЧЬ

(рассказ очевидца)

Сквозь прутья ржавые на небо он глядел  
Парила птица в голубом просторе  
Про караван на каторжном дворе  
Протяжно пело каторжное горе.  
Он слушал песню, грезил как во сне,  
Про шум садов в Крыму, не на луне,  
«Мне не нужны владения без края.  
Мой дом родной ... я не желаю рая».  
А тучи радостно шептали о весне  
В раскатах грома слышен гнев народа  
Сквозь прутья ржавые врывался солнца свет  
«Да сгинет ночь! Да здравствует свобода!».

## ПОДАЙ ФАКЕЛ. СМОТРИ!

Подай факел. Смотри!  
Пылает в нём расплавленный рубин  
Напиток славы, спутник торжества  
С ним дружен человек и божества.  
Подай факел. Смотри!  
Он мудрым отдых мудрости дарил  
Беседу вольную в кругу друзей,  
Игру, рождение мысли и идей  
Подай факел. Смотри!  
Хайяма взор сверкает изнутри  
Поэзией вина он яд святош разил  
И вызов бросил в лицемерный мир.  
Подай факел. Смотри!  
Хайям в него ушёл из мира лжи  
Он воспевал вино и юных гурий.  
Бесись, тиран! Свобода торжествуй!  
Подай факел. Смотри!  
Не пьяница Омар, не говори  
Вино в рубайях – философский меч,  
Пытайся мудростью свой взор облечь  
Подай факел. Смотри!  
От обывателей поэзию храни,  
Поэзия не есть продукт вина,  
А слава **хмелю** трезвыми дана  
Подай факел. Смотри!  
Страшись мещанства. И ещё страшись  
На службу блуду передать стихи,  
Уйти от жизни к миру чепухи.  
Подай факел. Смотри!  
Пылай рубин! Огонь души гори!

## ПОЭТ

Поэт и думает, и чувствует стихами.  
Душой – Орфей, а сердцем – гражданин.  
В груди его пылает грозно пламя,  
А мозг его над миром властелин.  
Он гражданин, и чувств не занимает,  
А с лирой сладкою – лишь смертью разлучим.  
А тот, кто мысль вином, и душу оживляет,  
Тот не поэт, а сноб и мещанин.

## ЮНОСТЬ

Лжёте! Юность совсем не ухарство,  
Не разгул – это ближе купцам.  
Бодрость, радость известны и старцам,  
Даже больше того, мудрецам.  
Юность, то что растёт и мужает,  
То, что зрелостью позже взойдёт.  
Что избытками сил возмещает,  
Малый опыт, что рвётся в полёт.  
Не сомнёт оно счастье чужое,  
Грудью, слабых закроет от бед,  
Юность, племя моё золотое,  
Я тебе посылаю привет!  
Не встречал я тебя в ресторанах,  
В бильярдных и злачных местах  
Есть и старцы – младенцы в летах  
И младенцы с душой истукана.  
Юность рвётся в борьбу за свободу,  
Юность – это душа баррикад,  
Нет путей без крутых поворотов,  
В битве юность не знает преград.  
За столом, за вином – есть похмелье,  
Солидарность вино не куёт.  
Грохот битвы на всех параллелях  
Юность в интербригады ведёт.  
Я стою на краю баррикады.  
Здесь и юность свою испытал  
Выше знамя! Народ приказал!

## СРЕДИ ВАС ВЫСОКО КТО-ТО РУКУ ПОДНЯЛ

Приговор отзвучал,  
Зал от горя застыл,  
Слёзы кто-то ронял,  
Взгляд конвой опустил.  
Суд мгновенно смело,  
Как затравленный зверь,  
Отступал прокурор  
Через чёрную дверь.  
Вдруг взметнулся букет,  
Розы, дети весны!  
«От народа привет  
Вам, народа сыны».  
Вздвогнув, замер конвой,  
А майор пожилой,  
Брызнув нервно слюной,  
Топчет розы ногой.  
А потом заорал:

«Я вас всех накажу!»  
– «Им народ передал?»  
– «И его посажу».  
Среди вас высоко  
Кто-то руку поднял,  
В ней спасённый цветок  
Алой кровью пылал.  
Крепко стиснут кулак...  
– Не забудет народ!  
– «Мы вернёмся назад!»  
– «Живо. Молча! Вперёд!»  
«Будьте стойки, сыны!»  
«Обвинитель, позор!»...  
Мы дождёмся весны –  
Вам зачтут приговор.

*Борцам за национальное равноправие посвящается*

## **МАТЕРЯМ И ЖЁНАМ**

Как вам сказать: «Не надо, не скорбите?»  
Я сам убит – как сына потерял,  
Как там они, в жестоких лагерях?  
Как те, что брошены в темницы?  
Спасибо вам, о молодые жёны,  
Что этот груз насилия и лжи  
Вы гордо приняли не взором обречённых,  
Как спутники борцов, так стойко – как мужи.  
Их ждут гонения на воле.  
Хлеб труден их под благодатным небом.  
Но им завидую, горжусь.  
Клянусь я этим горем,  
Клянусь я этим хлебом,  
Судьбою своею клянусь!  
Спасибо Вам, что Вы их верно ждёте,  
Растите их, упрямых сыновей.  
Их долг позвал. Его закон – жестокий,  
Иначе – были бы герои на земле?

## **ИНОМУ КРИТИКУ**

Поговорим, мой друг, открыто.  
Оставьте мрачный кабинет.  
Здесь свежи звуки лжи и пыток,  
Их видел Ленина портрет.

Вот здесь перед лицом народа  
Игра на святость не пройдёт.  
Седины, званья, сейфы, коды –  
К чему дешёвый переплёт?  
«Фамилия, имя и место рожденья?»  
Зовут меня Крымом. Родился в Крыму.  
И это отводит любые сомненья  
Участвовать в споре о Крыме могу.  
Зовёте вы в бой гладиаторов юных  
«И крепче держать призываете меч,  
Кого за собою хотите увлечь?»  
Устои священны и крепче гранита  
На них я стою. И стою я достойно.  
На ваших устах, на душонке не смыта  
Кровь Кирова, Блюхера и Мейерхольда.  
Когда Архимед невесомость заметил,  
Поднёс он Юпитеру стадо быков.  
С тех пор необузданна ярость скотов  
Когда сквозь запоры луч разума светит.

## ПТИЦЫ

Птицы, птицы! Чего вы летите?  
– «Нас преследует злая зима!»  
Вы вернётесь? – «Из Африки ждите  
Как проснётся природа сама»  
На чужбине кто вас созывает?  
Кто ведёт вас нелёгким путём?  
Шёпот крыльев с небес отвечает:  
«Мы законом природы живём!  
Мы сначала детей обучаем  
Как беречь, как построить свой дом.  
В перелётах птенцы возмужают,  
Оперятся упругим крылом.  
И тогда не страшны им морозы».

## ЮБИЛЕЙ ОЧИЩЕНИЯ КРЫМА ОТ ТУЗЕМЦЕВ

Я представляю сборище (о – да!  
Словечко это модно и в почёте  
«Собрание», «съезд» по пальцам перечтёте  
В газетах, лекциях, про «сборище» – всегда)  
«Мы собрались отметить четверть века, –  
Так Председатель сдержанно начнёт, –  
Как век татарщины, армяшек, прочих греков  
Минул в Крыму – славянский век идёт.



Да что «минул»! Арканом задавили,  
С корнями вырвали. Могуч славянский дух!  
Дни исторической расплаты наступили ...  
Зверьё проклятое! Мы помним из наук,  
Века, эпохи, эры отделяют,  
Но помним всё: как гунн Атилла шёл,  
Хазар, сармат, монгол,  
И печенежьи стаи:  
Так смерть за смерть! Так кровь за кровь!»  
Его качают, сборище в восторге,  
Но речи полились, и зал внимает вновь:  
«Как русский человек, марксист и как историк,  
Я должен заявить: на Южном Берегу  
Гнездо разбойное устроил хан Менгу,  
Девлет, Ислям и прочие гирей...  
Конечно, был Филипп на Пиренеях  
И Грозный-царь на матушке Руси,  
Но боже праведный! Сам Энгельс говорил,  
Что выход к морю нужен был России  
И меч цивилизующий мессии  
Она Востоку дряхлому несла ...  
Все лгут, что революция спасла  
От «деградации» какой-то, вымирания  
Татарский люд. Напрасные старания!  
Их сберегал и миловал царизм.  
Причиной же изгнания  
В период Крымской был их фанатизм  
И то, что Крым – исконное владенье  
Отечества-Руси. Не может быть сомненья,  
Что только русские, да! Только брат славян,  
Вспомнив всю историю Балкан  
На Южном Берегу обязан утвердиться ...  
И не успел фашист к Тавриде подступиться,  
Мы слух подбросили: «татары подведут  
(такая сволочная уж порода)»  
Готовить «факты» стали там и тут  
Тогда о высылке, как немцев из Поволжья,  
И речи не было: стремительнейший рейд  
По Украине как сквозь масло сделал вермахт.  
Да и притом, понятно вам наверно,  
Всё нужно было выполнить О-КЕЙ  
Чтобы измену, пусть не факт,  
Но как возможное в условиях явление  
Могли использовать, а там мильон решений  
И, главное, концы все в нашенских руках,  
Чтобы вернуться не смогли ни как ...  
Кое-что всплыло, не всё, что гладко-гладко,  
Вы знаете, Указ пришлось читать.  
Да что грустить-то? Вывезет лошадка!  
От Крыма к Турции совсем рукой подать  
Да их то-тьфу! Тыщ триста наберётся.  
Не в этом суть, а в принципе. Беда,

Как (многим!) отвечать «капустою» придётся,  
И то не грех, уже ни шло куда ...  
Пусти татар, глядишь и немцы прутся:  
«Дай книги, школы, это, то подай»  
Корейцы всякие. Ну, нет, им не вернуться.  
А средств у нас на то – хоть отбавляй»  
Но кто же это рвётся на трибуну?  
Уже седой и чуть не генерал:  
«Вернуться?! Нет!! Я сам их усмирять!  
«Верни их в Крым», Верни к Камышбуруну!  
И «Конституция!», и «Ленин!» им и «Маркс»!  
А как раскроется судьба спецпоселений?  
Кого в расход? К ответу? Нас ведь нас!»

А как их «судим»? – с места раздаётся, –  
Порою дыбом волосы встают.  
А завтра вдруг пластинка повернётся?  
Да нас в Сибирь, к китайцам упекут!»  
«Друзья, друзья! Зачем же всё так мрачно!?  
К чему вся паника, ведь нынче – юбилей!  
Ну – переменится, опять же нам удача  
Мы и навалимся! Да это клад кладей!  
Тут мемуары, вздохи, обличенья ...  
Нет, вы решительно все выжили с ума!  
Да это ж деньги! Деньги! Выступленья!  
И диссертации. Да, диссертаций – тьма!»  
Кто сказал – пусть сборище решает.  
На этом кончилась торжественная часть,  
Там ссорятся, здесь радостно рыдают,  
Стремиться всяк в компанию попасть  
(«Лаврентий Павлович! Пожалуйста сюда –  
Здесь все свои, ужель не узнаете?  
Да не стесняйтесь вы! Смелее, господа!  
Не на виду, но в деле и почёте»)

Как назовёт себя, сей чудный... маскарад?  
Собрание? Сборище? Иль как-нибудь точнее?  
Какая разница. **Убожеский** парад  
Различной швали в рясах и ливреях.

Крымская кампания 1853 – 1956 гг.  
использована царизмом для массового изгнания крымских татар  
и захвата земель и богатств Крыма.

## Цветы из букета

Русский читатель вряд ли проникнется сознанием того, что у крымских татар действительно были поэты. Нет не поэты вообще, а большие и великие поэты, пока он не сможет познакомиться с ними в переводах. Он имеет некоторое, хотя конечно довольно смутное представление о Гаспринском, как о политике и просветителе, но составить себе представление о крымскотатарской поэзии за весь период российско-крымских отношений людям, читающим по-русски ещё не доводилось. Дело в том, что очень часто подстрочники ничего не дают, поскольку вся мощь поэзии нередко заключается в использовании филигранных возможностей крымскотатарского языка.

В какой-то мере восполнить это белое пятно в культурных связях наших народов и предназначена настоящая публикация переводов крымскотатарских поэтов.

### **О некоторых проблемах перевода на русский язык крымскотатарской поэзии.**

Ю. Османов, выступление на 100-летнем юбилее Б. Чобан-заде.

Прежде всего, хочу задать вопрос: Нужны ли вообще переводы на русский язык? Такое сомнение высказывается весьма часто. Я полагаю, что это необходимо по той хотя бы причине, что за единственными исключениями мыслящее, а тем более не мыслящее общество в России и Украине вполне искренне представляет крымских татар либо в облике дикой орды, либо в виде участников различных «акций» с перебитыми носами и головами. И если им говорят о том, что у крымских татар есть поэты и высокая поэзия, то они искренне же поверят в это не больше, чем в НЛЮ. Поскольку никто из них этих поэтов не читал и не мог читать ни в подлиннике, ни в переводах, ни в переводах за отсутствием таковых. Это ненормальное положение сильно способствует сохранению в России и не меньше – в Украине «образа врага» – «варвара разбойника» – крымского татарина.

Переводы нужны и для нас самих, ибо значительная часть народа не владеет в достаточной мере литературным языком, а подавляющая часть – не знакома даже с тем, что опубликовано из наследия наших великих мастеров прошлого. Наконец, перевод на другой язык является распространённой формой создания оригинального произведения при видимом копировании содержания и формы

Это особенно касается такого поэта, как Бекир Чобан-заде. Его поэзия не наполнена назиданиями. Она очень тонка и целиком строится на богатейших особенностях крымскотатарского языка. Таких особенностях и красотах, которые не присущи языку перевода, а потому в переводе необходимо и возможно создать только имитацию, то есть новое произведение.

Необходимо знание всего, во всяком случае – большей части наследия поэта или же образный логический строй мышления из воспоминаний тех, кто знал его лично. Как здесь правильно подметила профессор из Стамбула, смысловое значение слов, которым наполняет многие слова Бекир Чобан-заде, не всегда совпадают и шире, чем дают словари.

Верно и то, что он революционер в поэзии. Как мне кажется, это состоит в некоторой европеизации ритмики и образного строя. Однако это не облегчает перевода, ибо образы его довольно стереотипны. Это чем-то напоминает Оскара Уайльда, который, пользуясь ограниченным набором средств, создаёт свои шедевры. В этом и состоит мощь таланта. И чтобы передать его иноязычным слушателям и читателям, необходим не подстрочник, равноценное произведение.

Я хочу представить вам несколько таких переводов, в которых я хотел донести до русского читателя то, что сказано выше. Я скептически смотрю на успех моего труда –

насколько мне удалось реализовать замысел и насколько будет принята сама идея. Помимо переводов я посвятил стихотворение самому юбиляру.

Оно вызвало здесь жёсткие нападки, которые я не могу принять ни по одному пункту. Во-первых, гунны – это не крымские татары, а крымские татары это не гунны. Всякие попытки, связывать наш народ то с монголами, а когда это развенчано – с гуннами, а завтра с кем угодно, но важно – с пришельцами, показать, что крымскотатарский народ откуда-то пришёл в Крым, и не является его автохтоном, не просто ошибочны, они продолжают апологию 1944 года.

Это не означает отрицание гуннов в процессе этногенеза крымских татар. Но крымские татары «произошли от Крыма», а не от какого-то момента времени, связанного с прохождением через Крым очередной волны великого переселения.

Во-вторых, признать, что гуннское нашествие на Рим и сожжение ими великой римской библиотеки – не есть «евроцентризм», как тут мне попеняли. Точно так же, как оценить варварством и сожжение Потёмкиным ханской библиотеки в Бахчисарае – не означает «азиатчину» и не должно вызывать чесотки в Москве. Во всяком случае, я не хотел бы, чтобы в Москве рассматривали акцию Потёмкина как великий подвиг русского народа, как и не хотел бы, чтобы в Италии вслед моим оппонентам, сожжение Рима и его великой библиотеки вдруг увязали с крымскотатарским народом – в прошлом или настоящем, а сожжение Рима или Москвы, Бахчисарая или Варшавы почиталось бы за историческую доблесть и славу.

## ПАМЯТИ БЕКИРА ЧОБАН-ЗАДЕ

Звезда погашена, но долог путь времён  
И свет её ещё несётся к Крыму.  
Но сплошь затянут тучей небосклон,  
Как будто гунны подступили к Риму.  
Нет! Мы раздвинем тучи пелену  
И даль времён получит продолженье.  
Так Веды Рима подняли страну,  
А гунны вспять ушли, как наважденье!  
И вновь созвездья заблестают нам,  
И в Юрт последние вернутся пилигримы,  
Пока в их памяти звучит святой мугам  
Погасших звёзд, отторгнутых от Крыма!  
Твоё бессмертие продлит потомок твой:  
Дав Юрту жизнь, возобновит движенье,  
А Чатыр-Даг седую головой  
Слепцам раздвинет тучи наважденье.  
И снова будет долог путь времён  
От звёздных карт, несказанно богатых,  
И тучи, облагая небосклон,  
Сбегут от бури, словно клочья ваты!  
Ты жил как грешник, мыслил – как титан,  
И муки принял, как святой – от скверны.  
Но вновь кьавал опробует чабан  
И вспыхнет новая над ним звезда наверно.

01.11.1992 г.

## ТУВГАН ТИЛЬ

Сени мен, Къырымда, Къзанда таптым,  
Джурегим къайнаган, ташкъанда таптым...

Джат эльде мугъайып, ачынып джурьгенде,  
Умютим, хаялым шай тюшип джурьгенде,

Мойнуна сарылдым, дерьтимни айтып,  
Бир гузель сёзюньмен озюме къайтып...

Джырларынь болмаса, манень болмаса,  
«Джурт» деген сёзюньмен джурек толмаса,

Ах, насыл джурермен гъурбет якъларда,  
Танышсыз, билишсыз ят сокъакъларда?

Бильмиймен – тюрюкми, татармы адынъ,  
Бек яман таталысынъ, Танърыдан тадынъ.

Тюрюк де, татар да сенинь сёзлеринъ,  
Экиси эки чифт мунлу козьлеринъ...

Вияна огюнде, Къзакъ ичинде  
Барабар джырладыкъ Хиндлерде, Чинде...

Анъласынъ бир сени, душман да сюер,  
Бир джарыкъ сёзюньмен джуреге иер...

Истиймен озюньни эр якъта корьмек,  
Эр ерде инджинъден дестанлар орьмек...

Къушларгъа, къашкъаргъа уйретсем сени,  
Сен болсанъ оксюзнинъ конъюльден сюйгени...

Джамиге, михрапкъа, сарайгъа кирсенъ,  
Денъизлер, чёллернинъ четине эрсенъ...

Сениньмен душмангъа ярлыкълар язсам,  
Къарувлы сёзюньмен конъюлини къазсам

Къабримде мелеклер соргъу сораса,  
Азраиль тилимни бинъ кере тораса, –

«Озь тувгъан тилимде айт магъа!» дермен,  
Озь тувгъан тилимде джирлап олермен...

Конъюлини къайгъылар кемирп тургъанда,  
Халкъымны танышсыз йылдызы ургъанда,

Тувгъан тиль, – башкъасы акъылыма кельмий,  
Бир буюк сырымсынъ, душманлар бильмий...

1918, 1 дазиран (июнь),  
Будапешт

## «РОДНОЙ ЯЗЫК»

Со мной ты в Крыму и в Казани, как посох  
В метаниях сердца, в сверкающих росах,  
В чужбинах, где горечью сердце исходит,  
Душа иссыхает, сознание в разброде...  
Ах, ртом пересохшим исходишь на крик,  
Но, словом твоим возрождаешься вмиг!  
И если бы песнь, афоризм твой, глагол  
Мне сердце б не полнил, и мысль не прочёл,  
То дальней дорогой, под небом чужим  
Как перст одинокий погиб б пилигрим.  
Не знаю чей – тюркский, татарский ли ты,  
Но как сладкозвучен, целителен ты!  
У тех и других твои россыпи слов,  
Как любящих очи, как смех близнецов.  
Познав тебя, враг восхищён, как вёсной  
И в каменном сердце ты дрогнешь струной.  
И пусть твой везде отворится сезам  
И нижется жемчуг: дестан на дестан,  
И птицам, и волку понять твой мотив.  
Пока ты живёшь, сирота будет жив!  
В храме, в михрабе, в дворцах воцари  
Моря переполни, и в степь покатысь,  
Законом великим, – врага огради,  
Потерянным – к цели огни засвети,  
Когда с погребеньем мне суд сотворят  
И грешный язык мой стократ расчленят  
Пусть мне на родном языке Азраил  
Зачтёт приговор – с ним умру, как и жил  
Душа вся в страданиях, в потёмках дрём?  
Народ поражается молнией жгучей.  
Язык, моё таинство, царь в ипостаси,  
Секрет моей силы и злу неподвластен.

Перевёл Ю. Османов.

*Примечание:*

«Сезам» – волшебства;

«Дестан» – поэма, былина;

«Михраб» – ниша в стене мечети, обращенная к Мекке.

«Азраил» – архангел смерти.

## БУЛУТЛАР, БУЛУТЛАР!

Булутлар, булутлар!...  
Кетиджи булутлар,  
Чонгъаргъа, Къытайгъа  
Етиджи булутлар!..

Алынъыз мени де, гонъюлим ачылсын,  
Козюмден яшларым юртума сачылсын!...

Булутлар, булутлар!  
Бурчакълы булутлар!..  
Ал, ешилъ, **сарылы**,  
Къушакълы булутлар!

Алынъыз, кетийик бек узакъ ерлерге,  
Салгъырда кетенин агъырткъан дюльберге!..

Булутлар, булутлар!...  
Ольмек истиймен,  
Ольген сон коклерде  
Кульмек истеймен!..

Алнъыз, кетийик дерьялар четине,  
Къарайыкъ якъындан Чолпаннынъ бетине!

Булутлар, булутлар!..  
Къамышлыкъ голлерде,  
Йылдызлар титреген  
О уджсыз чёллерде,

Мени де алынъыз, гурюльдеп явгъанда!..  
Тавларгъа сыйпанып дерьягъа авгъанда!..

Булутлар, булутлар!  
Къаерден келесиз?..  
Коюмден, анамдан  
Не хабер билесиз..

**Айдынъыз**, барабар, туйдурмай, джылайыкъ!..  
Ёлларгъа тюшийик, сарарып солайыкъ!..

Булутлар, булутлар!  
Яйлагъа кетинъыз!..  
Эсамны корьсенъиз,  
Селямлар этинъиз!..

Йыйкъанъыз анамнъынъ яшлы козьлерин!  
Колларын опюнъыз, унутсын кедерин!

*Бекир Чобан-заде,  
Будапешт, 1919г.*

## ОБЛАКА, ОБЛАКА!

Облака, облака! Пилигримы небес,  
От Чатыра к Чонгару простёртый навес!  
О, возьмите меня для спасенья души  
И рассейте над Родиной слёзы в тиши!  
Облака, облака! Серебристая шаль,  
Лалом, золотом выткана Родины даль!  
О, возьмите! Уйдём! Ах, уйдём далёко!  
На Салгире холсты отбелять в молоко!  
Облака, облака! Если мне умереть,  
То затем в небесах как знаменье расцвезть!  
О, возьмите! Уйдём до уреза морей.  
Возрожденье Чолпана узреем скорей!  
Облака, облака! О, откуда же вы?!  
Что в селе, что в семье? Как здоровье – живы?!  
О, давайте оплачем вдвоём караван,  
И над Крымом рассеем по буквам дестан!  
Облака, облака! Уходите в Яйлу!  
И Эсме поклонитесь, представьтесь селу,  
И омойте слезу материнских очей,  
Поцелуями руки осыпьте вы ей!

*Перевёл Ю. Османов.*

## АХ ТАБЫЛСАМ

*Бекир Чобан-заде*

Оксюзде той болгъанда,  
Къальби къуванч толгъанда,  
Ах, табылсам, йырласам;  
Сонъ ойлансам, джыласам!

Къальбим ташкъан, акъкъанда,  
Гонъюм умют джякъкъанда,  
Ах, табылсам, бакъырсам;  
Джигитлерни чагъырсам!...  
Конъюль ап акъ экенде,  
Баллар «Амин!» дегенде,  
Ах, табылсам тилекмен!...  
Къолумда акъ чичекмен...

Достлар мени анъгъанда,  
Гонъюллери янгъанда,,  
Ах, табылсам, сарылсам  
Козьден опьсем, айрылсам!...







## Нур чыраггы

Бекир ОСМАНОВ, 1968 г.

Хей, кяинат! Сен озгюнъ айт!  
Дунья алем, бундыр шаад!  
Къара денъиз къучагъында  
Сема нури инджи ада  
Темель таши бу дуньяда  
Фаджиалы тарихымыз  
Къара кунъли девамлерде  
Откъа ташты барлыгъымыз  
Кунешни басты къара перде

Эй, космос! Обязан в знаменье облечь ты  
Свидетель несчастья мира судьбы:  
Что остров в объятиях Моря мечты,  
Что жемчуг в оправе оправ красоты,  
Бесспорности жизни фундамент великий,  
Что цепь драматических, скорбных событий,  
Убийственных дней эшелон-караван  
И раненый камень, что жжёт ураган.

Бахтсыз шалы имдат бермей  
Чыракъ сонды гъурбет эльде  
Тарих, къанун, талаб эйлей  
Парчалансынъ къанлы перде  
Халкъым къайтсын, халкъкъа къайтсын  
Ана-Юрты – озъ дурагъы  
Ветанымда сёнмей янсын  
Октябрьнинъ нур чырагъы.

Заклятая шаль, что не греет в пути,  
Убитое солнце, как камень в груди.  
Светильник, угасший в застенках чужбин  
Восстанут историей, правдой глубин!  
Сорвать западни смертоносную сеть!  
Народ – вернуть, возродить, отогреть!  
Луч истины вспыхни! Буди нас, там-там!

Перевёл Юрий ОСМАНОВ,  
01.11.1992г.

## Шевкъи Бекторе

Татар болсанъ,  
                  тилинъ къайда?  
Озь **къорантанъ**  
                  **джуртунъ** къайда?  
**Осьтирип** да  
                  **къокълаялмай,**  
**Къопарылгъан**  
                  гулюнъ къайда?

1914 г.



## ТРИ ВСТРЕЧИ

Три встречи и сразу — повесть? Пять-шесть часов, проведённых вместе, и — в мемуаристы? Да. Коснитесь три раза проводов высокого напряжения — и у вас может хватить рассказов на всю жизнь. И с полным правом вы сможете тогда остеречь иных: не играйте с огнём, если у вас слабое сердце!

Разные бывают и встречи. Придвинет судьба одного к другому и разведёт. Как в тумане вырастет перед тобой призрак или тень и — снова рыхлая пустота. Иная жизнь так и проходит — вышел ниоткуда, продрейфовал в тумане как гнилая тыква в пруду и ушёл в темноту — без смысла и следа. И никто не знает — жил ли человек вообще или так, призрак прошатался возле истории.

Другие встречи — это события. Даже вроде и не происходит ничего, а так, появился человек, глянул, сказал: «Убивец!», — и расколот, потрясён преступник до основания.

Конечно, и до встречи с Аметханом я был столько наслышан о нём из вторых и десятых уст, что имел о нём представление, как обычно представляем мы себе Чкалова, Скэндер-бека или Сераковского по книгам и кино.

Жизнь Аметхана — это целая эпоха, в которой запечатлены героическая борьба и победа над фашизмом и выход нашей Родины от стартов на деревянных ястребках на передние рубежи реактивной техники. Аметхан — герой этой эпохи, её творец как борец передового края, сын своего народа.

«Его имя сегодня называют в ряду таких легендарных испытателей, как Михаил Громов. Сергей Анохин. Григорий Седов... Для него земля и небо оставались полем боя и после войны. На этом поле боя он погиб во имя жизни, завещав нам свои мерилы любви и дружбы, найденные им в годы войны», — пишет Муса Гареев, тоже дважды Герой Советского Союза, в своей книге воспоминаний «Летаю и воюю, взлетаю и сажусь», отрывки из которой опубликовала «Советская Россия» 17.01. 1980 г.

Любопытно сказано, правда? — «земля и небо». И погиб на земле и в небе. Правда, литературные портреты Аметхана скорее напоминают портрет-робот с краткой технической справкой — столько-то полётов столько-то сбитых самолётов, похож на того-то в ряду таких-то. А кто в ряду с Аметханом?

Долю живого материала дают воспоминания Рытова, Лавриненко, однако все эти живые голоса начинают как бы глохнуть по мере продвижения от описаний физического порядка в намёках и недомолвках.

Вот именно с той переломной точки, в той сфере, в которой печально и растерянно никнут, теряются голоса друзей и соратников, поистине глубоко и преданно любивших Аметхана и совесть которых чиста перед памятью о нём, с этой точки, в этой, области «белого пятна» в облике, судьбе и истории героического «Бека» и пролегли события, описанные в данной повести. Аметхан рисовался в моём воображении кем-то вроде Спартака, своим мечом проложившим путь к вершинам славы, в ореоле которой, где-то возле звезд, продолжавшим свой ратный подвиг. Поэтому зимой 1965 года, когда находившиеся в Москве полномочные представители крымских татар, собираясь навестить Аметхана в Жуковском, пригласили меня съездить с ними, я с великой радостью согласился, несмотря на страшную занятость. Тогда я заканчивал МВТУ, писал диплом и был, как и все, впрочем, в мизерной «общине» студентов — крымских татар в Москве, в курсе событий в крымскотатарском вопросе, так как всё свободное время мы пропадали в гостиницах среди представителей. Они приезжали со всех концов страны — из Средней Азии, с Урала и Кавказа, из Ленинграда и Москвы.

Оказалось, с Аметханом была предварительная договорённость о встрече, несколько раз отложенной из-за неожиданных летних испытаний. Как одни из первой группы полномочных представителей, посланных в Москву крымскотатарским народом и

уполномоченных представлять его волю и мнение по ленинскому решению вопроса перед высшим руководством, исключая тем самым любые промежуточные звенья, которые могли бы стать помехой или барьером, Аметхан Султан подготовил текст своего выступления на обещанном и ожидавшемся тогда приёме представителей народа Первым секретарём ЦК КПСС. Поскольку народ привык доверять партийному слову, представители напряжённо и серьёзно готовились к приёму, а народ принял решение, о котором известил ЦК, постоянно, вплоть до полного ленинского решения, держать в Москве группу полномочных представителей, меняя их по истечению трудовых отпусков. Том с текстами предполагаемых выступлений и мандатами, подтверждавшими полномочия, пределы компетенции представителей был сдан в ЦК, а копии выступлений широко читались и горячо обсуждались в народе.

День был рабочий. Поэтому собрались поздно, время поджимало, и пришлось взять такси. Из нас четверых лично знал Аметхана только Абляким Селимович Гафаров, москвич. Секретарь Евпаторийского РК ЛКСМ Крымской АССР, он затем долгое время работал с Землячкой. Во время войны в ЦК занимался вопросами, связанными с оборонной промышленностью, после войны был заместителем и исполнял обязанности председателя госконтроля, затем после серии понижений вернулся к химической промышленности, с которой начинал в Крыму (Сакский бромзавод) и где его заметил Серго Орджоникидзе,

Абляким Селимович был первым, с кем мне довелось познакомиться в Москве по приезду на учёбу: «Вот», — торжественно показал я справку о приёме моих документов в МГУ. «Получишь студбилет. тогда и праздной», — усмехнулся Абляким Селимович. И действительно уже через неделю меня «вытряхнули» из мраморных залов университета, впрочем, посоветовавшись, милостиво разрешили забрать документы, так что я мог попытать счастья в другом институте. Всё, конечно, было сработано «чисто», как вообще обрабатываются грязные дела, когда в руках все средства, возможности и условия, и полная безответственность. Главврач, сообщив, что не допустит крымского татарина в университет, указал на Ташкент (туда сослали, там и поступать будешь, если примут) и написал наискось медицинской формы «негоден». Избранный для этого предлог — заболевание ушей — не мешал, однако, мне с отличием учиться и до и после, работать на заводах, в поле, в институтах, пройти, наконец, «академии» в песках Кызылкума.

«Уже грустим? — понимающе улыбнулся Абляким Селимович, — учиться можно в любом институте. Главное голова...» Когда я, взорвавшись, выразил всё негодование, вспомнив процедуру отказа, он только усмехнулся: «Ишь ты, горячий, как Аметхан. А у него в таких ситуациях за плечами уже кое-что было».

В эту поездку пригласил меня второй её участник — Сервер Бекиров, посланный в Москву рабочими Ферганы. В войну — матрос Тихоокеанского флота (1939-1947 гг.), участник штурма Порт-Артура в 1945 году, прошедший затем штрафные лагеря на лесоповале в Мурманской области, бесстрашный, весёлый и удивительно мягкий человек. Сервер-ага был близким другом нашей семьи и, в каждый приезд его в Москву мы не упускали возможности встретиться.

Третий спутник, занявший половину заднего сидения «Волги», — представитель самаркандских рабочих, крымских татар, пенсионер, бывший сталевар Дуфли Сейтметмет-ага. Окончив по комсомольской путёвке техникум, с 1934-го года он варил сталь на Керченском металлзаводе, а в войну и до выхода на пенсию — на Кузнецком металлургическом комбинате.

Сейтметмет-ага — керченский. Снисходительно внимая шуткам в свой адрес, парировал их сочными, короткими фразами, и каждое, его слово как перл и перец ложилось в беседу, каких бы сложных тем она ни касалась. «Ах, вы не гуляли в керченском порту» — проронил он после того, как мы долго смеялись его очередной реплике. По пути Сервер-ага и Сейтметмет-ага рассказывали о посещении приёмной Верховного Совета, в связи с созданием в то время комиссии по разработке новой

Конституции СССР. В заявлении, поданном ими на имя члена комиссии А.И. Микояна, запрашивалось: «... согласно разрабатываемой Конституции — в каком аспекте мыслится возвращение нашего народа в родной край и восстановление его равноправия? Какова законодательная основа исправления нарушения революционной законности Советской власти?»

«Ну, и что вам ответили?» — спросил я. «Похоже» что референт не видел такой основы», — засмеялся Сервер-ага

Часам к девяти приехали в Жуковское. Было морозно и темно. Абляким Селимович заметно нервничал: «Можем не застать. Аметхан ни минуты ждать не будет». На звонки дверь, пошатываясь, отворил лысоватый приземистый человек в сатиновых линиях бриджах и майке-«сетке». Смущённые, мы неловко проследовали направо — в гостиную с диваном, покрытым ковром. Мужчина скрылся в смежной комнате.

«Аметхана нет?» — шёпотом спросил я.

Абляким Селимович наклонил голову в сторону спальни: «Я говорил — нельзя опаздывать. У него был тяжёлый полёт, и он уже выпил.

Я был разочарован. Ожидал увидеть как бы сошедшего с пьедестала воина, попирающего свастику, с мечом в руках. Моя трафаретная мальчишеская идиллия жестоко обманута!

Минуты через три дверь спальни отворилась, и вошёл одетый, собранный и, трудно было поверить моим глазам; абсолютно трезвый Аметхан. присел на диван и закурил трубку. Поздоровавшись ещё раз, Абляким Селимович коротко представил нас: Сервер — севастополец. Воевал на Дальнем Востоке. ПВО флота. Сейтмемет — керченский сталевар». Меня представили, как и положено у татар, — сначала — чей сын, откуда, наконец, учтивые отзывы о самом.

Сейтмемет-ага, с обожанием глядя на Аметхана, передал привет от какого-то «кореша» из Алупки. Как водится, поговорили о родных деревнях. Сервер-ага вопросительно посмотрел на меня: коньяк и сухое вино в столешниковском взяли, а о закуске в спешке не подумали. «Да-а», — озадаченно протянул Аметхан и ушёл на кухню. «К нам гости пришли. Выйди, познакомься. Да хлеб подай, пожалуйста», — донёсся его голос, и он вернулся с рюмками.

После продолжительной паузы хозяйка принесла блюдечко с хлебом и блюдечко с солением, которые исчезли через минуту. «Хозяйка, а у вас есть лук?» — спросил Дуфли. «Лук? — изумилась хозяйка, — какой лук?!» «А простой, цибуля? И хлеб, прямо буханочкой». Появилась очищенная луковица и ещё несколько кусочков хлеба. Сейтмемет-ага разрезал луковицу на пять частей, успокоил изумленную хозяйку: «Мы — татары. Аш **болмаса да**, къаш **болмасын**». Аметхан, улыбнувшись, перевёл: «Еду не поставь, но и брови не хмурь».

— Кто твоя мать? — внезапно прервав разговор, который как бы случайно мои спутники то и дело переводили на русский язык, спросил Аметхан и объяснил по-татарски: «Этот парень не знает нашего языка».

Я объяснил по-татарски, что мама у меня белоруска, но родной язык понимаю, хотя и говорю с трудом. «Нет, правильно, — горячо возразил Аметхан, — ребёнок должен знать язык своей матери. Мой Арслан тоже говорит по-русски: ребёнок должен знать язык своей матери». Аметхан достал карточку сына в военной форме. «Второй год служит», — с гордостью сказал он.

Разговор, свободно переходя с темы на тему, так или иначе, касался, возвращался к годам войны, незримо пронизанный духом чести, достоинства. «Наши люди всегда умели воевать», — сказал Аметхан. «В ПВО Тихоокеанского флота из моего призыва воевали 21 крымский татарин». «18 погибли», вставил Сервер-ага. Абляким Селимович, блестяще знавший историю, сослался на героические рейды крымских конных полков в Отечественной 1812-го года, в 1-й мировой войне. «Как это в песне народной поётся: «В Вене дома из красного кирпича, а австрийские солдаты трусливы как женщины». Все из

наших больших людей хорошо понимали и обобщали основные тенденции исторического прогресса. Например, Гаспринский. Вон Юра может процитировать, он наизусть знает».

Цитировать наизусть я не стал, прочитал из блокнота наугад: «Великая равнина от Памира до Карпат — родина русского мусульманства. Русское оружие — его оружие, у русского и мусульманских народов — одна дорога к прогрессу и прекрасному будущему». «Это в 1905 году сказано — добавил я, для восточных народов время оказалось настолько спрессованным в последнее столетие, что это не могло не привести к сплаву в одном человеке-деятеле того, что в передовых людях более передовых народов воплощалось в нескольких, разделённых десятилетиями. Таков как раз Гаспринский».

— А с кем его можно сравнить? — поинтересовался Аметхан. — Как просветитель, он стоит в ряду величайших просветителей. Ему ещё двадцатилетнему юноше выдающийся тюрколог Вамбери пророчил будущее великого учёного. Как педагог, он может быть сопоставлен с Коменским и Ушинским, — он реорганизовал школу на Востоке. По воззрениям, по своему публицистическому таланту это то же, что у русских Чернышевский и Герцен.

Незаметно речь зашла о возрасте. «Мне сорок пятый, а лётный стаж — пятьдесят», — засмеялся Аметхан, объяснил, как это получается, и добавил: — Очень хочу полетать вокруг шарика... Не пускают! Он не смог скрыть обиду. Я представил себе голос Левитана, возвещающий: «Внимание! В космосе — Аметхан!» Как это реально и насколько это невозможно! Скорее можно услышать радиоинсценировку по какому-нибудь Первенцеву: «Татары! Татары! Жить не давали татары!» Пока звучат такие колокола лжи и ненависти, эта мечта невозможна.

— Знаете, что ещё мне хочется? — вдруг засмеялся Аметхан. — когда придётся в отставку, решится к тому времени вопрос или нет — хочу открыть в Ялте чебуречную. Пусть лопаются от злости: «Чебуречная Аметхана! Сам буду делать чебуреки. Для друзей — особо, для них и уголок отдельный будет.

Мы пришли в восторг от этой идеи. Увы, ей не суждено было сбыться. Прекрасные, добрые мечты сильных, мужественных и честных людей, как редко вы сбываетесь! Но мечты моего мужественного народа?!

Разметан как стог сена бураном, как древняя ваза под дубиной варвара. «Я мать свою, — горло Аметхана снова как будто сжали подушкой — сам, один похоронил... по всем нашим законам. Тебе приходилось хоронить? Ты знаешь, что значит похоронить, как подобает? Прилетел — рядом никого, никого из друзей или знакомых. Ни одной татарки. Я сам обмывал её! Да вы представляете, что это такое!?»

«Да, Амет. ты настоящий сын, — тихо сказал Сервер, — а, сколько обошлось без похорон... сколько трупов!»

Совершенно естественно зашла речь о смешанных браках. Аметхан сослался на своих родителей.

Сервер ага — привел пример моих: «Вот его мать русская, а не часто и татарку встретишь, чтобы столько отдавала нашему народу».

Разметан, растоптан мой народ! Для него изобретена уродливая чудовищная маска, шутовской колпак, от которого с ужасом должны шарахаться люди, как от толпы «грабителей», «насильников», «предателей», нравственных и духовных уродов с «вывихом в голове». Народ, которого Горький увидел, в образе смертельно раненного Сокола, бросающегося с утеса в последний бой со смертельным врагом. А, Сокола подбадривал Уж! Легенда моего народа, с такой силой художественного общения поведанная миру писателем-революционером! Русский язык, на котором слуги царизма столько чернили и травили крымских татар, наконец, был направлен в интересах революции на подлинное и достойное отображение истинного и действительного. Революция остановила дубину варварства и сломала преступную руку, занесённую над судьбою «малых народов»:



«Высокоодарённый тюркский народ в этой своей ветви в благодатных странах Крыма, на полуострове, где пересекались пути стольких народов, где перекрещивалось влияние Востока и Запада, не мог не развернуть совершенно своеобразной, мягкой, яркой и поэтической культуры. Всё это как нельзя лучше сказывается в песнях крымских татар, поражающих изяществом, соединением восточных и западных мелодий, и своей, редко в какой-нибудь другой песне встречающейся, утончённостью (...) богатейшей песни, этих татар-южан, этих детей моря, гор и неба!, жемчужины юго-востока (...). Мы от души желаем всяческого благоденствия и процветания нашим дорогим братьям крымским татарам, но мы знаем, что в последнее время на голову их обрушились многочисленные испытания...»

Так писал нарком А.В. Луначарский в предисловии к сборнику песен крымских татар, собранных и записанных певцом-этнографом Л.И. Кончевским. Страшный голод поразил тогда Крым. «Это гибель целой нации» — писал доктор Гидалевич. Опираясь на мысли Герцена и Толстого, Чернышевского, Горького, Ленина о крымскотатарском народе, в своём общенациональном Обращении, под которым стоит и подпись его полномочного представителя Аметхана Султана, крымскотатарский народ заявил в 1964 году: «После этих мыслей выдающихся представителей революционной демократии чего стоит жалкий писк этого злобного хора колонизаторов, душителей, этих врагов, этих рабов врагов, этих невежественных историков, бесцветных писателей... Позор этим врагам дружбы и равноправия народов, ставших рабами карьеры и наживы!»

Вспомнили мы эту «литературу», этих «писателей»-оборотней. оказавшихся способными не только перекрестить Мустафаева в Логунова, татарина в русского или узбека, героя в шпиона и предателя, но и целые народы в каких-то безобразных чудовищ.

Естественно, что разговор опять коснулся и темы смешанных браков, и здесь единодушно сошлись на том, что равноправие сторон — основа прочного брака. Потому такими удачными и счастливыми оказались смешанные браки, заключенные до войны. Аметхан привёл в пример своих родителей. Сервер-ага сослался на пример моих. А после, войны? Какое страшное испытание ложится на ребёнка, на его психологию и мировоззрение, вдруг открывающего в прошлом тяжкое, страшное и гнусное, которое якобы затрагивает одну его линию! Предательство, измена, паразитизм, неверность слову, долгу, чести. И каково его родителям, особенно если они не видят сил и средств разбить, отвести, отвергнуть, эту гнусную клевету и провокацию и оградить от неё судьбу и будущее своего ребёнка! Смешанные браки — объективны, неизбежны, естественны, но их дорогу уродует, стесняет этот опасный груз. Время близилось к 12-ти. Перешли к непосредственной теме визита. Аметхан поинтересовался, что нового представителям сообщили из ЦК о ходе решения вопроса, вспомнил приёмы, на которых ему довелось бывать после XX съезда. Извинился, что за занятостью задержался с письмом к предстоящему приёму. В двух словах, передал его содержание; Достал письмо, пробежал глазами, подписал и вручил его Серверу-ага: «Вот текст моего выступления». «Копию дадим народу, пусть читают», — сказал Сервер.

«Да, — согласился Аметхан. Таков был порядок, таков он и теперь, — представитель строго подотчётен народу и представляет его только до тех пор, пока его действия отвечают интересам, чаяниям и требованиям народа. Интересы, чаяния и требования народа — это есть интерес и забота советской власти, его воля — сущность советской, власти и интересов партии.

Да, насчёт награды», — вспомнил Абяким Селимович. — Зайди, получи, нехорошо ведь». «А, — махнул рукой Аметхан, — зачем она мне? Всё вызывали одно время обменять Сталинскую премию на Государственную, я так и не пошёл — задом в дверь не ходят. На День Победы Георгадзе увидел меня и потащил фотографироваться, как я ни упирался. Потом понял — на знаке Сталин изображён... Вот ему непременно захотелось иметь фото».

Мы попрощались. Надо было торопиться на электричку... Возвращались, покорённые цельностью натуры Аметхана. Не часто воинская доблесть, мастерство сочетаются в такой степени с мужеством гражданина, глубоким и спокойным взглядом, устремлённым в жизнь.

Прошло месяца два. В составе второй делегации представителей вновь приехали Дуфли Сейтметмет-ага и Сервер-ага. Первый был пенсионер, второй работал по найму «на асфальте». Дороги Узбекистана! Сколько ваших километров, сколько хирманов уложено черным, едко дымящимся тяжелым асфальтом, мозолистыми руками и жилистыми спинами крымских татар! Работа эта, как правило, сезонная, хлопок, например, начинает идти с августа и кончается порой в декабре. Так что месяца два-три асфальтировщики, как моряки дальнего плавания, отдыхают или подряжаются на другие работы.

По поручению с мест представители по случаю праздника пригласили Аметхана к себе, в гостиницу «Армения» на Неглинной, где в то время постоянно останавливались. Похоже, за ними были зарезервированы два номера на втором этаже, что давало пищу им для постоянных шуток.

Накануне Сервер ага предупредил меня: «Завтра найди время и приходи, Аметхан обещал быть. Диплом ночью пиши, если, надо. Когда-нибудь надо будет написать об Аметхане — кроме тебя никому». Когда я полез в карман. Сервер-ага засмеялся: «Когда начнёшь работать, обязательно деньги будем брать». В отношении денег отчётность поставлена была очень строго, все расходы фиксировались в специальных грессбухах, и это являлось одной из сторон строгой подотчётности подконтрольности представителей в их деятельности перед народом.

Аметхан с некоторым опозданием явился не один, а в сопровождении четырёх человек: «Это друзья-дагестанцы, пошутил Аметхан. — сели на хвост как мессершмитты, с утра не могу оторваться. Потому и опоздал».

Мы помогли гостям раздеться. Аметхан был в сером костюме с двумя звёздами Героя, других наград я на нём никогда не видел. Стол, сервированный под руководством Сервера-ага, был почти готов. Были ещё представители из Ферганы и Москвы. Пригласили к столу и молодого человека, жившего в этом номере, неизменно молча лежавшего на своей койке, но как-то раз, за час до своего отбытия, облачившегося в черную морскую форму, извлечённую из чемодана и проявившего недюжинные, но специфические познания в крымскотатарском вопросе.

Справа от меня оказался родственник, чуть ли не двоюродный брат Аметхана, не то канатоходец, не то эквилибрист, слева, на торце стола, у окна — Аметхан, другие два дагестанца сели напротив меня и канатоходца, который на днях вернулся из гастролей из-за рубежа, много, радостно говорил и не мог нарадоваться талоном на «Москвич». «Всего за 800 рублей купил — приговаривал он, щёлкал языком, вытаскивал талон, разглядывал его, показывал нам, снова прятал и снова доставал и показывал: «Всего за 800 рублей купил!» Мы — ничего не оставалось — восхищались: турне, видимо, было удачным во всех отношениях. Его фонтанирующее довольство жизнью угнетало, хотя почему его должны были отягощать раздумья? «Там один у меня спрашивает интервью, значит: «Вы коммунист?» А я испугался, как бы ответить, кабы что не так, а потом говорю: «У нас все коммунисты». Ха-ха-ха! А он: «О! Да вы дипломат!» Ха-ха-ха! «Все, — говорю — коммунисты!»

«За 800 рублей купил!», — снова вспомнил он про талон.

«Все не могут быть коммунистами — между прочим, нарезая брынзу, обронил, улыбаясь своей мягкой, полной юмора улыбкой; Сервер ага, — тогда не было бы партии». Аметхан, беззвучно рассмеявшись, указал мне бровями на Сервера ага, сказал про брата: «Счастливый человек, за границы ездит. Это как то испытания в Крыму проводили: все полетели на своих самолётах, а меня на пассажирском повезли. Наверное, боялись, что в Турцию улечу. Дураки, или боялись, что я Крыма не найду? Выпьем за Крым!»

Выпили за Крым, Но тут он вспомнил вдруг, как сел ему на хвост мессер где-то над Крымом, а внизу транспорт с нефтью полыхает — поистине Чёрное море. Как провалился он в этот дым и вынырнул прямо под брюхо врагу.

«Его надо поить побольше, чтобы он рассказывал. Я такой эпизод не читал нигде», подсказал мне сидевший от меня через родственника Аметхана филолог-москвич. «Аметхан без нянек знает, что ему надо», — подумал я про себя.

«И что, вы надеетесь добиться?» спросил молодой человек. «Конечно». «А сейчас чего приехали?» «Дополнительно подписи под обращением народа привезли. Запрос сделали о том, есть ли ответ руководства и какой ответ. Привезли Обращение нашей молодежи к руководству». «Как так?» — удивился парень. «Вот так, молодёжь, несколько тысяч человек о своих мыслях, о своём положении пишет. Обращаются, требуют, верят».

«Я вот с Булатовым работал» — вдруг продолжил молодой человек. — Слушай, говорю, а правда, что ты из-за крымских татар пострадал? Был обкомом, а стал речником захудалым?» Сам он уфимский. Он на меня матом, иди ты, говорит, со своими татарами. Да, говорю, здорово они тебе карьере поломали. Ты их и раньше, наверное, не любил, а теперь всю жизнь ненавидеть будешь. Так ничего из него не вытащил, сколько ни старался.

Разговор сразу перекинулся на темы, о которых, естественно, булатовы будут помалкивать по гроб. Дагестанские друзья, как только речь заходила о крымскотатарском вопросе, важно отмалчивались, обсуждали и распробовали закуски, восседали величественно, как гуси, всем видом демонстрируя, что такие мелочи их не волнуют, не интересуют, как не интересуют богатых родственников финансовое положение пущенных по миру «кровников». И поэтому мы о них точно так же заботились, только с гастрономической стороны. Крутые народные побасенки, которые так любит рассказывать одна деревня про другую в Крыму, так и сыпались, и здесь блистали и Сервер-ага, и Мухсим-ага, и Дуфли, и Аметхан.

Сидели более часа. Спутники Аметхана начали его торопить. Мы попрощались. Аметхан сказал, как его найти при необходимости.

Тем временем в мире происходило множество и других встреч. Сталкивались судьбы и рушились жизни, напряжённо работала человеческая мысль. Некоторые из этих событий происходили, как бы на другом конце той же сцены, связанные незримо единством темы, сценария и законов драматургии, которые, однако, в учебниках и хрестоматиях обычно не описываются.

В газете «Красная звезда» появилось сообщение (12 ноября 1965 г.) о выходе в Махачкале книги очерков «Отважные сыны гор». И в книге и в сообщении в столичной газете был совершён маленький подлог, а именно: «Уважаемые т.т. Абдуллаев и **Абибуллаев!**.. Что касается заметки, о которой упоминаете в своём письме, то в ней, к сожалению, действительно имелась неточность, выразившаяся в том, что национальность Аметхана Султана была указана ошибочно.

Признательны вам, что обратили на это внимание. Будем стараться, чтобы подобные неточности больше не повторялись. С уважением редактор по отделу авиации полковник подпись (Ф. Лушников)». («Красная звезда» исх. № 14/97201 от 10.12. 1965 г.).

В Дагестане менее церемонились. О самом подлоге в ответе отмалчивались, и подтвердили его планомерность:

«На ваше письмо (исх. вх. № КЖ-1150) сообщаю, что в книге очерков «Отважные сыны гор» помещён очерк о дважды герое Советского Союза Аметхане Султане потому, что его отец – выходец из аула Цоркра Кулинского района ДАССР.

Вр. и.о. начальника политотдела Дагвоенкомата майор подпись (Плесинов)». (Махачкала, 4 декабря 1965 г., № 2723).

Стремление захватить у Аметхана родину и народ, его национальность и достоинство как частный случай захвата национальной родины у всего крымскотатарского народа и изображения этого народа особым — изуверским исконно

предательским народом, прослеживается с момента выселения нации крымских татар под покровом ночи 18 мая 1944 года. До этого момента не возникало и не могло возникнуть условий для такого пиратского предприятия, равносильного, скажем, тому, чтобы В. Жуковского объявили турецким поэтом на том основании, что мать его – Сальха — пленная турчанка. Газета «Красный Крым» в № 45 (5757) от 24.09. 1943 г. поместила приветствие Аметхану в связи с присвоением ему первой Звезды Героя:

«...Мы гордимся тем, что Вы — сын крымскотатарского народа — доблестно и храбро защищаете нашу великую Родину от немецких варваров. Ваши героические подвиги в борьбе вдохновляют народы Крымской республики на скорейший разгром заклятого врага и освобождение нашего родного Крыма от немецкой нечисти. Вы, бесстрашно громя врага нашей Родины, тем самым гордо отстаиваете честь нашей орденосной Крымской республики.

Секретарь Крымского обкома ВКП(б)

В. Булатов,

Председатель Президиума Верховного Совета

А. Менбариев

Председатель СНК

И. Сейфуллаев».

Для Аметхана не стояло проблемы выбора себе народа и национальной родины. В ответ на лобовые атаки, которые пошли после 1944 года, то есть после того, как подло и коварно была захвачена национальная родина крымских татар методом поголовного выселения и принудительного удержания на высылке, на лобовые атаки Аметхан отвечал тараном: «Ищите своего сына там, где потеряли. Я — сын крымскотатарского народа». На удары из-за угла, сыпавшиеся из какого-нибудь журнала «Математика и школа или из сборников упомянутого типа. Аметхан, конечно, и не обращал внимания, и не в состоянии был бы за ними следить — это всё равно, что на болоте гоняться за комарами. Своё слово он сказал. Это слово – жизнь «...Любовь и беспредельная преданность великой Родине не исключают любви к родному краю, к родным местам, могилам своих предков, наоборот, эта последняя любовь украшает и усиливает любовь к великой Родине, она украшает и обогащает человеческое счастье... Великая наша Родина состоит и из наших родных краев: великая дружественная семья советских народов состоит из наших народов, из наших семей. Всё, что мешает миру, счастью семьи и народа, должно быть заботливо изучено и устранено, ибо от этого зависит мир, дружба и могущество нашей страны, нашего народа.

Исходя из этих убеждений, во имя дружбы и счастья всех народов, я — сын своего народа, вместе с тем беспредельно преданный Великой Родине, родной Коммунистической партии — гражданин СССР — сын советского народа, обращаюсь к ленинской партии с просьбой:

1. Народ мой унижен, оскорблён тем, что безвинно, без нужды и основания выслан из родного края. Верните его в родной край — Крым.
2. У народа отнято равноправие. Восстановите это равноправие, верните его в монолитную дружественную семью народов СССР как равноправный народ».

Дважды Герой Советского Союза

Аметхан Султан.

г. Москва.

5 февраля 1965 г.

На одном из банкетов, в застолье, в присутствии представителей крымскотатарского народа 3 декабря 1963 года, когда размах национального движения крымских татар был, пожалуй, наиболее внушителен и представители интеллигенции многих народов,

населяющих нашу страну, наиболее энергично выражали свои симпатии и поддержку справедливым требованиям и чаяниям репрессированного народа, один очень знаменитый и очень титулованный писатель из Дагестана произнёс тост, о котором моментально разнеслось известие во всех краях проживания крымских татар:

То, что Аметхан Султан — герой героев — дважды Герой Советского Союза — знают все, а вот то, что трижды Герой, знают немногие.

После войны мы, дагестанцы, хотели сделать Аметхана дагестанским героем, он отказался. В Белоруссии хотели сделать его героем Белоруссии, он тоже отказался. В Ростове на Дону хотели сделать героем казачьим, он тоже отказался. В этом он показал себя как трижды Герой. В те годы это было нелегко. Аметхан всем заявил: «Я сын и герой Крыма, и — крымский татарин». Тогда это был действительно геройский поступок».

И хотя, тот очень знаменитый и очень титулованный писатель не сказал ничего нового и как бы описал маршрут бронзового бюста Аметхану в итоге всё-таки завершился на подлинной, то есть на настоящей, а не на второй или третьей «родине» героя. Тем не менее, уже одно то, что писатель сказал правду, а не ложь, сделало его в глазах крымскотатарского народа героем дня, и слава о его благородстве заблестала наравне с блеском его титулов и его произведений. Правда, тот факт, что человек не предал родину и свой народ, вряд ли по нашим народным традициям заслуживает высокого титула Героя — в противном случае у крымских татар сразу бы появилось несколько дважды Героев, но в глазах народа подвиги Аметхана как лётчика-испытателя не уступают его ратному подвигу. Крымскотатарский народ привык видеть в своей среде не награждённых Героев, их искусственно забытые и умалчиваемые подвиги, искажённую историю и историю искажения истории.

Тем временем здравицы упомянутого банкета, бросающие ретроспективный взгляд в прошлое, прозвучали несколько позже третьей встречи с Аметханом. Эта последняя встреча произошла в феврале 1966 года. Я уже окончил институт и более полугодом работал в Дубне в ОИЯИ — Объединённом институте ядерных исследований, командированный туда для стажировки из серпуховского института физики высоких энергий. Раз в неделю по пути домой и обратно проезжал через Москву и поэтому своевременно был оповещён о предстоящем чествовании Аметхана, которому незадолго до этого исполнилось 45 лет. Чествование приурочили к очередной 48-й годовщине Советской Армии.

Мысль устроить чествование Аметхана зрела давно, и предложение вызвало горячий отклик во всех областях расселения крымских татар. На республиканской встрече представителей инициативных групп в Андигане (а на такие встречи народ с мест регулярно несколько раз в год направлял своих полномочных) эта мысль была уточнена, конкретизирована. Было решено преподнести подарок. Кто-то сообщил, что дагестанцы собрались преподнести Аметхану дорогой кинжал. Прошло около полугодом. Идея о подарке, пройдя обсуждение под крышами народа, постепенно выкристаллизовалась в идею самого подарка. Эта идея, воплотившись в эскизы, затем и чертежи и, наконец, в сам подарок, воплощала в себе историю неразрывного единства народа и его героев, родины и истории, суть содержание и смысл советского патриотизма.

Жемчужина европейского юго-востока под сиянием Звезды; Сокол, неразрывно, всеми узами связанный с родной землёй, взлетает над ней, прикрывая её своими крыльями и вглядываясь в будущее. Подарок поручено было изготовить в Ферганской области.

В Москву в феврале 1966 года прибыла большая, около 150 человек, группа представителей, которой народ и поручил провести церемонию чествования. Представители сняли на один вечер помещение столовой вблизи Курского вокзала. Организация самого вечера сама по себе могла бы стать предметом отдельного рассказа. Ничто, никакое недоброе действие не должно было использовать или спровоцировать для своего торжества ни малейшей оплошности.

23 февраля, примерно за час до начала торжества, Аметхан и прибывший с ним его сослуживец Герой Советского Союза летчик-испытатель Максимов остановились на квартире проживавшего неподалеку на Садовом кольце подполковника Аблякимова Зейтуллы. Зейтулла-ага, окончивший в своё время филфак МГУ, к концу войны уже был подполковником, так и остался в этом звании, как, впрочем, большинство кадровых военных из крымских татар. Здесь, на квартире Зейтуллы-ага окончательно были обговорены детали церемонии. Поднимаясь по лестнице на второй этаж, я заметил свежие красные следы капель, похожие на кровь. Оказывается, минутами ранее на квартире уже побывала милиция в поисках предполагаемого то ли пострадавшего, то ли злоумышленника, однако эта версия не имела шансов на продолжение поисков.

Открыв дверь комнаты, и увидел Аметхана и Максимова в окружении целого сонма подполковников, бывших партизан и подпольщиков представителей крымскотатарского народа. Тут, были представители всех родов войск и всех видов ратного труда. «Здорово!» — прервав разговор, бросил мне Аметхан и, когда ему начали, было представлять меня, сказал: «Мы хорошо знакомы».

Тут сообщили, что всё готово и пора идти. Все пошли к выходу, и когда я тоже собирался выходить, меня остановил молодой, но седоволосый представитель из г. Маргилана: «Подожди, я тебе что-то покажу. Может быть, больше никогда не придётся увидеть». Мы остались одни. Он достал ящичек, подарок Аметхану. «Что это, микроскоп, что ли, — подумал я с удивлением. — С какой стати!?»

Парень снял крышку и подключил сувенир к сети. На круглой основе, обтянутой бордовым бархатом, на трёх шариках-ножках из пластика вишнёвого цвета помещалась цилиндрическая серебряная обечайки высотой 40 миллиметров, диаметром 180 миллиметров, покрытая сферическим прозрачным полированным куполом. На дне обечайки, как в сказочной табакерке, размещался набор из стекла и ювелирных камней.

Омываемый Чёрным и Азовским морями, покоился Крымский полуостров. Моря были выполнены из стекла бирюзового цвета. Полуостров выложен разноцветным искусственным жемчугом. Над узкой полосой ЮБК возвышались коричневого цвета горы, переходящие в палевый цвет степей и зеленоватый отблеск долин. В море стекали голубые змейки рек, зелёные дороги, рассекая полуостров, соединяли города Крыма, отмеченные рубинами. В центральном – самом крупном рубине, отмечающем Алупку, где родился Аметхан, было засверлено отверстие, в которое вмонтирована неоновая лампочка, освещающая искрящийся набор.

В зените плексигласового купола, покрывающего обечайку, алела пятиконечная звезда 25 миллиметров в диаметре. Сбоку из обечайки со стороны Качи на прозрачном шлейфе взмывает серебристая птица – точная копия МИГ, испытывавшегося Аметханом Султаном. По оси стремительной птицы, выполненной из серебра и имеющей длину 90 миллиметров проходит отверстие величиной со спичечную головку забранное линзой. Припав по совету моего спутника к линзе, я увидел цветной портрет Аметхана в парадном кителе с боевыми орденами,

Пятиконечная звезда в зените купола отмечала на карте Советской державы, контуры которой были нанесены на сфере, столицу нашей Родины — Москву. Одновременно она совпадала с остриём шпиля Спасской башни Кремля, контур которого четко вырисовывался на карте Родины. Часы на Спасской башне застыли, указывая 4.00. Что это за время? Час разбойного нападения фашистской Германии на нашу Родину? Час, когда началась вероломная и позорная операция выселения

целого народа советской семьи народов, одного из её младших братьев? Стрелки безмолвно указывали 4.00.

Там, где сфера сходится с обечайкой, композиция туго схвачена золотой цепью. На обечайке — тонкая золотая пластина. Выгравирована надпись: «Славному сыну крымскотатарского народа дважды Герою Советского Союза Аметхану Султану от родного народа в честь 45-летия».

Подарок крымскотатарского народа своему герою, воплощающий идею неразрывной связи народа, родины, Отчизны, героя-сына, солдата отчизны, являясь подлинным произведением искусства и филигранной по технике исполнения, был выполнен народными умельцами. На изготовление подарка из народных средств — из средств Национального движения крымских татар было ассигновано 94 рубля 40 копеек, пошедших на оплату золотой пластинки для дарственной надписи. Тут следует оговориться. Когда подарок привезли в Москву, обнаружилось, что в тексте надписи пропущено слово. Десять московских гравёров отказались сделать вставку, опасаясь повредить надпись. Одиннадцатый, покачав головой и одобрительно произнеся: «Школа!», умудрился выполнить заказ, оплату которого тоже следует отнести на стоимость сувенира.

«Ну и натерпелся я страху, пока довёз. Представляешь, какая ответственность! Кому нужны оправдания, если бы не сохранил», — улыбнулся седоголовый и закрыл крышкой сувенир. Я в полной мере оценил его миссию, зная многочисленные перехваты документов, которые народ направлял руководству партии и государству.

Перед началом торжества все, кто не был занят поручениями, сфотографировались в сквере рядом со столовой, и зашли в зал.

В голове двух рядов соединённых буквой «П» сидели Аметхан и Максимов, несколько представителей. Здесь был установлен микрофон магнитофона, так что все основные выступления, которые произносились с этого угла, несмотря на несовершенство нашего прибора, записались вполне сносно.

Чествуя Аметхана, выступили по поручению пославших их трудящихся представители со всех концов страны, куда раскидала наш народ «операция» майской ночи 1944-го года и вся последующая: эпопея её противоборства курсу ленинизма и Советской власти. В выступлениях ясно раскрывалась и горячая всенародная любовь к своему герою, и неразрывная связь церемонии чествования со всей историей крымскотатарского народа, с праздником 23 февраля, с борьбой крымскотатарского народа за равноправное развитие на родной земле с волей и сутью советской власти и линии партии. Некоторые выступали со стихотворными приветствиями, несколько женщин исполнили любимые народные песни Аметхана. Выступивший с большим обобщающим приветствием представитель от Ферганы подчеркнул, в частности, центральную мысль чествования, что русское, советское оружие было и есть оружием крымскотатарского народа, направленным на защиту Отчизны, её социальных и революционных завоеваний от любого врага, посягающего на эти основы. С горячей искренней взволнованностью выступил товарищ Максимов, отметивший поразившую его связь Аметхана с народом. Аметхану преподнесён продемонстрированный всем присутствовавшим подарок народа.

С коротким ответным словом выступил Аметхан:

«Аркъадашлар!

Бугунь биз Къызыл Ордунынъ къыркъ секиз йыллыгыны къайд этерек, Москвада топландыкъ. Сизинъ манъа берген бу бахшышынъыз ичун чокъ сагъ болунынъ. Мен Къызыл Ордунынъ 49 йыллыгыны эпимиз Къырымда къайд эткенимизни пек истейим, бизге анда яшамагъа къысмет болсун».

(«Товарищи! Мы сегодня собрались здесь, в Москве по случаю 48-й годовщины Советской Армии. Сегодня мы собрались в Москве в честь нашего народа, во имя его возвращения на родину, на свою землю. За Ваш подарок большое Вам огромное-огромное спасибо. Я горячо желаю, чтобы 49-ю годовщину родной Красной Армии мы все встретили в Крыму, живя там»).

Речь Аметхана была встречена горячей овацией. Вечер продолжался около двух часов. Танцевал хайтарму и Аметхан. Специальной информацией представители известили народ о проведённом чествовании, копии магнитозаписи, фотографии и тексты выступлений разошлись во все концы страны, на места поселения крымскотатарского народа,

2 февраля 1971 года пришла трагическая весть о гибели в испытательном полёте Аметхана Султана незадолго до того, как во главе советской делегации летчиков-ветеранов эскадрильи Нормандия-Неман он должен был вылететь в Париж.

Жизнь Аметхана перешла в фазу истории, в легенду. То есть не прекратилась, а начала осмысливаться, переосмысливаться, переиначиваться, крымским легендам досталось от «истории»! Здесь собственно и кончается описательная часть нашей повести и начинается аналитическая. Тут-то и показал себя каждый, кто называл или называет себя другом Аметхана, в истинном свете, так сказать, и с лица и с изнанки. Для истинного друга, для человека чести вообще память о мёртвом друге — более строгий судья, чем может быть, глаза живого друга. Для подлеца, для человека без чести — мертвые не разговаривают.

Трудно без волнения читать полные невысказанной боли тяжестью утраты воспоминания Лавриненкова, Рытова, Гареева. «Бесценным даром Отечественной войны — дружбой с дважды Героем Советского Союза Аметхан Султаном. Мы... легко узнавали друг друга в многоголосом эфире неба войны — видимо, по татарскому акценту. Хотя отец Амета был дагестанцем, сам он считал себя татаринном по матери, учился до войны в татарской школе. Правда. Расул Гамзатов в книге «Мой Дагестан» приводит такой эпизод: на вопрос, кем он считает себя — героем дагестанского народа или татарского, Амет ответил: «Я — Герой Советского Союза» («Советская Россия», 27.01. 1980 г.).

Понятны недоумение и немой протест Мусы Гареева, — Расул Гамзатов посмертно дал Аметхану не только «новую» национальность, но и новое имя, то есть оскорбил память и его родителей:

«Был у меня знаменитый друг дважды Герой Советского Союза Аметхан Султан. Отец у него дагестанец, а мать татарка. Жил он в Москве. Дагестанцы считают его своим героем, татары — своим.

— Чей же ты? — спросил я его однажды. — Я герой не татарский и не лакский, — ответил Аметхан... — Я — Герой Советского Союза. А чей сын? — Отца с матерью. Разве их можно отделить друг от друга? Я — человек» — писал Расул через несколько месяцев после гибели «своего знаменитого друга».

Нельзя, во-первых, не заметить пошловатый налёт литературщины низкого пошиба в этих «репликах», приписанных Аметхану, противоречащих всему, что было написано самим Аметханом или его друзьями в своих мемуарах. У Гамзатова Аметхан вдруг заговорил жаргоном циркача-канатоходца, изрекая такие «шедевры», что он «сын отца с матерью», «человек»... Получается, что если личность осознает, что только народ ему мог дать, язык, разум. Родину, Отчизну, то эта личность — не «человек»?! Какой вздор, Расул!

Есть у нашего народа — крымскотатарского — национальный Герой Польши — Одаманов, погибший, защищая в рядах партизан эту страну. Неужели признание польским народом, народной властью Польши заслуг Одаманова, его звание национального Героя Польши отняло у него национальную принадлежность, Родину, Отчизну, наконец? Нет! Поляки называли его Миша-татар, они не пытались украсть его у нашего народа, чтобы таким образом увеличить славу польского народа, польского оружия. Эта слава не таким образом завоёвывается, не нуждается в таких фальсификациях. Между тем, и Мишку-



татара постигла участь, которую готовят Аметхану: долгое время упорно, вопреки истине, наперекор фактам Одаманова изображали казанским татаринном, пока точку в этой неблагоприятной возне не поставила «Красная Звезда» своей статьей «Ещё раз о Мишке-татаре»

Но, допустим на минуту, что Аметхан признавался Гамзатову, что де, минуя какой бы то ни было народ, не принадлежа никому и ни чему, кроме отца с матерью и, следовательно, стоя в стороне от судьбы и трагедии своего народа, он сразу являлся Героем Советского Союза подобно тому, как Минерва вышла из головы Юноны. И он, ставший по прихоти Гамзатова Ахмедом, по аналогу с Неизвестным солдатом является неизвестным Героем, – не татарским, не лакским, но тем более не русским, не корейским и никаким другим. И допустим, во-вторых, что такой «философии» придерживается и сам Гамзатов, – ведь иначе получится, что он сознательно дискредитирует Аметхана. Допустим это. Но вот проходит десять лет и тот же Гамзатов о том же дважды Герое Советского Союза пишет: «Другой мой земляк (кто в ряду героев-дагестанцев – Ю. О.)... Аметхан Султан каждый свой рассказ о тяжёлом бое с фашистскими стервятниками заканчивал словами: «И с этого боя на родной аэродром вернулся я на крыльях сгоревших в бою братьев». («Известия», 22.02. 1981 г. № 44 (1972)).

Итак «знаменитый друг» стал «земляком», или как писал в «Советской России» в январе 1973 года корреспондент этой газеты из Махачкалы некий А. Грач, соратник Гамзатова «Дагестанец Аметхан Султан...» и т.д. и т.п. («Имени Героя»). Итак, героя сначала делают неизвестным (и приписывают это переименование ему самому), чтобы потом дать ему «вторую родину».

Нет, Расул, останови коня своей «фантазии». Ведь этот трюк с головой выдаёт истину, что Аметхан – сын именно крымскотатарского народа, которому также вероломно дают «вторую родину», чтобы закрепить захват настоящей – единственной родины. И, наконец, может быть, ты ещё себе не выбрал родины – ведь ты и не земляк Аметхану?! И, в конце концов, надо же быть последовательным.

В книге «Мой Дагестан», там же где Аметхан переименован в Ахмедхана без роду-племени, цитируется одна пресс-конференция в Махачкале для 38 корреспондентов, аккредитованных в Москве:

...Вопрос: Я прочитал поэму Митарова. В ней он утверждает, что он не аварец, не тат, не табасаранец, но дагестанец. Что вы на это скажете?

Абуталиб (поискав глазами Митарова): – «Слушай, Митаров, то, что ты не аварец, не кумык, не тат, не нагаец, не лезгин, я давно знал. Но что ты и не табасаранец, я слышу впервые. Кто же ты? Завтра, может быть, ты напишешь, что ты и не Муталиб и не Митаров (как Расул переименовал Аметхана – Ю. О.). Вот я, например, Абуталиб Гафуров. Я, во-первых, лакец, во-вторых, дагестанец, в-третьих, поэт страны Советов. Или можно считать наоборот: во-первых, я советский поэт, во-вторых, я живу в республике Дагестан, а в-третьих, – я по национальности лакец и пишу на лакском языке. Это всё во мне нерасторжимо. Это моё самое дорогое сокровище. Ни от одного из них я не хочу отказываться. За это я пойду в огонь». («Роман-газета» № 5 (723) 1973 г.).

Почему же для Аметхана, чьё простое мудрое и мужественное слово хорошо известно и зафиксировано самыми высокими документами, почему для него измышляются низшие сорта мысли? По-моему Аметхан дал ответ на этот вопрос, размышляя о трагической судьбе своего народа.

А в чём причина двойной морали? По-моему, здесь ответ даёт сам Гамзатов в этой же книге: «...Ложь – это не ошибка, не случайность. Это – черта характера, которая может укорениться. Это страшный сорняк на поле твоей души». (Гамзат Цадаса – сыну Расулу Гамзатову. «Мой Дагестан», ч.1, 227, М., 1965 г.).

Случайно ли Аметхан избран мишенью этой лжи, этой «болезни души», как назвал ложь один школьник на страницах «Правды». И тут мы внезапно, не желая, пришли к проблеме, может быть, просто к теме о критике и самокритике. Не любят, как правило, самокритику, а напрасно. Зачем ждать, когда кто-нибудь начнёт критиковать, – глядишь и копнёт глубинку. А не лучше ли самому – кое в чём показаться, кое от чего отвести подальше, было бы мастерство красиво сказать. А заодно даже эти ошибки свои подать повыгоднее. Итак, по сему – Аметхан? Ну, а почему Шамиль?

«...В 1951 году ты написал стихи, очерняющие Шамиля, а в 1961 году написал стихи, восхваляющие Шамиля. Над теми и другими стихами стоит имя Расул Гамзатов. Теперь мы хотим знать – один и тот же это Расул или два разных? И какому Расулу верить?» (ч.1, стр.88).

А дальше уже пошла самокритика на высшем литературном уровне. Действительно, а какому Расулу верить – Расулу-71 или Расулу-81? А что нас ждёт в 91 году? «Стрелу, попавшую в тело, можно выдернуть. Но можно ли выдернуть стрелу, попавшую в сердце?» (там же). Поистине не найден ли рецепт бессмертия?

«Блеск времени ослепил меня... если говорить серьёзно, я был тенью времени. Известно же: какова палка, такова и тень» (там же). Вон оно как – время виновато. Ну, бог с тобой, Расул, был тенью, стал светом – конъюнктура изменилась. Да уж больно тень и свет смахивают друг на друга.

Мой отец говорил мне:

– Не тронь Шамиля. Если тронешь, до самой смерти не будет тебе покоя. (Там же стр.92). Шамиль – дух народа, Шамиль – его совесть. Это – его история, его ненависть к тирании и тиранам. Аметхан – это олицетворение народа. Это его сын, это его представитель. Отщепенцы не представляют ни одного народа. Герой не может быть героем, если он без народа, вне него. Не трогай Аметхана, Расул, у него было чистое сердце, он не был рабом конъюнктуры, тенью от палки. Он воплотил лучшее из своей эпохи, он достойно представлял свой народ на земле и в небе, в дружеском застолье и на приёмах в ЦК. Аметхана можно представить себе без звёзд Героя – ведь мы, по крайней мере, его видели – героя-испытателя – без третьей и четвёртой звезд Героя. Но его нельзя представить вне народа и его судьбы. Спаси бог, Расул, твой народ от такой судьбы!

Повесть моя кончается. На похоронах Аметхана присутствовала делегация представителей крымскотатарского народа, отчитавшаяся на республиканской встрече о ходе траурной церемонии. Аметхан похоронен на Новодевичьем кладбище. Памятник, установленный на могиле, создан по инициативе крымскотатарского народа на народные деньги и, частично на средства института, где работал Аметхан – лётчик-испытатель, дважды Герой Советского Союза.

ОСМАНОВ Ю.Б.  
Фергана.  
1971 – 1981 г.

P.S. Со времени написания очерка много утекло воды. Появились воспоминания лётчика писателя Афиногенова, многие строки которого об Аметхане как бы выписаны из настоящего очерка – правда пробивает себе дорогу жизни. Гласность, истина победят.

Март 1988 г.

Газета «Ленинец» 29 декабря 1990 г., 12 января 1991 г.,  
26 января 1991 г., 2 февраля 1991 г.

# ЛЕСНАЯ СКАЗКА

## Часть I

### Действующие лица:

#### 1. МОРДЫ-ГРАТА:

**КРОК** – крокодил  
**КУБИЛЛА** – анаконда  
**КРОКИНЯ** – сестра Крока  
– без определённых занятий  
**ЭРКЕДУС** – носорог  
**ДЯДЯ КАБАН** – дикая свинья  
**РАССОМАХА** – его преемник, совмещает  
и другие вакантные посты

#### 2. ТОЖЕ МОРДЫ:

**ДЯДЯ ТОМ** – слон (лесной подъёмный кран)  
**ВИКИ** (затем **ВИК**) – его сын  
**ЧАП** – ёж (мастеровой)  
**ПАНТЕРА** (чёрная)  
**БАРС** (светлый)  
**ЮКИ** – сом  
**СЕТТАР** – удав  
**МИШЕЛЬ ТАГОР** – уж (врач-терапевт)  
**ДЯТЕЛ** – профессор-хирург  
**ХАММА-БЕЛЬМЕС** – павлин (учёный)  
**НАНАМИ** – крот (любимец леса)

#### 3. Толпы, стада, общины, косяки, стаи:

**КОЗЫ, ЗАЙЦЫ, МЫШИ, ЗУБРЫ ПТИЦЫ,  
ШМЕЛИ, ПЧЁЛЫ** и др.

#### 4 ДЕТИ: полный зверинец

Выделяются:

**ЧУК** – волчонок  
**ВИКИ** – сын Тома  
**АРКАДАШ** – сын Чапа  
**БАРС** пятнистый – сын Пантеры и Барса светлого

#### 5. В эпизодах:

Непонятные морды: львы, тигры, медведь.  
Тёмная морда – очевидно слоновая гиена.  
Пернатые: **ВОРОБЕЙ, СКВОРЕЦ**, Сорока ПУ, Стрижиха **ПЬЕРЕТТА**.  
Мудрецы: **ВОРОН, СОВА**  
Далее идут: Светлячки, Грифы, Майский Жук, Макака,

**Чи, Выдра, Пещерный Кот, Павиан, Торо** – вождь зубров и др.

Их поверенные:

**БАРАН** –

**ШАКАЛ** – арбитры

**ГЕПАРД** – посыльный, исполнитель щекотливых дел

**ЧЕРВЬ** – перлюстратор

Их гвардия: **ВОЛКИ, КРЫСЫ, ОСЬМИНОГИ,**

**ПСЫ, ЛИСЫ,** а также непосредственные сородичи.

История свойства странного

Случилась в лесу банановом,

С тех пор, позабросив книжки,

Судачат о нём мартышки,

Вися на хвостах облезлых

(так для мозгов полезней.)

И старые пумы тоже твердят:

«Ни на что не похоже!

Такого не видел свет

Пять-шесть или восемь лет!»

Всё это случилось в Африке,

А может на Мадагаскаре,

Кого ни спроси – все разные

Подробности и детали.

И чтобы обидно не было

Мартышкам с хвостами облезлыми,

Кукушкам, слонам и мухам

Поведали разные слухи.

И всем им доверимся разом,

Ни бровью не двинем, ни глазом,

В лесу стоял большой банан,

Такой, что местный великан

Слонище – старый дядя Том

Под ним собрался строить дом,

Да что-то мешкал:

**ТОМ:**

«Э-э-э... Дела!..

То ливень льёт... То добела

Нагреет солнце пыль дорог.

Какой тут дом? Избави бог!

Хотя б до речки добрести.

А там, известно, – Крокодил

Умильно глазками блестит –

За пятку хапнуть норовит.

Извел совсем он нас, слонов...

Ну, а лесной народ каков?

Посожалеет, пошумит,

А чуть коснись, – в кусты бежит,

Вот так и мыкаюсь в лесу...

Куда не ткнись – разлад да суд,

Растёт без дома детвора!

Эх, жизнь! Ни крыши, ни двора!»

**ЧАП:**

«Дела плохие, дядя Том.  
Я хоть укроюсь под кустом,  
А нет – раз, два – и вот нора  
И пусть там ливень, пусть жара».  
При этом ёжик Чап чихнул,  
Тревожно носом потянул:  
«Горишь!?»».

**ТОМ:**

«Затылок припекло,  
Да я привык», – ответил Том.  
Том очень Чапа уважал –  
Тот в страхе всех Мышей держал  
И с Крокодилом был на «ты»,  
И не боялся темноты.

•

Сияло небо высоко,  
Жарюю солнце в нём дышало,  
Гадюка скрючилась в клубок,  
Глаза бессильно закрывала.  
Заткнули входы муравьи:  
Нет сил теперь такое пекло!  
Трава пожухла и поблекла –  
Дым повалит, того гляди!  
И вдруг – смятенье! Топот! Крики!  
Том хобот вскинул, затрубил –  
Его сынок, слонёнок Вики  
«На помощь! – звал, – пусти!» – молил.

**ЧАП:**

«Бежим на речку, Том, скорее,  
Он там, наверное! Шакал!  
Что приключилось?»

**ШАКАЛ:**

«Сожалею,  
Что первый горе рассказал...  
Я не хотел прослыть болтливым.  
Чужое горе – мне печаль,  
Какой Ваш Вики терпеливый!  
Мне просто жаль. Нет: жутко жаль!».

**ЧАП:**

«Да поскорее ты, бродяга!» –  
И Чап толкнул его бочком.

**Том:**

«Не то не сделаешь и шага!» –

Припёр к банану крепко Том.

**ШАКАЛ:**

«Ай-й! Деликатнее! Мужланы!  
Весь хвост измяли! Вики – там.  
Он Крокодилу, как в капканы  
Попал случайно. Просто срам,  
Коль это будет продолжаться,  
Что Вам – слонам – нельзя купаться!»  
Но кто его на этом слушал?  
Том заревел, помчался вскачь,  
Вот и река. Откуда плачь?  
Большой валун, по форме – груша.  
За ним, на чистеньком песочке  
Бедняга Вики – весь в слезах!  
Сползи зелёные носочки,  
А хоботок застрял в зубах  
У Крокодила. Кро-ко-ди-ла!!!

**ТОМ:**

«Сейчас, проклятый, задавлю!!»  
И тело Тома заслонило валун.

**КРОК:**

«А спорим – я люблю –  
Что не «проклятый»? Не «задавишь»?».  
И Крокодил чуть челюсть свёл.  
Не услышав, ужель представишь,  
Тот крик, что Вики произвёл?  
Так, словно кто ножом провёл  
По сердцу – прямо и обратно,  
Но извергу весьма приятно...

**ЗВЕРИ:**

«Том, осторожней!», – взвыли звери, -  
Ведь Крок без сердца! погоди,  
Подумать нужно, Том, уйди!  
Ну, хоть на шаг, по крайней мере!»  
Том привалился к камню вяло,  
Пот градом на песок катил.

**КРОК:**

«К чему весь шум, угрозы? Право...? –  
Сказал ехидно Крокодил.  
«Ты, Том, жалеешь, видно Вики?  
Но он попал, как видишь, – в плен.  
Сам посуди, пустяк великий,  
Отдай свой хобот мне в обмен?  
И я останусь, сыт и весел,  
И Вики будет жив и цел,  
Ну, а тебе, – видать, удел  
Без хобота вернуться к лесу,  
А в свой черёд построить дом

И пруд прохладный под окном».

**ЗВЕРИ:**

«Не соглашайся, Том, обманет!  
Тебя убьёт и сына съест.  
И нас тогда позорить станет,  
Весь Мир земной, не только лес!».  
Все страшно, жутко горевали.  
Тихонько спорил лев с медведем –  
Они пожертвовать вдвоём  
Собой решили ради Вики,  
Медведь прощался с Медведихой.  
Да, что! Шакал – и тот рыдал,  
Хоть дальше всех зверей стоял  
И оставался зол на Тома.

**КРОК:**

«А вы уймись. Вы не дома.  
Вы у меня, друзья, в гостях.  
Я львов не ем и в медведях.  
Признаться, толк не понимаю.  
Я лишь на Тома обменяю  
Вот это милое дитя!» –  
И Крокодил, совсем шутя,  
Отшлепал беденького Вики  
И зубы, страшные, как пики,  
Лесному люду показал.  
Меж тем никто не замечал,  
Что Чап куда-то запропал...  
О, жуткий день! Что будет с Вики?!

•

Уж солнце к лесу подошло,  
Уже не пекло, а тепло  
Над речкой тихо разливалось,  
И речка весело плескалась  
О хвост мучителя зверей,  
Которые здесь все собрались.  
Уж рассказал всем Воробей,  
Что, мол, Баран больным казался,  
Но завтра твердо обещался:  
И Крокодила устыдить,  
И Вики враз освободить,  
Живым иль мёртвым, и навечно  
Вопрос назревший разрешить  
О праве пользования речкой.

**НАНАМИ:**

«А завтра – что? Как свет и свечка  
Он нам понадобится здесь»,  
С такими мрачными словами

В свою нору угрюмо влез  
Любимец леса крот Нанами.  
Одни на это промолчали,  
Лишь Волки глухо прорычали,  
Что хвост посланцу отгрызут,  
Коль будет беспокоить люд  
Своим никчёмным разговором  
И заниматься всяким вздором.  
Как только Том совсем решился  
Давить мучителя, а там  
В реке мгновенно утопиться,  
Чтоб горе передать волнам, –  
Истошно взвизгнул Крокодил,  
На спину круто повернулся,  
Хоть Крок зубов не распустил.  
С надеждой каждый встрепенулся  
И ахнул – это Чап вонзил  
Иголки в брюхо Крокодилу,  
Прорыв подкоп через песок.  
И как он догадаться смог?  
Тут Том с невиданною силой,  
Как плётку хобот опустил.  
В дугу согнулся Крокодил,  
Икнул – и скрылся под водою.  
И шумно вспенилась она  
У ног огромного Слона,  
Совсем убитого бедою!  
Тихонько звери подошли,  
Подняли плачущего Вики,  
Несут настой из ежевики,  
Крапивой ссадины прижгли...  
Но кто тут стонет?

**ТОМ:**

«Ёжик, милый», –  
Очнулся потрясённый Том,  
А Чап в песке лежал пластом,  
Прибитый лапой Крокодила.

•

Скорей к Сове! Она поможет!  
Уже готова Кенгуру,  
В карман лимонную кору  
Кладут, чтоб не кололся Ёжик.  
Несётся вскачь, скорей, скорей,  
Стараясь избегать камней.  
На пне большом, где мошек нет,  
Учёный проходил совет.  
Искусный Дятел, Ворон, Совы, –  
Все Чапа молча осмотрев,  
Сказали приговор суровый:  
Не то, что Ёжик, даже Лев



Не смог бы выжить – много крови  
Ушло на речке – на песок,  
Ежа спасти никто не мог.

**ВОРОН:**

«Но всё ж», – не много с затруднением,  
На дятла, указав крылом,  
Как бы ища поддержки в нём,  
Промолвил Ворон: – «В нём спасенье!»  
Коль есть надежда – только он  
Ему спасителем рождён.  
И все с мольбой глядят на Дятла.  
Глаза тот прячет, всем понятно –  
Надежды нет! Надежды нет.  
Уж солнце село. Лунный свет  
На землю теплую упал.  
Вдруг Ёжик тихо застонал  
И прошептал:

**ЧАП:**

«Попробуй, Дятел!  
Разрежь меня и вновь зашей.  
А вдруг на счастье малышей  
Останусь жив. Попробуй, Дятел!»  
И на колени рухнул Слон,  
Исторгли звери общий стон:

**ЗВЕРИ:**

«Спаси, спаси его, Профессор!  
Оставь ему на свете место!  
Несправедлива смерть теперь!» –  
Кричал и думал каждый зверь.  
А тут Ежиха подошла,  
Кусочки моха принесла,  
Лечебных трав, настой из мяты,  
Колючки, раны зашивать,  
И даже легкую кровать  
Сопя, поставили Ежата.  
У пня устроилась Сова,  
Шептала мудрые слова,  
На ней уселись светлячки,  
И Дятел нацепил очки!  
Почистил клюв, вздохнул сурово  
Хирурга поняли с полслова –  
К краям поляны разошлись  
И под деревья улеглись.  
Горят глаза из темноты,  
Никто не спит, и лишь хвосты  
Слегка играют от волненья  
Лежит Пантера без движенья,  
Шакал, Зайчата тоже тут –  
Все одного, успеха ждут

Какой-то птенчик приморился,  
Заснул и вниз пища свалился!  
Львы чуть не слопали его,  
Да кто-то тихо заступился,  
И мама скрыла под крыло.  
Немало Дятел славных дел  
Для леса совершить успел.  
И никому бы не пришло  
Винить на случай не удачи,  
Но, как представишь – дети плачут,  
Быть хладнокровным тяжело.  
А скальпель взял – то сделал чудо.  
Луна, как чистая посуда  
Белела где-то среди ветвей,  
Когда, не глядя на зверей,  
Забыв очки над носом длинным,  
Свалился Дятел на кровать,  
Оставив Совам бинтовать,  
Колоть Ежа пенициллином...  
Пришлось отрезать лапку слева,  
Подвинуть сердце в правый бок –  
Он, в целом, сделал всё, что мог,  
Чтоб даже горло не болело,  
Когда зимою просквозит  
И удалил аппендицит.  
Все звери радовались тихо,  
Кормили мухами ежат,  
Шли чувства выразить Ежихе,  
И каждый был другому брат.  
Проснулось утро. С шумной свитой,  
Кудрявый, свежий и умытый,  
Как будто принц из дальних стран,  
Предстал собравшимся Баран.  
Не то, что смелого десятка,  
Не столь уж знатен и умен,  
А так, для вещего порядка  
Был в лес арбитром приглашён.  
На службе прост, упрям, спокоен.  
В быту – примерный семьянин.  
«Не жизнь тебе, а рай устроим,  
Ну и в обиду не дадим», –  
Ему так объяснили Волки.  
Но я ведь, бэ-ээ, друзья, – баран!»  
Вот и отлично. Лезть в капкан  
Тебе не надо. Будешь с нами  
Дела и планы обсуждать,  
А надоест – иди жевать,  
Иль отдыхать на сеновале.  
А там, где надо наказать,  
Создать предлог и уничтожить  
Тебе лишь стоит подписать  
И нас вниманьем не тревожить».

Вот раньше так оно и шло,  
И лес редел от произвола...  
И в это время весело  
Баран явился с разговором.

**БАРАН:**

«А-а-а-а-а-а!!!  
Вот он где ты? Ху-ли-ган, –  
Слоненка обругал Баран. –  
Кричишь на старших! Сквернословишь!  
Тревожишь лес! Отца позоришь!  
Да и отец, смотрю, хор-рош...  
Тэ-ак! Что случилось с Крокодиллом?  
Самоуправство?! Бунт?! Дебош?!  
Мне заявленье поступило...  
На первый раз решим вот так:  
Слона и сына на работы  
Послать в соседние болота,  
Ежа изгнать из наших мест,  
А Дятлу запретить лечение,  
Чтоб навсегда поставить крест  
На всех и всяких преступлениях!».  
Услышав, лес оцепенел.  
За что жестокая расправа?!  
Но постепенно разглядел:  
Два волка слева, трое – справа.  
Глядят – Ежа поволокли,  
Пять-шесть волчат терзают Дятла,  
Слоны бредут в дали, в пыли.  
Когда их ждать теперь обратно?  
Был в суете избит Нанами,  
Зайчонок пискнул под зубами,  
Лиса, как не было ни в чём,  
Затем примкнула к волчьей стае...  
Все побрели своим путём,  
Тревожно, горестно вздыхая.  
А возле пня раскинул стан  
Кудрявый, радостный Баран.  
Вокруг него резвятся волки,  
Ни весть, откуда – козы тут,  
Уже зарезаны и ждут,  
Когда съедят их. Запах тонкий  
Бананов свежих и травы,  
(Вот щедрость мудрая судьбы!)  
Шёл от большого тарантаса...  
Но что? Веселье стало гаснуть,  
Баран к Волкам, они – к нему  
Теснятся смиренно. Почему?  
Э! Здесь Пантера, Львы и Барсы –  
Уселись вежливо вдали  
Миролюбиво, как могли.

Потом лениво взяли Коз,  
Сложили на огромный воз  
(Его Медведь повёз куда-то).

**ПАНТЕРА:**

«Вы, что опешили, ребята? –  
Волкам Пантера говорит, –  
Не нагуляли аппетит?  
А ты, Баран? Вкусны бананы?  
Ох, что-то пятишься ты странно?...»  
Куснула спелый плод Пантера,  
Поморщилась, и, зная меру  
Словам своим, легла на пень,  
А рядом Барс – как свет и тень.  
Приходит вечер, лес дивится!  
Наверно, что-то сотворится!  
Раскис скорее всех Баран:  
Сжевал один, другой банан,  
И вот уж легок тарантас,  
Тут и пришел Барана час.  
Хоть Волки с голода дрожали,  
Но из-за страха и печали  
Без спеха слопали его,  
Не обронивши ничего.  
Затем их в тарантас загнали,  
Закрыли двери, наказали  
Не помнить на соседей зла.  
Сама Пантера их свезла  
К свирепым Зубрам, на расправу  
(К Волкам у Зубров счёт большой,  
И разговор пошёл крутой).  
А ночью вышел бой на речке:  
Польстившись сразу на Козу,  
Кряхтя и охая, конечно,  
Не попадая зуб на зуб,  
На берег выполз Крокодил,  
И тут в ловушку угодил.  
К песку его прижали Тигры.  
Он долго плакал и молил,  
Но милости не получил –  
Плохи с Пантерой шутки-игры  
Разбор вела сама она.  
Мельком сказала про слона,  
Про всё былое вспомянула,  
И заявленье пристегнула,  
Которым хвастался Баран –  
Его помог писать Кабан,  
Как обнаружилось разбором.  
Всё было в нём полнейшим вздором.  
Что Слон – бандит, а Чап – подлец,  
Что Козы пустят лес по миру,

И, что совсем сбесились с жиру  
Община Зайцев, а Скворец  
(кривляясь!) подражал Барану,  
Мол, тот со службы шёл вполпьяна  
И так, листах на сорока  
Речной кувшинки ложь и сплетня...  
Узнав рецепт у Индюка,  
Послали Майского Жука  
Найти соломы семилетней,  
Сухой, как крылья стрекозы.  
Но вот всё, кажется, готово  
И Крокодилу дали слово –  
Последний довод изложить.

**КРОК:**

«Друзья! Не стану я хулить  
Семью слонов и слёзы лить  
Пред жестокою толпою.  
Мне любопытно здесь другое.  
Что изменилось в эту ночь?  
Меня не станет – будет дочь  
Хозяйкой вод на здешней речке.  
Ты, Лев, питаешься не гречкой  
И ты, Пантера, не травой,  
Из-за чего весь шум и вой?  
Ну, согласен – не у места  
Стоял Баран, но он казнён  
И был не мною приглашён.  
Известно всем, что в знак протеста  
Его я к речке не пускал.  
Ты, Заяц, от меня страдал?  
Или с Пантерой породнился?  
Или с лисою вдруг ужился?  
Молчишь? Вот то-то. Козы где?  
Понятный факт: волков прогнали  
И козы даром не пропали,  
Лишь я в убытке да в беде.  
Решайте сами: слаб и болен  
Я предаюсь Вашей воле»  
Он застонал, затем скривился,  
В солому с головой зарылся,  
Притворно глазки присмежил,  
Исподтишка за всем следил.  
Пантера хмурилась сурово,  
Рычали Львы, Медведь – ни слова.  
Шакал метался взад-вперед:  
(«Кричать? Смеяться? Хвастать силой?  
Поддакнуть Львам? Иль Крокодилу?  
И примиренье предложить,  
Чтоб одобренье получить?»).  
Но взбудоражен речью лес:  
Какое жуткое нахальство!

Открытый вызов, наглость, спесь, –  
Вот Вам на блюдечке начальство!  
Один Кабан не проявил  
Своих эмоций ни на йоту,  
Орехи жирные давил  
И уж наевшись до икоты,  
Исподтишка травил волчонка:

**КАБАН:**

«Чук, ты мужчина иль девчонка?  
Или спектакль тебе на радость?  
Иди, скажи Пантере гадость, -  
Ну, нагруби, задень хвостом...»

**ЧУК:**

«Э, нет, расхлебывай потом!».

**КАБАН:**

«Да вот те крест! Любой раздор  
И я вмешаюсь в этот спор».  
Пантера фокус раскусила,  
Волчонка лапой отстранила:

**ПАНТЕРА:**

«Чук, здесь не детский разговор:  
Ты не забыл сходить на двор?».  
Тут ей записку передали:  
«Казнить злодея, не пора ли?».  
И подпись четкая «Скворец».  
Пожалуй, близится конец.  
И согласья знак, неторопливо  
Пантера морду наклонила,  
Произнесла:

**ПАНТЕРА:**

«Конечно – «за».  
Да не трясись хоть ты, Коза!  
Есть повкуснее, помоложе,  
Чей мех приятней и дороже.  
А впрочем, да, иди-ка спать,  
Не то беды не миновать».  
И так, как все чего-то ждали,  
Как черный бог на пьедестале  
Пантера поднялась на пне:

**ПАНТЕРА:**

«Ты Крокодил вредил не мне.  
Ты мучил лес, терзал детей.  
Ты надругался над отцами.

Ты оскорбил закон зверей,  
Ты сговорился с подлецами!».

**КАБАН:**

«Подлец сказали?! Это – я!?» –  
Взревела дикая свинья,  
Чей скверный нрав, конечно, знали,  
И, в обхождении прямом,  
Обычно дядей Кабаном,  
Страшась последствий, величали.  
Все замерли: вот-вот метнётся,  
И тут с Пантерой бой начнётся,  
И что ещё произойдёт!..  
Завыл от ужаса народ!  
Но положенье спас Шакал:  
Он распластался. Он – упал!  
Он взвизгнул радостно, с надрывом:

**ШАКАЛ:**

«Нет-нет, Кабан! Подлец не ты!».  
И даже смелости хватило  
Не побежать тот час в кусты.  
Стожок соломы накренился,  
Как будто стоя притомился.

**КРОК:**

«Дур-рак! – подумал Крокодил, –  
Да кто тебя о том спросил?!»  
Кабан, нет спору – притворился,  
Внутри же был премного рад,  
Да и потом всегда гордился,  
Что он для всех – подлец и гад  
И за глаза, и, ныне – гласно.  
Нет – жизнь прожита не напрасно  
И доказательство – Шакал.  
Еще не стих страстей накал  
И как, уму непостижимо,  
Прокравшись в центр невидимо,  
Волчонок Чук, набравшись сил,  
Шакалу хвост перекусил,  
Со вкусом выплюнул на землю, -  
В минуты ссор беда не дремлет!  
Шакал завыл. Пал без сознания.  
Ай, Дятла! Дятла! Где же он?!  
Как похоронен?! Как казнён?!  
И смех и слезы... все столпились  
Вокруг бедняги без хвоста.  
Кабан от хохота свалился  
У можжевельного куста...  
И в суматохе все забыли  
О главном деле: Крокодиле.  
И лишь потом, когда хватились,  
В его побеге убедились.  
По речке плыл соломы стог,

А на себе хранил песок  
Следы хвоста, рисунок ног.  
Беглец с другого бережка  
Состроил к носу «петушка»  
И заявил вполне серьёзно:

**КРОК:**

«Теперь и разобраться можно.  
Поделим речку так, друзья:  
Вам утром час для водопою,  
Для прочих нужд и для мытья,  
А мне – всё время остальное.  
И кто ни сунься в этот срок,  
Уйдёт без глаз, хвоста и ног.  
Весьма сочувствую Шакалу:  
Он, право, симпатичный малый,  
На речку может приходить  
В любое время воду пить  
И поживиться червячками...  
Уж мне и скучно стало с Вами.  
Прошу не сомневаться в том.  
Что постою я на своём  
Любой ценою, Анаконда  
И весь её почтенный род  
(Не то, что Вас, трусливый сброд)  
Я повторяю: Анаконда  
Со мною в дружбе...  
Дядя Слон,  
Примите дружеский поклон  
И заверение: на речку  
Вам доступ запрещён, конечно.  
Но Вики может без боязни  
Купаться, как и каждый зверь.  
Спокойной ночи. Вместо казни  
Займитесь ссорами теперь:  
Кто упустил, кто меньше струсил,  
Ну, так и далее, в Вашем вкусе».  
Назад Медведя отозвав,  
Окликнув Пуму, Леопарда,  
Пантера разложила карты,  
В Итоге малое сказав:

**ПАНТЕРА:**

«В лесу анархия – не дело.  
Нельзя теперь и беспредела.  
Суд – это тонкий инструмент.  
Коль мы прошляпили момент,  
Должны найти такого зверя,  
Кто, пусть скандальною молвой,  
Займёт умы хоть на неделю,  
Будь он калека, будь немой.  
Чтоб нам был предан без ума,



Чуть пообтёсанней Барана  
И гибче. Поздно или рано  
Судьба его предрешена.  
По мне – шакал вполне сойдёт –  
Попотешается народ,  
Он покуражится досыта,  
И сам себе конец найдет  
Иль на зубах, иль под копытом».

**ЛЕВ:**

«Но как подать его толпе?»  
Лев усомнился осторожно.

**ПАНТЕРА:**

«Сомненья все пусты и ложны.  
Он пострадал то, видел лес,  
Конфликт с рекой решён частично,  
Но скрою, в форме непривычной,  
Но Крокодилу дан урок,  
Кабан развенчан перед лесом,  
А наш Шакал, хоть и не впрок,  
Во всём крутился мелким бесом».  
Как порешили – огласили,  
Лучи последние скользили  
Поверх деревьев, склонов гор  
И скоро тёмным стал простор,  
В лесу банановом темно,  
Забылось всё усталым сном.

•

Шакал – Герой, Шакал – Спаситель,  
Неутомимый инвалид.  
Глядишь сюда – он здесь кричит,  
Там – запекает, учит, пишет:  
«Не рвать грибов», «не мять травы»,  
«Прошу оставить шутки дома»,  
«Не строить сакли с плоской крышей...»  
Но как дела трудяги Тома?  
Он с Чапом долго обсуждал  
Какой-то план. И как-то вскоре,  
Внезапно надолго пропал,  
Не то в степях, не то за морем...  
А жизнь обычным чередом  
В лесу текла. И все с трудом  
Скрывали гнев на Крокодила.  
Как верный пёс сторожевой  
На речке ужас наводила  
Своей свирепостью слепой  
Змея ужасная – Кубилла,  
Гигант – из рода Анаконд.  
Сама Пантера холодела,

Как появлялся, сей дракон,  
Совсем без чувств, по сути дела.  
Но, как-никак – река не лес.  
Среди лиан свои законы,  
Свой суд, поэты, свой учёный,  
(Им слыл павлин Хамма-Бельмес);  
Благопристойный мыслей ход,  
Вновь приобрёл лесной народ!  
Но выпал день – вновь лес в движении.  
Как будто светопреставленье  
Должно начаться через час –  
Пришло письмо под воскресенье!

**ШАКАЛ:**

«Несчастий жди с письмом как раз!»,  
Провыл шакал, – моё решение:  
Сжечь письмо без промедленья!».

**ПУ:**

«Постойте! Это ж дядя Том  
Знать о себе даёт письмом»  
Сорока Пу проверещала.

**ШАКАЛ:**

«Э, чтоб тебя Сова задрала!»  
Чуть не расплакался Шакал,  
Схватил письмо и ускакал  
К тем, кто решать и ведать вправе.

**КАБАН:**

«Письмо Слонихе мы отправим,  
Но прежде здесь его прочтём.  
Добрейший Червь, открой письмо  
Поаккуратней. Нет ли в нём  
Известий, лесу незнакомых,  
Ненужных, глупых, хоть само,  
Как факт, уж вред дало огромный.  
Писать, знакомиться... В народе  
К добру всё это не приводит.  
Шакал, прошу тебя, сходи...»

**ШАКАЛ:**

«Но я...»

**КАБАН:**

«Как?! Недоволен! Что такое?!  
Сходи и выплесни помой!  
Ну, шевелись же, проходи!»  
Вы угадали: здесь видна  
Повадка дяди Кабана.  
Во всей красе его жилище:  
Лохмотья, грязь, остатки пищи,

Дубовый стол для важных дел,  
Топор, веревка, ножик ржавый,  
Тугой гроссбух негласных справок.  
Шакал вернуться не успел,  
Посланье Тома изучили  
И в ящик темный уложили.

**КАБАН:**

«Так вот, Шакал, – сказал Кабан, -  
Сходи и приведи Сло니ху,  
Нет, не хватайся за аркан, –  
Слонёнка тоже прихвати.  
Предлог найди и сделай тихо,  
Дела иные на пути,  
Вести беседы – запрещаю.  
Не одобровать, коли узнаю,  
Что ты язык не удержал.  
Оставишь их, а сам – за Чапом».  
(Шакал убегает).  
«Волчонок здесь? Не пачкай лапы,  
Ты Чук, совсем грязнулей стал!  
Свяжись секретно с Крокодилом,  
(Пантере сообщим потом),  
Пускай замутит воду илом –  
Чем хочет: мордой иль хвостом.  
Так и скажи – тебя поймёт он.  
Шепни, есть вести от Слона.  
Пускай готовит водомёты».  
(Чук убегает. Шакал вводит Слониху,  
оставляет Вики за дверями и убегает за Ежом).  
«День добрый, тетя, как спина?  
Твой Том, судачили, в отъезде?  
Где он, зачем?»».

**СЛОНИХА:**

«Не знаю я».

**КАБАН:**

«Ну, как же так? Что за семья?  
Надеюсь, прежде жили вместе?  
Как? Дома нет?! О чем он думал?  
Я не поверю, что о Вас!  
Такой ленивый и угрюмый...  
Носил он в дом помои, квас?  
Бедняжка Вики: сиротою  
Он при живом папаше рос...  
Я возмущения не скрою,  
Простите... К Вам один вопрос...  
О! Мне, поверьте, неприятно!  
И не подумайте превратно!  
Он... ммм... Вы любите его?»

**СЛОНИХА:**

«Но Вам, Кабан, какое дело?  
Кто Вы – отец? Уж больно смело...»

**КАБАН:**

«О нет, не бойтесь ничего.  
Хочу предупредить Вас сразу,  
Что болен Том: в лесу заразу,  
Коль впущен будет, занесёт,  
Мы нужные предпримем меры:  
Посадим в яму и – на цепь.  
А Вам полезней не болеть  
И с ним желательно к примеру,  
Порвать сейчас же. Навсегда.  
Ну, вот и всё. Адью, мадам.  
Шакал, найди семье пещеру,  
Ребенка в школу помести».  
(Слонику уводят в одну сторону, Вики в другую).  
«Бьюсь об заклад – она не пикнет.  
Так, Тому некуда придти!»  
(Входит Чап в сопровождении Шакала).  
«А-а-а. Чап! Всё думал я – привыкнет  
Наш Ёжик с лапкой жить одной  
К тебе я с делом: сможешь ты  
Связаться с дальнею горой,  
Там, где на отдыхе Павлин,  
И – попросит его домой?  
Он срочно нужен для советов...  
Дней пять достаточно на это?  
А знать дадим мы на работу.  
Итак, мы ждём тебя в субботу?»».

**ЧАП:**

«Дня не пройдёт, прибудет в лес  
Почтенный муж – Хамма-Бельмес».

**КАБАН:**

«О нет! Зачем так надрываться?!  
Ты слаб и наш учёный слаб.  
И знает кто, что может случиться  
В дороге дальней, в царстве жаб...  
Возьми друзей с собою верных, -  
Есть таковые у тебя?»».

**ЧАП: (про себя)**

«Самовлюблён же ты, Свинья.  
Предлог хорош – играешь скверно», -  
А вслух сказал: я не привык  
Всех утруждать, а мой язык  
Порой сильнее лап дракона.  
Нет, беспокоить нерезонно

Друзей, семью... Пойду один  
И даже не скажу Пантере –  
Пустяк не для её седин,  
Я мыслю так, по крайней мере».

**КАБАН:**

«Ты прав, ступай».  
(Чап уходит).  
«Не догадался.  
Считаю я, что план удался».

**ЧУК:**

«Учитель, выполнен приказ,  
Скажу я честно, без прикрас:  
В реке зловоние такое  
Устроили всего лишь трое!  
(Наш Крок с дочуркой и Змея)  
Не отравили бы зверья.  
Куда ни шло, а всё же жалко».

**КАБАН:**

«Хвалю. Завидная смекалка.  
Подходит время водопоя  
И через час, ну два, ну три  
Охвачен будет лес бедою,  
А там – попристальной смотри».

**ЧУК:**

«Не понимаю...»

**КАБАН:**

«И не надо.  
Шакал! Расставь свои бригады.  
Пройди по лесу, всё проверь.  
Чтоб птицы знали, каждый зверь,  
Что Чап по наущенью Тома  
Испортил воду на реке,  
Бежал, укрылся вдалеке,  
Осыпал ядами солому,  
Что он поджечь собрался лес,  
Изранен им Хамма-Бельмес.  
Пускай кукушки сеют сплетни.  
Хулят, позорят, ссорят всех.  
Седых зверей и малолетних.  
Шантаж, скандал, подлог – не грех.  
На лес обрушить тонны грязи,  
Пускай потщатся расхлебать,  
Себя сумеют понимать,  
Пусть падают и вновь вы лезят...  
Пошлите к логову Пантеры  
Двух грифов. Ссорясь, пусть они  
Упомянут о смерти в сельве

Любого из её родни.  
Заставьте зайцев вырыть яму,  
В неё Слона тотчас столкнём,  
Когда появится упрямый,  
Всем ненавистный, дядя Том.  
Пошлите быстрого Гепарда:  
Ему наказ – Хамма-Бельмес,  
Слегка побит, пощипан, завтра  
Обязан быть доставлен в лес.  
Ежа убить. Который час?  
Ну, вот и всё. Шакал карету!  
В родник забью колоду эту».   
Подъехал с визгом тарантас  
Спугнул спокойную Пьеретту.

•

Меж тем, в пещере, у обрыва,  
Собрались звери. Торопливо,  
Но очень чётко Чап сказал:

**ЧАП:**

«Друзья! Тяжёлый час настал!  
Беда столкнулась с бедою...  
Не удержать от водопоя  
Нам целый лес. За взрослых я  
Спокоен: им пришлось питья  
Ещё похлеще видеть в прошлом.  
Но у детишек животы  
Узнают много суеты:  
Нет ни лекарств, больниц хороших  
И, что главнее – нет воды...  
Враги схватить желают Тома  
За смелый нрав, визит к родным,  
За то, что Слон. Его оскома  
Терзала. Он уж стал седым.  
Предотвратить разбой не сможем –  
Готова яма, кол и цепь...».

**ПАВИАН:**

«Но если часть богатства сложим,  
Молитвы, клятвы будем петь?  
Заслужим долю снисхожденья?  
Или – устроим угощенье!»  
С надеждой робкой Павиан  
Свой изложил нехитрый план.

**НАНАМИ:**

«Кабан сожрёт и хлеб, и соль,  
А там и прочь пройти изволь»,  
Совсем без умысла Нанами  
Проговорил почти стихами –  
«Где уготована ловушка?»

Ах, у банана? На опушке?  
Так-так. Позвольте, но банан  
Опутан массою лиан.  
Два-три конца пробросим в яму,  
Подроем корни и потом,  
Когда ухватит дядя Том  
В свой хобот гибкую лиану,  
Я корни все перегрызу,  
Пусть искрошится каждый зуб.  
Банан повалится и Слон  
Из ямы будет извлечён!  
Я не хвалюсь: такие сцены,  
Известны нам от Авиценны».

**ПУ:**

В делах науки я дурёха.  
Возможно, всё это не плохо...  
Но как же Чап? Пойдет раздор,  
Чем дальше – хуже разговор,  
Когда тайком уйдёт из леса  
На поиски ль Хамма-Бельмеса,  
Иль кто там нужен Кабану?».

**ВОРОН:**

«Скажу: в соседнюю страну  
Давно к Павлину по секрету  
Послали быструю Пьеретту.  
Стрижиха обернулась в час.  
Бельмес растроган, просит нас  
Не сомневаться в дружбе верной.  
Родным молчать распорядился,  
Немедля в тайный путь пустился,  
Прибудет к вечеру, наверно.  
Где речка медленно течёт,  
На берегу доклад прочтёт,  
Как излечить дизентерию.  
Всех взрослых вместе соберём...».

**СОВА:**

«А Чапу быть секретарём!»  
Тут вход в пещеру заслонился  
И вперевалочку Павлин,  
Сияя перьями, вкатился,  
На возвышение залез,  
Клюв растворил, и – разразился  
Ученой речью.

**ВОРОН:**

«Нам латынь  
Ещё, бесспорно, будет кстати,  
Но всюду смерть, куда ни кинь...»

**ХАММА БЕЛЬМЕС:**

«А я скажу все звери – братья  
И даже верю – Крокодил,  
Кабан – все рады поддержать нас  
В беде лихой по мере сил...»

**ЧАП:**

«Да он Вам перышки почистит.  
Вернее тем, кто к вам придёт,  
От слов научных так раскинет,  
Что «а» и «б» не разберёт.  
И таковых найдётся много –  
Весьма толковых, молодых.  
От вас, их поведёт дорога  
Без всякой пользы в Лес Больных.  
Нам мысли надобны простые:  
Как излечить дизентерию?  
Короче, проще: как лечить?  
Способны мы очистить реку  
Стараньям Крока вопреки?  
Потом – хоть к саламандре в пекло...  
У нас сейчас – вопрос реки».   
От грубоватой речи Чапа  
У всех кротов заныли лапы:

**КРОТЫ:**

«Ну что же ты молчишь, Нанами?  
Ты самый старший между нами!»

**НАНАМИ:**

«Мы знаем средство: лучше нет.  
Там, где разросся бересклет,  
Цветут деревья дикой розы.  
Их корень – чудо из чудес!».  
Как бы проснувшись от наркоза.  
Подаю совет и наш Бельмес:

**ХАММА-БЕЛЬМЕС:**

«Да, корень розы – это чудо.  
С корою дуба настрогать,  
Варить в берёзовой посуде,  
По чайной ложке принимать!»

**ЧАП:**

«Ондатра! Ты пророешь выход  
Воде целебной родника,  
В пещеру нашу вместе с Выдрой  
По шуму Майского жука.  
Удав и пчёл весёлых рой.  
Другие пчёлы незаметно  
Оповестят зверей с утра.



Пусть звери силою несметной  
Сойдутся у того бугра.  
Макакам всем прийти сюда.  
Настой и чистая вода,  
Цедра лимона, сок агавы,  
Спасут детишек от отравы.  
Макакам в форме медсестёр  
Должно серьезнее держаться,  
Не околесить всякий вздор,  
Врачу без звука подчиняться:  
Вот терапевт – Мишель Тагор».

**МАКАКИ:**

«Нет-нет! Пусть кто угодно будет,  
Но только не Мишель Тагор!  
Ведь мы слабы, почти что люди!  
Уж страшен, жаден, зол хитер!».  
Макаки бурно возражали.  
Лишилась чувств малышка Чи.

**ЧАП:**

«Что за истерика?! Врачи,  
Будь даже коброй, не ужалят!  
Мишель бесхитростен, безвреден,  
Признаю – несколько угрюм.  
Как врач – бесспорно! Светлый ум,  
Хоть на банкетах не приметен».

**МИШЕЛЬ ТАГОР:**

«Спасибо, Чап! Макаки, стыдно!  
Не причинял я в жизнь обид вам!  
Дозволь мне, Чап, оговориться:  
Как врач не плох и сын мой – Дод  
А мне сподручней подключиться  
К вопросу очищенья вод».

**ЧАП:**

«Но как?»

**МИШЕЛЬ ТАГОР:**

«Дозволь держать в секрете,  
Не посрамлю седины эти!»  
На том окончен был совет.  
Луна скатилась на рассвет.  
Пантера очень постарела  
И, приходя на водопой,  
На отраженье не смотрела.  
Не любовалась собой  
Прыжок не тот, исчезла сила,  
Шерсть не лоснится. Оттого,  
Понуро, обходила  
Врагов, кому была грозой.

И в окружении её  
Толкали разное зверьё,  
И то сказать – козьявок скользких –  
Грядущих «лже» толпе и войску.  
В тот вечер в логове она  
Мрачна лежала, и черна...  
Заслушав шум, в одно мгновенье  
Сообразила, что к чему:  
Два грифа, разыграв сраженье,  
Наговорили вздора тьму  
О смерти барса – как нарочно,  
Он приходил минувшей ночью  
Поздравить с праздником зимы,  
Принёс пять-шесть индюшек сочных,  
Заботлив, нежен так, как мы.

**ПАНТЕРА:**

«Эге?! Кабан ведёт к расправе?  
Не погулять и мне на славу!?  
Чтоб долго помнил глупый лес  
Сей грозный час, как час чудес,  
Чтоб долго лес не мог забыть,  
Что значить, жизнью дорожить,  
За правду жертвовать собой,  
Чтоб лес завидовал герою!».

•

Настало утро. Помнит лес  
Как начинался день чудес...  
Дорогой дальней, весь в пыли  
Том подошёл к местам знакомым.  
Дожди уже давно не шли.  
Весь мир, как мёд, лежал пред Томом! –  
Всё желто было и светло...  
Обнял банан (как прежде) Том  
И затрубил тревожно сильно:

**ТОМ:**

«День добрый, лес! Мой Вики! Сын мой!  
(Сейчас, сейчас он подойдет,  
Толкнётся неуклюже в ногу...)  
Но почему пещерный Кот  
Свирепо пересёк дорогу,  
И гриф визгливо засмеялся!  
О, боже мой! Лечу куда?!».  
Ужасный грохот, Том сорвался,  
В ловушке тесной оказался, –  
Свершилась страшная беда!  
На фоне неба жёлто-синем  
Живой забор: собрались Свиньи

Из свиты дядя Кабана.  
Живая, грозная стена,  
Шакал, Гиены, Грифы, Рыси.  
К ловушке рвались злые Крысы,  
Чтоб Тому ноги перегрызть.

**ТОМ:**

«Сынок мой, Вики, отзовись!  
Дай на тебя, Слониха, глянуть».

(Подводят Слониху).

**СЛОНИХА:**

«Ах, поздно, Том! Нас не обманут  
Твои красивые слова!  
Любовь моя к тебе мертва, –  
Ты погубил её делами!  
Мы столько мучались с тобой,  
Но, кстати, убедились сами,  
Что ты опасен и больной!..».

**ДЯДЯ КАБАН:**

«Убрать Слониху, хватит. Хватит.  
Пусть полюбуется народ,  
К чему любого приведёт  
Зазнайство, лень...».

**ШАКАЛ:**

«Долгов не платит,  
Смущает письмами зверей...  
Покайся, Том, да поскорей,  
Вот здесь, на людях. Интересно,  
За что тебе весь лес не мил?!  
Ты столько Зайцев отравил,  
Хотел убить Хама-Бельмеса,  
К непослушанью подстрекал! –  
(Вошёл в истерику Шакал!) –  
Забыл семью, оставил сына...».

**ТОМ:**

«Я обвиняюсь беспричинно», –  
Бессильной яростью объят,  
Ответил Том и бросил взгляд,  
Исполненной тоски великой,  
На бесновавшийся Закон,  
На лес, на связанного Вики,  
И шёпот вдруг услышал он,  
Как из земли, как будто стон.

**ГЕПАРД:**

«Кабан! Кабан! Беда! Тревога! –  
Гепард не разбирал дороги, –

Там у реки – Хама-Бельмес,  
Косули, Зайцы, Птицы, – весь  
Лесной народ собрался вместе».

**КАБАН:**

«Зачем? Ты выполнил приказ?».

**ГЕПАРД:**

«Зверьё горит желаньем мести,  
Они упредили нас».

**КАБАН:**

«Где Чап?».

**ГЕПАРД:**

«Не видно и не слышно».

**КАБАН:**

«Пантера?».

**ГЕПАРД:**

«Нет её в лесу».

**КАБАН:**

«Медведи! Львы!».

**ГЕПАРД:**

«Они несут сторожевую службу»

**КАБАН:**

«Мыши?».

**ГЕПАРД:**

«Забились в норы, говорят...».

**КАБАН:**

«Да чтоб они не говорили!  
Собрать усиленный наряд!  
Чук! Позаботься, чтоб включили  
Все триста водомётных струй  
Большой эскадры осьминогов.  
Пускай наймиты дяди Крока  
Раздавят сборище бродяг.  
Поднять над лесом красный флаг!  
К пещере перекрыть дорогу!  
Передушить весь медсанбат!  
Сестёр и лекарей под стражу!  
Крыс развязать. Они докажут.  
Что дядя Том – плохой солдат!  
Что за образина?..», Нанами,  
Весь окровавленный седой  
«Вали-и!» – вскричал. И вверх корнями,

Поднявши Тома над собой,  
Банан обрушился со стоном  
И – закипел кровавый бой!  
Мертва ухватка дяди Тома –  
Он хоботом сдавил врага,  
Трещали рёбра, как солома,  
Кабан как ломоть пирога  
Расквашен мощною ступнёю!  
Разогнан взвод гигантских крыс,  
И снова хищною дугою  
В атаку крысы поднялись.  
К прыжку поджалась шайка тигров –  
Бандитов Каменных Пустынь,  
Вдруг – грозный рёв! То, спину выгнув,  
Могучий чёрный исполин.  
Пантера замедлённым шагом  
Прошла под мачтой с чёрным флагом,  
А следом, образуя клин,  
Два Барса – Светлый и Пятнистый.  
Глаза, как яркие мониста,  
Два силача отец и сын.  
Дуга отпрянула в смятенье,  
Издав тоскливый злобный писк,  
Затем схлестнула окруженье  
Вокруг ристалища. Кусты  
В мгновенье их зубами сбиты.  
Живых не будет, а убитых  
Разделят крысы меж собой,  
Упьются крови голубой.  
На косогоре митинг шёл.  
Хамма-Бельмес весьма понятно  
В раздел инфекций неприятных  
Зверей и птиц, и гадов ввёл.  
Затем коснулись сути дела:  
Кому, зачем, с которых пор  
Для подлых дел рука зудела,  
Найдя поддержку и простор.  
Все посмотреть могли и слышать,  
Что Чап из леса не исчез,  
С друзьями у руля событий,  
Послушен им Хама-Бельмес,  
Тут и началось избиенье,  
Понятный факт: смерть кабана  
Не изменила положенья  
В системе зла власть сполна –  
Приказы, звери и бумаги –  
Попали в лапы Росомахи,  
Не искушённой столь в делах  
(подлогах, подлости, интригах)  
И ставку делавший на страх.  
Но как рассказ из старой книги,  
Всё шло по планам Кабана.

Исход (а это разумел,  
Кто мыслить капельку умел)  
Решала давняя война  
Со злом в реке. Тугие струи  
Создали панику большую.  
Шёл бой и выше, у пещеры,  
Но там Удав силён без меры,  
В руках надёжный лазарет.  
Жертв среди больных, охраны – нет.  
Лекарство летом Пеликаны  
Развозят в лес, врачуют раны,  
В разгаре день, день без побед.

•

Вниз по течению у излуки  
С утра ведёт Мишель Тагор  
Дипломатичный разговор  
С самым ленивым жадным Юкки.

**МИШЕЛЬ ТАГОР:**

«Лес без речки – река без леса!  
Наука – без Хамма-Бельмеса.  
Не должен быть подводный мир  
Слепым орудием у Крока»...

**ПУ:**

«Ты растеряешь весь свой жир, –  
Болтнула глупая Сорока, –  
Погибнет вся твоя еда!».  
Но взгляд ужа в мгновенье ока  
Отнял язык ей навсегда.

**ЮКИ:**

«Эх, Вы даёте работёнку  
На смех пискливым комарам!  
Да я и сам сожрал утёнка,  
Улитку проглотил вчера!  
И с Крокодилом толстокожим  
Терять контакт никак не гоже.  
Мне мир милее, чем война,  
Хоть и Кубилла не страшна...  
Нет-нет, случаются делишки,  
Где «с богом» сильных не излишни  
Не допускающие страх  
Сомненья, совесть, так и дале...».

**МИШЕЛЬ ТАГОР:**

«Мы говорить с тобою стали,  
Припомнив опыт твой в делах,  
Замкни смекалкой довод силы:  
Река кишит чужим зверьём,

Послушным воле Крокодила,  
Не просчитайся, дядя Сом!  
И Вам страшна дизентерия,  
Коль воды на реке сырые...».

**ЮКИ:**

«Я просьбе леса уступаю,  
Послушны мне во всём Пираньи.  
Вам, – Караси, ходы такие:  
Вверх по течению Карасей  
Средь донных водорослей длинных  
Просите попастьись (невинно),  
Но прошу просить скорей».

**МИШЕЛЬ ТАГОР:**

«Что? Кошки- мышки? Время игр?».

**ЮКИ:**

«Пираньи! В воровской науке  
Важнейший принцип – не зевай!  
В зелёных водорослях – пища!  
Вкусней, беспомощней не сыщешь!».  
Как молния отряд Пираний  
Ворвался в заросли, скосил их,  
Кого там жрали – Карасей,  
Друг друга – разберёшь насилу...  
Случилось чудо поважней:  
Как невод водоросли всплыли,  
И осьминогов окрутили,  
И Крокодила и Змею.  
И воду чисто процедили –  
Не так-то глуп ленивый Юк!  
Кишащий щупальцами ком  
Вниз по течению покатился.  
Чем только он не накрутился,  
Со дна реки, каким добром!  
Поди, распутай эту кучу!  
Нескорый труд! Редчайший случай!  
К воде на Псах единым махом  
Примчалась в гневе Росомаха,  
Гиена, Лисы, Чук, Шакал –  
Ужели Крокодил предал?!  
Куда девались водомёты?!  
В смятении Крыс примчалась рота –  
Никто, никто не понимал!  
Тут показался дядя Юкки:

**ЮК:**

«Вознагражденье! Руки в руки!  
Мишель Тагор, ты обещал!».  
Плеснул хвостом и вновь пропал.  
Но окончательно зверей,

Тяжёлый шум – как гул моторов –  
Привёл в сознание. Тьма шмелей  
Атаковала злую свору.  
Как говорят – пришёл финал.  
Шакал, изжаленный, взбесился,  
На Росомаху наорал  
И в страшных муках утопился.  
Пошло побоище сплошное –  
Отец на сына, брат на брата,  
То наше взяло, то чужое,  
То правый бит, то виноватый.  
Но в целом близился конец,  
Весьма тяжёлый, но удачный.  
Война когтей, умов, сердец  
Со злом лихим, бедою мрачной.  
Чап у пещеры. Зорким глазом  
Скворец охватывает разом  
И лес, и реку. На песке  
Событий ход отображает.  
Решенье тут не принимают,  
Тех подбодряют, кто в тоске.  
Пантера чахнет с часом каждым.  
Изгрызен Том, но сотни Крыс  
И девять тигров пали тоже,  
С землёю в судороге сплелись.

•

Все, кто добро вершит для леса,  
Не только днём – и в темноте  
Открыты глазу – интересам  
Друзей и недругов. Везде  
И всем всегда известно точно:  
О чём мечтают, что хотят...  
Не так бандиты суд творят,  
А большей частью тайно, ночью.  
Узки, коварны тропы зла!  
Двуличны, мстительны злодеи!  
Напасть во сне, из-за угла,  
Оговорить, ограбить смеют.  
Когда истёкший кровью лес  
Готов был праздновать победу  
На сцену, словно град с небес,  
Ворвался Носорог Эркедус,  
Взбешён без меры! Вот он – он !  
Некоронованный «закон»!  
Властитель сильных молчаливый.  
В одном лице – Баран блудливый,  
Кабан и Крокус, и Дракон.  
Свирепость Крысы, сила Тома...  
Кто в вольнодумстве уличён, –  
Скажи «архиведерчи» дома.



Прощай, зелёная стихия,  
Любимый труд, жена, семья.  
Настанут дни совсем плохие  
И, даже, счёт прервётся дням.  
Жизнь быстротечна и бездонна:  
Бывают дни и Носорог  
Неделикатно за порог  
Подвинут, будет, а сегодня  
Он здесь без маски, а исход  
Решает бой. Иль наперёд  
Сдавайся, Эрк, без слов напрасных.  
Но безрассуден зверь ужасный:  
На чашу брошен полный куш  
Всё потерять, иль взять в реванше.  
Поставлен кон на груди туш!  
Конечно, только чувств игра,  
А не усилия рассудка,  
Инстинкт животного, желудка  
К такому шагу привела  
Эркедуса. На то он зверь.  
Будь робот – тихо б переждал,  
Войне страстей улечься б дал,  
Собрал опричнину лихую,  
В неделю счёты бы сквитал  
И лес загнал в такую сбрую,  
Какую буйвол не видал!  
Легко, по логике вещей,  
Решился запоздалый ребус.  
Собрался весь синклит зверей, –  
Сошлись Пантера и Эркедус!  
Пятнистый Барс – двухлетний Дин, –  
Сын павшего в бою героя,  
Пантеры младший, лучший сын  
И секундант готовый к бою.  
Решился бой в мгновенье ока.  
Пантеру, подцепив на рог,  
Эркедус сдвинуться не мог:  
Кровь, набежавшая потоком,  
Его слепила, в нос лилась.  
Врага Пантера оплела,  
Теряя жизнь, сдавила грозно,  
Сомкнула челюсти на горле,  
Так и застыла навсегда.  
В тисках её затих Эркедус,  
Сияет свод, чиста вода,  
Молчаньем лес встречал победу.

•

Два дня печальных похорон.  
Истошных криков, слёз тяжёлых.  
Сменил духовный адский стон

Глухих сомнений невесёлых.  
Слониха вскоре умерла,  
Не в силах пережить позора –  
В глазах любых, куда ни шла,  
Печать презренья, тень укора.  
Пустым, холодным лес предстал.  
Слонёнок – сын! И тот дичился,  
Букет весны её увял  
И к новой жизни не раскрылся.  
Всё что-то мучило зверей,  
Какой-то сдвиг, какой-то комплекс,  
Отрава – след на сотни дней  
В сознание, словно горький клей  
И столь же прочный сколь и тонкий.  
В глаза смотреть другому зверю  
Не то не мог, не то боялся,  
Через порог, нет – через дверь  
С соседом нехотя прощался  
Гроссбух нашёлся без труда,  
И долго по лесу читался,  
За хрестоматию считался  
Слепое рабского труда.  
Никто вопросов не решал,  
Прав не делил, и свадеб не делал.  
Лишь случай вновь зверей собрал:  
Сошлись нескоро и несмело.  
Там, где повергнутый банан  
Торчал корнями сиротливо,  
Мальчишек верный атаман  
Футбол затеял – то ли диво!  
Пищат Лисята; Ёж пыхтит,  
За вратаря сын Крокодила,  
Другой вратарь – точь в точь Кубилла –  
Заправский маленький бандит.  
Всех увлекла игра мальчишек;  
По паре слов из умных книжек  
Поперекинулись. Друзья  
Потом, разлѣгшись там и сям,  
Вдруг вспомнили былую дружбу.

**ЗВЕРИ:**

«Эй, Вики, может денег нужно?».

**ВИК:**

«О, нет, спасибо!».

**ЗВЕРИ:**

«Как дела?»

«Что за письмо, скажи-ка кстати?»

«Нашлось оно? С собою? Хватит»

«Для чтения света? Где была»

«Дорога странствий дяди Тома?».

**ВИК:**

«В местах далёких, незнакомых,  
В стране Слоновии легла».

**ЗВЕРИ:**

«Где государство Слоновия?  
Для нас оно, неведомо новое?  
Скажи нам, а, правда, у этой страны  
Все люди и Мыши, и Кошки – слоны?»

**ВИК:**

«Там, что ни возьми – удивленье и чудо.  
Огромные уши у техник верблюдов,  
Как бочки копыта у слобаранов,  
Ресницы девчонок – как листья бананов!  
Хвосты у стрекоз – словно страшные пушки,  
Там спят муравьи, прислонившись, друг к дружке.  
Но самое дивное, верьте, не верьте –  
Слоновые мысли о жизни и смерти.  
Подробно узнать обо всём не успелось,  
Уж больно хвороба в глаза мои въелась.  
Считают Слоны, что слоновая кость  
Не самое ценное, что родилось.  
Не главное самое, что не истлело.  
У них почитаются ясность и дело.  
Слоны добродушны, могучи, умны,  
Сочли бы позором напасть со спины,  
Усесться по-свински, на чужую землю,  
Разбой, вероломство они не приемлют.  
Считают они: Слон свободным рождён.  
В свободе – единство. Свобода – закон».

**СЕТТАР:**

«Прости меня, Вики. В воззрениях Слонов  
Изъян замечаю – я с детства таков.  
О совести мысль подозрительна мне.  
Ей в теле здоровом пристанища нет.  
Кто хилый и слабый, кто беден и стар...».

**ЧАП:**

«Конечно, конечно, силён ты, Сеттар.  
Однако подумай, зачем медсанбат  
С угрозой для жизни две ночи подряд  
Собой защищал ты?»

**СЕТТАР:**

«Ну, это для всех...» –  
Смутился Удав под сочувственный смех.

**ЗВЕРИ:**

Ну что же там дальше в письме говорится?».

**ВИК:**

«Тогда Слон конца своей жизни боится,  
Когда он с долгами не смог расплатиться,  
Не сделал добра и врага не сразил,  
Когда он слонёнка дурного взрастил.  
Слоны не боятся сурового слова:  
Правдивую мысль излагают сурово,  
В обидную форму стараясь облечь,  
Иль правду сказать, или голову с плеч».

**ПАВИАН:**

«Но как так можно?! Любого из них  
У нас умертвили б в лесу для больных!  
И каждый Шакал, всякий новый Баран  
Их вписывал бы в свой (промежуточный) план.  
А как в государстве далёком Слонов?  
Взгляд нашего Тома, на это каков?  
Ни слова в письме? Ты в неведении Вик?».

**ВИК:**

«В Слоновии нет заведений таких!».  
С усмешкой зевнул молодой Бегемот:  
«У них не ведётся тяжёлых работ?».  
«Освоена ими повсюду земля?» –  
Спросила с сомнением Худая Змея.

**ВИК:**

«Нет-нет, что за дикость! Давно у Слонов  
Достаточно развита область мозгов!  
В больных коллективах Леса для больных  
Являют решение вопросов таких!  
Слоны добровольцев любой батальон  
Найдут без задержки и в бой, и в заслон.  
Все сами пойдут и на труд и на смерть?».

**ЗВЕРИ:**

«Нормальное дело в нормальной стране!».

**ДОЧЬ ПАВЛИНА:**

«Ну, а любовь» – спросила Бельмесина, –  
«От дум про жизнь и смерть она не делима!».

**ВИК:**

«Ты глубоко, прекрасная, права!  
Любви дана отдельная глава.  
Но сдержаны, скупы отца слова!»:  
«Поэмы про любовь здесь мудрые слагают...  
Любовь не умирает, нет!  
Она совсем не осчастливит свет,  
Или её, обдумав, убивают.  
Кто любит – плох не делается вдруг

И всем светло от той любви вокруг».  
Здесь пропуск большой, машинальные точки,  
Письмо завершают печальные строчки:  
«Не всё у них правильным кажется мне, –  
Есть странные вещи и в этой стране.  
Там белые люди – Слоны всех достойней  
Из белой муки они кушают пойло.  
Простые Слоны им стоят в подчинении.  
Подобным вещам не найду объяснения.  
Премудрые мысли достойны в делах.  
Я видел сомнение во многих глазах...  
Но дума и думы, а белых Слонов  
Не баснями кормят. Вопрос сей, не нов,  
Что толку в поэтах, больных мудрецах  
По долгу – рабов, по призванию – лжецов!?  
Так мысль порицателя пусть не как ложь,  
Но как эпитафию скорбно прочтёшь!».

### **ЗВЕРИ:**

«Мы белых зверей ещё здесь не видали  
И звонких поэтов давно не слышали...  
У нас поприще, что ни говори –  
Совсем животные – как раз вот те – цари.  
Всё это отлично. И снова к воде  
Преграды встанут и сложнее что ни день».

### **ВИК:**

«Я думал об этом. Позвольте, скажу...  
На юность не сетуйте, Вас попрошу.  
Я, Слон, преклоняюсь пред храбростью тех,  
Кто бился вот здесь и мечтал про успех,  
Погибли Пантера, Отец мой и Барс,  
Косули, Медведи. Реками лилась  
Звериная кровь. Но, исчерпан успех,  
Проблем не решив, не доставив утех,  
Так я предлагаю: расширить ловушку,  
Что вырыли Тому на этой опушке,  
Пробить до излучины речки канал,  
А вход зарешетить, чтоб наша вода  
От Кроковой братии на веки веков  
Была под защитой тугих бамбуков.  
Пусть Крабы и Рыбы проходят в бассейн  
Растут и резвятся миллионы детей,  
Пусть лес позабудет безводный закон  
И берег под пляжи – для всех отведён».

•

На утро собрались толпы зверей.  
На месте опушки глубокий бассейн  
Разлёгся средь леса ветвистым пятном.  
А старый банан, в шутку названный «Том»,

Был поднят, ухожен. Широкий канал  
Пополз до излучины, быстро текла работа.  
Стремился быть лучшим, достойнейшим всяк –  
И пламенный Лев, и тщедушный Червяк.  
Канал подобрался вплотную к реке, –  
Речные бандиты сидят на песке:

**КРОКОВА БРАТИЯ:**

«Ну, сунься, кто смелый! Канал – завалить!  
И всем по домам! Ишь, каналы водить!».

**ЮКИ:**

«Спокойней! Не надо здесь сложных наук!  
Несите кувалды! Несите бамбук!  
Устройте запруду в четыре ряда –  
Сама перемычку размочит вода».  
Как вихрь огневой обезьяны неслись –  
Бамбук к бамбуку, к камышам – тамариск,  
Медведи катили к реке валуны –  
Готов материал для решётки стены!  
Взбесились бандиты: «Пеняйте себя!».  
И бросились с воем на смелых ребят,  
Но Вик наготове: булыжник берёт –  
Несётся снаряд на бандитов вперёд!  
Мартышкам лишь раз нужно видеть пример –  
Обрушился вихрь бамбуковых стрел.  
Пудовый «голыш» «храбрецов» отрезвил:  
Почтенной Крокине в живот угодил!  
Бревно подхватив, что тащили с трудом  
Десяток медведей (не смел так и Том!)  
Прогнал перетрусивших недругов Вик.  
Затем вколотили бревном бамбуки.  
Связали лианами. Врыли столбы  
Для вышки дозорной у входа воды.  
На вышке сложили полсотни камней  
Огромных и гладких. Кондора на ней  
Дозорным поставили – враг не пройдёт!  
Любая тревога – он в когти берёт  
Убойный снаряд и прицельным огнём  
Сразит диверсанта и ночью и днём.  
Теперь не покажешь толпе «петушка» –  
Прицельный бросок – отвалилась башка!  
А позже лесочком разросся бамбук –  
Какой Крокодил? Не пролезет паук!  
Простите кто там Крокодил иль коза  
Побеги грызёт, опустивши глаза?  
(Среди всеобщего почина  
Мелькала там, а то и сям  
Весьма престранная личина:  
Смеётся морды половина,  
Другая зубы скалит Вам.  
Никто допреж её не видел,

Ни дел, ни ссоры не имел  
И разглядеть её поближе  
Никто не смог и не успел).  
Два дня продолжалось строительство там,  
Ответственный шаг поручили бобрам.

### **ВОРОН:**

«Пусть дамба походит на сыр ноздреватый:  
Насквозь прорубите в ней норы ребята!».  
По тонким каналам вода устремилась,  
И как Крокодилы в реке не бесились,  
И как ни ругались, плевались в зверей!  
Растаяла дамба как масло в котле.  
Прошёл сквозь бамбук плодороднейший ил,  
Шмыгнули в бассейн молодые мальки,  
Решением леса Директором вод  
Назначили Юка, сначала на год.  
Сам Вик через дамбу его перенёс  
В большущей корзине из веток берёз.  
В лесу у бассейна поднялся шалаш,  
В нём Вик поселился и Ёж Аркадаш,  
Воспитанник Чапа. В то лето едва  
Бассейн напитала до верха вода.  
Заветные тропы, потайные норы  
К реке выводили. С достоинством Торо  
Следил, когда Зубры купались в реке  
И в прерии жаркие шли налегке.  
Так лес забыв «сухой закон»,  
Был к новой жизни возрождён.  
Насчёт гиены Аркадаш  
И Вики мыслят на досуге...  
Она ещё войдёт в шалаш  
И, предложив свои услуги,  
Коварных, грязных авантюр  
Цинично будет помогать,  
На неизбежность в мире зла,  
Какое, впрочем, высшим благом  
Без фальши в голосе б, сочла...  
Но, несмотря на стадный страх,  
Любовь к своей овечьей шкуре, –  
Зря не прошла для леса буря,  
Да и канал живёт в веках.  
Жива легенда о Пантере  
И клич отрядов боевых  
В ушах живущих не утих.  
Всё в кровь вошло в известной мере –  
Как в воду соль, как ересь в вере,  
И в недокованных доспехах  
Отголосится грозным эхом.

## Часть II Мужество.

### Новые действующие и присутствующие персоны:

**СКЛАБ** – царь смердов (Лес Людей)

**ЧЕЛОВЕКОВ** – сатрап

**ВУРДЕМЕКИ** – холоуи сатрапа

**ЧЕЛОВЕК** – гражданин Леса Людей

**МОСЬКА** – его жена

**ЧИН I** –

**ЧИН II** – тюремщики в Лесу Людей

### ПОЭТЫ, ФИЛОСОФЫ, ДЕЯТЕЛИ, НАРОД ЛЕСА ЛЮДЕЙ

•

### КРАТКИЙ ЗВЕРИНЫЙ СЛОВАРЬ

Не полагай, что суть до дна познал!  
В знакомом слове смысл иной таится  
Язык – не код, не мёртвая таблица  
Нет, судьбы слова – вечная весна...  
Словарь лукавый сказкою рождён,  
В ней – волшебство и сердца кровь, и шутка.  
В ней – феерия сказочных имён  
(От будничных, порой, бывает жутко).  
Смешались мысли, словно пыль в буран.  
Найдёт ли путь ваш бедный караван,  
В края друзей, отправившись отважно?  
Надменно суд над словом не твори –  
В краях иных – иные словари,  
И титул твой для них не больно важный!

.....

**ЛЕС** – то край святой, любовь святая.

**ВЕДЫ** – наследие всей жизни, нашедшее отражение  
(как полагают учёные) и в генетическом коде.

**ЗВЕРОЕД** – носитель смерти

**КОМПЛЕКС** – суеверное искажение лесных процессов  
в раскисших мозгах лесной интеллигенции

**ШАХСЕЙ-ВАХСЕЙ** – (светское) – холуйский экстаз  
перед ничтожным монархом

«**ЛЖЕ**» – (лжемудрец, лжепантеры) морда или безликая  
личность, тужащаяся быть похожей на великих мертвецов.

Обычно её в этом активно, но незаметно помогают.

**ВОЛЬТЕРЬЯНЕЦ** – звероед с хорошими манерами.

Желает, чтобы пища считала себя священной.

Создаёт для неё богов, обряды и пр.

**ЭКСЛИБРИС** – стилизованное изображение объекта  
художественными средствами.



**«ТЮРЬМА»** – роман современного французского писателя  
**ФЛИБУСТЬЕР** – (филиппино-испанск.) – повстанец, революционер.  
**ЭЛИТА** – стая высокообразованных животных, мыслящих, как технократы и потому действующих, как шуты.  
**ТЕХНОКРАТ** – персона, считающая (как правило, за приличный оклад или иное вознаграждение), что лесом правят не деньги, а чертежи компьютеров и роботов. Цари и сатрапы ими очень довольны.  
**ШУТ** – (в простонародье – **Искарриот**) персона, помогающая дурачить чернь. Выполняет и более прозаические поручения.  
**ПЕТУХ** – персона, довольно известная, один из ведущих шутов своих дней.  
**ПОСЕТИТЕЛЬ** – посещает своих бывших друзей с прозаическими целями соглядатая.  
**«УРА!»** – первоначально – «БЕЙ!» – ныне – заздравный клич.  
**УРАЗА** (светск.) – ночное пиршество звероедов.  
**ЭДЕМ** – загробное счастье.  
**СОХТА** – поп в академическом халате.  
**КАПИЩЕ** – место умерщвления плоти.  
**ФУДЗИ** – вулкан в Японии «Фудзи обрамлён цунами» – мотив картины японского живописца.  
**САЛЮТО, ФРАТО!** – (эсперанто) – «Здравствуй брат!».  
**ДЕ ЛЯ РОССА** – план молниеносного захвата.

\* \* \*

Хорошая сказка не знает конца,  
В ней автора нет, нет лица-мудреца,  
И страшные морды (подчас) симпатичны.  
Скверны назиданья, пороки приличны,  
В ней фабула рвёт с устаревшим законом,  
Тревожна как жизнь, как рождение – резонна,  
Хрупка как мираж, бесконечная в целом  
И так же проходит меж смехом и делом.  
Мой друг! Мой товарищ! Героев плеяда!  
Знакома Вам джунглей родных колоннада,  
Несущая плеть проржавевших лиан.  
Несчастью приходит туда караван.  
Не шёлком и золотом полны караваны,  
Змеятся и жалят, цепляют лианы...  
Несущая свет, полноту бытия,  
Друзья мои! Боль моя! Совесть моя!

•

Прошло семь лет. В зверином мире – вечность.  
В тот же лес, шалаш. За следом след, –  
И на песке нам Путь знакомый Млечный,  
Письмо на языке давно минувших лет!

Сом постарел, обрюзг, остепенился,  
Свои законы в водах понавёл,  
С Крокиней в прежней дружбе укрепился –  
При том служил посредником Осёл.

Гостинчик в реку – пуда два стерлядки,  
Назад – утята битые, рачки.  
Кто слово чуть – «Крамола!», «беспорядки!»,  
А для зверей – капкан да кабачки.  
Но, гладь воды порою закипала,  
Гулял по лесу смутный разговор,  
То щука ночью – шась! – да запропала,  
То в омут Юку кинули топор.  
И в общем мнении сошлась уже молва:  
Близка уха, как к жабрам голова.  
Да, стало озеро истоком бед больших,  
Несправедливостей, так, словно в сердце Леса  
Писался гневный полнозвучный стих  
И на зверей судьба вела Дантеса!

•

Вик взрослым стал и потому спокойно  
Не званной гостье тумбу предложил,  
Душистой амбры трубку раскурил, –

**ВИК:**

Я слушаю.

**ГИЕНА:**

Меня зовут мсье Войно. Гиена я.

**ВИК:**

Заметно.

**ГИЕНА:**

Лес мой рядом.

**ВИК:**

И много вас?

**ГИЕНА:**

Ужасно. Сотен пять.

**ВИК:**

А равных Вам?

**ГИЕНА:**

По пальцам сосчитать, достойные,  
Приличные ребята.  
А за меня Вам поручиться могут  
Гепард и Юк...

**ВИК:**

Вы симпатичны мне.

**ГИЕНА:**

Вы как считаете, – есть звери на Луне?

**ВИК:**

Возможно есть, мне дел до них немного,

**ГИЕНА:**

Мещанский взгляд! Поэзия, стремленье  
Тебе неведомы? А солидарность, Вик?

**ВИК:**

Я о земном заботиться привык.

**ГИЕНА:**

Да, я шучу... Так, мысли, размышленья...  
(Входит Аркадаш, садится к сапожному станку).

**ГИЕНА:**

Ваш друг? Герой!

**ВИК:**

Естественно из смелых.

**АРКАДАШ:**

Мне лесть смешна и не тревожит ум.

**ГИЕНА:**

Есть мнение Вик, (так мыслит наш форум),  
Что распустился лес без края и предела.  
Не чтит святынь, не уважает власть.  
Любая, э-э-э, коза – осатанела  
К наукам, видишь ли, коза питает страсть!  
Все лезут в главные, к решению вопросов...

**ВИК:**

И Ваш форум созрел к свершенью дел?

**ГИЕНА:**

Да... То есть нет: нам в этом нет предела,  
Вопрос лишь в сроках плана де ля РОССЫ.

**ВИК:**

И это всё?

**ГИЕНА:**

Простите?

**ВИК:**

Дальше как?

**ГИЕНА:**

Пока эмоции, несвязные проклятья...  
Сказав, что зверю – зверь, не попаду впросак...

**ВИК:**

Совсем по Библии – все люди – мир да братья!

**Гиена:**

Ещё скажу: век сильных настаёт.

**ВИК:**

Весь мир на том: кто мирный – тот в навозе.

**ГИЕНА:**

Скажу ясней, ещё похлеще ждёт,  
Чистилище. Пока не поздно – просим.  
(Мсье Войне откланивается и уходит).  
Щипали козочки траву  
И в добрых мыслях не имели,  
Что рядом длилось рандеву,  
Что мех и шкуры оптом делят  
Всех возрастов до колыбели...  
Замышлен смертоносный план,  
Вострится нож, готовятся предлоги,  
Под гору мчит израненный кулан,  
Бесстрастные, взирают наземь боги.

**ВИК:**

Что это? – Бред?

**АРКАДАШ:**

Частично.

**ВИК:**

Ультиматум?  
Откуда нить? Над кем навис топор?  
Идея чья – вербовка ренегатов –  
Гнилых болот? Степей? Ледовых гор?  
В глубоком гангстеры орудуют секрете...  
Тщась в размышлениях, друзья проводят спор, –  
Подобно тыквенной неведение диете!  
А тут, как черви, слухи поползли  
Один нелепее другого и страшнее  
Что «грядет мор, Иуда – альгвазил,  
В образе чумы иль страшного Кощея!».

•

Ночь того же дня

**ВИК:**

Как дальше жить, что делать, Аркадаш?  
Среди бананов нет нам озаренья!  
А так пошло, что Меккою шалаш

Стал для зверей, предметом преклонения.  
Но Мекка без Каабы – ералаш!  
Мы – боги здесь. Но льстить нельзя друг другу:  
Открыт вопрос – куда идёт ладья,  
Кому поставить Правила в заслугу  
И где их место в Книге бытия?!

### **АРКАДАШ:**

Проходит час – соцветья созревают,  
Плоды срываются на властный зов земли,  
Листва по осени желтеет, усыхает,  
В последний док уходят корабли!  
Презрев уют, отец твой путь крамольный  
(по мере тех, кто бог нам и судья),  
Отважно проложил до самых дальних стран.  
Иди и ты! Этап окончен школьный!

•

Взошла луна, глубокой ночи страж,  
Сошлись друзья напутствовать, прощаться,  
Пока фрегат готовил Аркадаш,  
Причудам моря, поучая вкратце,  
Чтоб смело шёл новейший Магеллан  
Под парусами мира и исканья  
По гребням волн, сквозь бури и туман,  
От гавани родной считая расстоянья!  
Уходит берег, ноет боль в груди  
И океан вздыхает впереди...  
Огромен мир! Несчастлива школа жизни!  
От высших взлётов до гнилых трясин,  
От пандусов веков, до тьмы глухих глубин...  
Всё исходил, всё перевидал Вик,  
Но насыщенья нет, нет жажде уголенья,  
Ни радости предел, ни самый страшный крик  
Не мог познать, испить до отрешенья!  
Как метеор, пронзая шлейф планет,  
Осыплет искрами полуночное небо...  
Где станут изучать недолговечный след  
И атлас заполнять, как мы амбары хлебом.  
Где суеверных взбеленят калек,  
Раздуют бум, елей мешая с грязью.  
Лицо открыть страшись. О! Бойся, человек!  
Страшись несхожести с насилием и мразью!  
Так Вика след, как карта судеб мирских –  
Одним он мил. Другим – как копоть чёрен,  
Где в радость и почёт, где в ненависть и псих...  
Так иль не так, в стране какой-то горной  
Оповестил: от нас уходит Консул!  
В печали милый уголок земли –  
Не то феодал, не то община Солнца,  
Туда, на счастье, редки корабли –

Свирепый норд не тискает гасконца!  
Патриархальный быт. Наука – служит жизни.  
Познаний жажда не ведёт в тюрьму.  
Мужи принадлежат сперва Отчизне.  
Права на ближних – никому,  
На берегу естественный эскорт –  
Мужи труда, улемы, беглер-бек  
Без признаков игры (что нынче – низший сорт),  
«Куда, наш друг!?»»,

**ВИК:**

Домой, домой теперь я!

•

Но небом было суждено не так:  
Два дня пути, а всё не путный ветер,  
Прошедший в шторм, затем в тайфун. И крах  
Постиг корабль не первый на планете.  
И снова грань. Не смерть, но бред тифозный.  
Тонул, кричал, хулил всевышних Вик,  
Пока волна в прекрасной мощи грозной  
Не бросила его, ярясь, о материк!  
Очнулся – день! Ба, джунгли! Всё, как дома...  
Чьё царство здесь? Каков закон? Мораль?  
Мелькнула мысль и, – разразилась громом,  
Повергла в тьму предательская сталь!  
...В лесу чужом, как будто маскарад?  
Конец чумы? Иль ведьм поимка новых?  
Без маски кто – типичнейший пират,  
Под маской вор, а в маске мастер слова.  
Закован, оскорблён, пленён,  
Доставлен Вик в высокие палаты,  
Сквозь длинный строй придворных проведён,  
Глазеют рыцари, морщият нос прелаты...  
О чудесах наслышан, видит он:  
Здесь – Лес Людей. У них жесток закон!  
На троне в золоте, порфире алой тонет  
Царь смердов – Склаб при скипетре, в короне.  
Взгляд – в пустоте (в ней ищет он себя).  
Но вот очнулся. Челядь в умилении!  
Шахсей-вахсей, плебейское раденье...  
Тут ляпнул Склаб, елею пригубя:

**СКЛАБ:**

Что! Робинзон?! Ха-ха! Обычный слон!  
Да, допускаю, пусть умён, учён, –  
Вреда в нём нет... Но, – проку тоже мало,  
В стране своей будь Маркс, будь Цицерон.  
Слонобоязнь? Нам это не пристало.

**ЧЕЛОВЕКОВ:**

Вы – наш Софокл! Но, Ваше Совершенство,  
Момент не тот, – нет данных для блаженства!  
А дервиш сей изрядный марафон,  
Проделав, к нам непрошенный явился.  
И пусть не Маркс, и пусть не Цицерон,  
Играть с огнём? Я б лучше удавился.

**СКЛАБ:**

Наш друг любезный, милый Человеков!  
Твой творческий порыв и рвенье вурдемеков  
Стеснить не должен мой полуприказ.  
И даже то, что сохранит бумага!  
Убрать животное скорей из наших глаз  
И провести на смех и на показ.  
По улицам столицы – Людолага!  
Узнают все: Слон – вор и демагог  
(В своём Отечестве – на том и не ужился). –  
А наш простолюдин по глотку нашколился!  
По нём скорей чума, чем гость через порог –  
(Когда за ним случается опрична)...  
Мне чернь мила в таком осатаненье –  
(Превыше всех доволен я столичной).  
Ну, а чины? – Превыше восхищенья!

•

И было так. И было всё не так!  
К столбу позорному народ и сброд теснился.  
Лжекарнавал, весь этот кавардак  
Незримой нитью в пляску приводился:  
Что смех – то ложь, что слово – то впросак!

Вик виды видывал за свой слоновий век:  
И зверя пасть, измены, войны, мир...  
Ушло светило. Цирк – замедлил бег  
И каждый дверь поставил на запор.  
Фекалий разума поистощилась сила,  
Угомонилась нечисть, вновь легла в могилу.  
Куда брелось, куда глаза глядели,  
Доплёлся Вик до не закрытой двери,  
А там решил: была, иль не была –  
Без стука вошёл и рухнул у стола!  
Свечи огрызок освещал приют  
Безо всего, что мы зовём «уют»,

(Дом человека).

**ЧЕЛОВЕК:**

«Зверь на ловца, а гость наш – прямо в петлю!  
Эй, Моська! Помоги ему...

Да сделай кофе, милая, немедля,  
Да подготовь на долгий путь суму!  
В наш век спешить – равно безделью впрочем.  
Как день для сов. Наш день – чернее ночи».

(Те же и посетитель).  
Раздался стук, филёнка приоткрылась:

**ПОСЕТИТЕЛЬ:**

«Сосед, позволишь?».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Ты вошёл! – седи...»

**ПОСЕТИТЕЛЬ:**

«Всё гневисься? А у меня в груди  
Нет тёмного... Что, со Слоном случилось?».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Ты не юли, игру видали чище...  
Сам Человеков, он тебя послал?».

**ПОСЕТИТЕЛЬ:**

«Да что... да я... Да как ты мог, дружище?!».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Помыслил правду – не друзей предал».

**ПОСЕТИТЕЛЬ:**

«Ха! Ортодокс в отставке! Дурень Красный!  
Ты недоволен? Спесь твоя скучна,  
Я отомщу! Да, ты язвил напрасно...»

**ЧЕЛОВЕК:**

«Мсть слизняка ужели так страшна?».

(Посетитель скрывается за дверьми.  
Вик вопросительно смотрит на Человека).

**ЧЕЛОВЕК:**

«Как низко пал! Тяжёлая потеря,  
Был человеком, превратился – в зверя...  
Мне видеть тяжело – теперь **и** на детей  
Раскроют пасти капища для взрослых,  
Мужчины тоже выйдут на Бродвей,  
Шелом покроет девические косы!  
Сарказмы равенства играют шутки с нами –  
Врата открыты мужеству детей,  
Великий Фудзи обрамлён цунами,  
Голова покрыта лохмами сетей!  
Пустой софизм! Игра на ракурс грубый!»



Мир перевёрнут, вздёрнут на крюке,  
Богине правды высадили зубы  
И сам Олимп – в шутовском колпаке!  
Пустила корни на меже соха,  
В сохе дупло, в дупле гниёт труха!».

(Посетитель выскакивает из-за дверей).

**ПОСЕТИТЕЛЬ:**

«В тебе лишь желчь! Остались лишь желчь и яд!  
Сам в тупике и что ж? – над всем глумишься?!  
При скепсисе таком, куда и с кем стремишься?!  
Вся жизнь твоя не впрок и невпопад!».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Та, петуха сравнивший с Прометеем!  
Мог что сказать, придя на эшафот?!  
В миг, для которого мы годы бедствий зреем,  
Что лепетал?! Чем удивлял народ!?  
Ты о борьбе пел громко и красиво,  
Как евнух о любви, как об учёном плеть.  
Теперь удел как нищий, сиротливо,  
Как гвоздь под молотом предательство воспеть.  
«Твори!», плети, ничтожество в плоти!  
«Держай!» «Борись!» и прославляй святых,  
Живи, как червь на грязном эшафоте,  
Карать тебя, мой призван гневный стих!  
Мой скепсис выльется в домбровские бригады,  
Мои метанья – поиски путей.  
О, ты, из тех, что составляют стадо,  
Презренный шут в кровавом варьете!».

**ВИК:**

«Где я, скажите! Что за лес ужасный!  
Нас это ждёт? Тогда застой прекрасен!».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Ты ж видел сам, чего жевать впустую...  
Твой опыт краткий – наш удел земной.  
На нём ты видел золотую сбрую,  
К ней груз, со временем, приделают стальной!».

**ВИК:**

«Так кто же он?».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Поэт и провокатор, –  
Пел о борьбе в младенческом пыли.  
Шута возвёл в герои, Шут-куратор!  
Один щелчок – он ползал на полу.  
Теперь иных усердней вурдемеков,  
Ему пастух и пастырь – Человеков».

**ВИК:**

«Шут – кто?».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Так, технократик, Добчинской элиты.  
Шут – должность важная в реестре штатных лиц.  
Акт посвящения в шутовство архискрытый  
И подчинён потенции столиц.  
Всё это, впрочем, целая наука,  
Преподавая, обсосанная штука».

**ВИК:**

«Вы мне поведали о временах текущих,  
Печален сказ, но дайте лейтмотив:  
В чём леса суть и в нём людей живущих,  
Где замыкаются кривые перспектив?».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Для дикаря мерилom всех начал  
Меха зверей, убитых им, служили...  
Затем на сцену выступил металл,  
И, наконец, земля, которую кроили,  
Залив приправами сжираемый кусок,  
Горячей кровью напитав досыта...  
И всё ж, Мерило жизни не добыто,  
Земля как раб не улеглась у ног,  
И мерой мер не признано корыто.  
Когда отвлечься от структур ремёсел,  
Нет общей истины, гипотетичны оси  
Планет, друзей-столиц, двусмысленно «Ура!»,  
Жизнь-парадокс. Все истины не строги –  
Одною глоткой не споёшь хорал...  
И всё же... ключ в познании дороги.  
Рим гладиатору каноны предписал!  
Мы, – я, вот он, и Склаб и Человеков –  
Живём в Лесу. В нас кроется мораль.  
В нас жизни суть, исход её успехов.  
Да, в кровь людскую закаляют сталь!  
Не замыкаются кривые перспектив.  
Когда бы так стоять на жизни точке  
Во времени, движении, пути...  
На нашем шаре Мир поставит прочерк!».

**ПОСЕТИТЕЛЬ:**

«Пойду, повешусь – он убил меня!».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Ты мёртв давно, попробуй воскрешенья  
Без планов тех, что подведут коня  
И выдадут ярлык почтенного кормленья».

**ВИК:**

«Назойливость, наивность мне простите,  
Но... Лес Людей родился не вчера.  
Так Ваша «чернь» Магистры, Мастера  
Урок восприняли? Вошёл он в ранг традиций?  
Среди зверей – и то царит Закон,  
Как ни зови, а всё – закон природы:  
Бесчинству есть предел – довольно тесен он,  
Всё остальное – вотчина свободы,  
У Вас, Людей, такое место есть  
Есть сфера та, где лишь Закон всемогущ?  
Бесстрастен, слеп, на ком какая шерсть...  
Чтоб к сфере той скотов не допустили?».

**ЧЕЛОВЕК:**

«И всё ж ты жаждешь слышать о добре!  
Мой милый Вик, мы все немного дети!  
О самобранном грезится ковре,  
О всём диковинном и сказочном на свете!  
В Лесу Людей бесчинству нет границ!  
На то науки, войны, актёры.  
Традиции и новшества столиц.  
Куда границы нынче перейдут,  
Где тьма настанет, где взойдёт светило, –  
Всё, в чём бессилен ваш звериный люд,  
Подвластно нам!».

**ВИК:**

«Тупая, злая сила!».

**ЧЕЛОВЕК:**

«Тебе иного не ответит Царь.  
Ни те, кто немочей возводят на престолы...  
Но листья старые теряет календарь,  
Вдруг откровение раскроется на новых?».

(У Склаба. Склаб наедине с Человековым.  
По крайней мере, им так кажется).

**СКЛАБ:**

«Ну, что наш Робинзон?».

**ЧЕЛОВЕКОВ:**

«Звериная живучесть!  
И чернь заметила, что дервиш – не монах.  
Теперь толпе не безразлична участь  
Гостя издалика в отеческих стенах.  
И то, что он сошёлся с Человеком,  
Для черни значило как Цареград для грека.  
А нам придётся сделать ход конём:  
Что «гость раскаялся» – газеты обобщили, –

«Всё рассказал. Отеческий приём ему... ».

**СКЛАБ:**

«Я!? – Шиш!... ».

**ЧЕЛОВЕКОВ:**

«Да, Вы: обворожили  
Заблудшего»... А чертыхаться грех,  
Уж раз вы Царь – грызите свой орех».

(Там же, те же. Вводят Вика).

**СКЛАБ:**

«Сюда, сюда, сюда, мой меньший брат!  
Мы, люди, помним: наша мать-природа.  
Прости, – мы думали ты жулик и пират,  
Карать которых – в правилах народа».

**ВИК:**

«И Вы караете, затем вершите суд?  
На крышке гроба ставите печати?».

**ЧЕЛОВЕКОВ:**

«Ты, Вик, остроты положи под спуд,  
А то, как на ночь сбудутся нехстати!».

**ВИК:**

«Царь, в прочих странах издавна слывет:  
Гробовщики все с юмором народ.  
Но там, где мысль держащих власть черства –  
Есть признак недостатка мастерства.  
Всего два дня – я ранен, бит, «прощён»,  
Прошёл позор... О, царь, что есть Закон?».

**СКЛАБ:**

«Эй, Человеков, дай ему Талмуд.

**(ВИКУ):**

– Что ни статья – мой труд иль правка тут».

**ВИК:**

«И я бы мог вписать сюда закон?».

**СКЛАБ:**

«Конечно, Вик! Кто сел на трон – Слон!».

**ВИК:**

«Убийственно! От имени зверей  
Я протестую всякому «закону».  
Что не от солнца, леса и морей!  
Протест науке в лапах дикарей  
И обществу в петле наполеонов!».

(Человеков кидается на Вика,

Склаб простирает меж ними руки):

**СКЛАБ:**

«Ну, Вик, уймись! Изыди, Человеков!

**(ВИКУ):**

– Прискорбно – что? Ты не впитал со млеком:

В беззубости – есть мудрость наших дней...

Что зубы мудрости? – одни страдания, боли...

В наш век наук, технических идей

Один укол заменит пуд калорий!

Суди-ка сам: хотя бы взять тюрьму –

В ней всё механизировано смело.

Так зиждем свет и подавляем тьму,

О! Не кривись! Я изрекаю дело!

Мы электричеству воздвигнем монумент!

Включил машину – суд содеет правый...

А Человек? – досадный рудимент,

Клубок белка и желчи без оправы».

**ВИК:**

«Оправа разума Вам не угодна, Царь?».

**СКЛАБ:**

«Милашка, Вик! Ты старомоден, право!

Так будет впредь, как вечно было встарь:

За высшим Разумом мы закрепляем Право.

В его руках – пылинки судеб мирских,

Вся эта грязь, двуногие верблюды...».

**ВИК:**

«Бог – Царь – Палач, – затасканный триптих.

Секрет «религии» – Вам ненавистны люди».

**СКЛАБ:**

«Окстись! Да я с пелёнок атеист!

Верховный разум – сущность корпораций, –

Не дух без тела (будь он трижды чист!),

А мы – цари, мы, знаешь – вольтерьянцы!

Вглядись в черты братолюбивых царств:

В структурах общества, семьи и государства

Бог-поослушание, Бог-власть, Бого-боязнь –

Столпы гуманности энд джагис максиморум ...

Творим Богов, изобретаем казнь,

Вершим Закон, не собирая кворум!

На сём покончим это рандеву.

Езжай домой, да пребывай там с богом.

Тебе фрегат, твоим друзьям – халву

И, скрасит путь – бочонок с добрым грогом.

Но я тебя, любезный, не гоню.

Сходи в тюрьму. В Олимп – ко львам искусства.

Толпу не пустят этим авеню ...».

**ВИК:**

«Тесны задворки оскопления чувства!».

●

**ТЮРЬМА** (экскурсия).

Тюрьма. Под вывеской «Ударная Отрада»  
Глухой забор, слепые корпуса,  
Комплект чинов полнейшего расклада,  
Круг Отчуждения, – пахоты полоса ...

**I ЧИН:**

«В гостеприимен дом – не счесть кандидатур...»

**ВИК:**

«В чём суть тюрьмы и соль её структур?».

**I ЧИН:**

«Раздута версия о двух структурах тюрем –  
Смутьян, злодей – для нас лишь киловатты».

**II ЧИН:**

«Наш институт – не клуб миниатюр, –  
Петля, мой друг! В ней брат арканит брата.  
Он устрашает, ослепляет чернь,  
Он развращает страхом и обманом...».

**ВИК:**

«Вы откровенны очень. Но зачем?».

**I ЧИН:**

«Приказ. И так, здесь всё на праве равном,  
Но разница есть – из смутьянов поболее  
Выходит безумных поборников воли,  
Но, также, шутов, проявляющих рвенье ...  
Невольников путь (в основном, без сомненья),  
Во-первых, тюрьма, и в шестых – преступленье.  
Короче, пойми: нам известен заранее  
Примерный лимит хулиганов и пьяниц,  
Мы делим на них людодни ради званья,  
Количества мест, долготы воспитанья».

**II ЧИН:**

«В Лесу создали мы особый тайный мир, –  
Как в человеке скрыты сердце, кишки ...  
Вот вывески: «Больница», «Школа», «Цирк»,  
«Друзья слонов», «Зверинец», «Кошки-мышки» ...  
Вот здесь, гляди – Верблюд, а может – Вол  
Впряжён в станок руками и ногами.  
Вот ток по проводам в наш Людолаг пошёл  
С его театрами, заводами, церквами ...»  
Верблюд иль Вол – опутан был до пят:  
Все тонкие приборы, ухищренья!  
То жилы тянут, то мозги сверлят

И выжимают кровь до иссушения.  
Он ничего уже не понимал!  
За что? Очнись, ты возопил бы – КАЮСЬ!!!  
Но на себе случайно ль написал:  
«Рожден для мук и в счастье не нуждаюсь!».  
Ты будешь гением, рождайся. Человек!  
Что тюрьмы доверху наполнит аммоналом,  
На все леса устроит фейерверк  
И клятву гения мир занесёт в анналы:  
«Сей Институт, не длился изначально ...  
Недуги общества не так должны лечиться.  
Безумный Марс детей своих сжирал.  
Сразив коней, мчит в пропасть колесница ...  
Нет, не тюрьма построит светлый мир!  
Она лишь травит светлый ум народа.  
Высасывает кровь безжалостный вампир ...  
О, это бедствие для всех детей природы».

**ТЕАТР** в Людолаге.

В години зла божественна игра  
Больших актёров в драмах из бывшего,  
Но ... – в пустоте играют мастера –  
Не держит память пламенного слова!  
Всё извелось! Любовь – к союзу масок,  
Союз к игре, игра – к барышу.

**ВИК** (размышляет):

«Каких они не замечают красок!  
Зачем живут? Дивлюсь – как здесь дышу?  
Какой огромной жаждется любви!  
Но, эх! К мятежнику не склонно провиденье!  
Вот парадокс – нет жажде утоленья  
В великом Море! А огонь – в груди!  
В театре – Слоны! Опасный флибустьер!  
Никто в антракт не ломится в буфеты!  
Забит актёр – живой убийца Тьер –  
Вкруг Вики зрители, философы, поэты ...  
Отдельно – ложи. Жмётся к ним партнёр ...  
И Человеков тут переодетый.

**ГОЛОСА:**

«Мы рады Вам!».  
«Скажите что-нибудь!».  
«Чем мир живёт, какие любит краски?»...  
(Не ночью вор прокладывает путь,  
А Посетитель крадётся с опаской!  
Под шкуру вьелся почерк стукача –  
Незримый шаг, неслышимое слово ...).

**ПОСЕТИТЕЛЬ:**

«Мужайся, Вик! В твоей земле – печаль, –  
План де ля Россы прямо из бывшего!».

**ВИК:** (про себя)

«А! Кто ты! Лжёшь! Да где чревовещатель?!

Зловещий шёпот! Верить или нет!?

Спешить домой! А Вам, родные братья ...

(толпе)

Я фантастический поведаю сюжет

Столь Африкой любимый чернокожей,

Как хруст банкнот высокочтимой ложей!

(декламирует)

Зелёное поле стемнело.

Светило скатилось в расплавленный яхонт.

Луна взошла над землёю и молча будила,

И люди покорно вставали от сна,

Послушно бродили по тёмному саду,

По узким тропинкам, по шатким мосткам ...

Молчали, теснились, давили громады

Домов. Проплывали по небу армады

И молча схватясь, устремлялись прочь ...

Ползла по земле африканская ночь.

Луна проводила свой ясырь безгласный

До ветхих калиток, до жарких матрацев

И тучей накрылась, как мститель плащом.

И люди покорно ложились в постели,

Скрипели зубами, стонали, хрипели.

Тщедушные души в беспомощном теле,

Метались как в клетке, как раб под бичом!».

**ГАЛЁРКА:**

«Виват! Великие, пророческие глоссы!».

**ПАРТЕР:**

«Что это? Боже!?!».

**ЛОЖИ:**

«Творчество зверей!»

«Творчество зверей!

Кумир плебеев! Хамские запросы!».

**ГАЛЁРКА:**

«Нет. Пробный залп тяжёлых батарей!».

**ВИК:** (продолжает, поклонившись ложам):

«Ведомые жаждой чинов и наживы

Душителю света, насилья рабы,

Творящие горе под сенью оливы,

Чьи души, как грязь, а сердца – как гробы –

Вас ждёт этот сон по заходу луны!

В мертвящем кошмаре зачатые дети,

Оплатят сполна преступленья отцов!

Есть вещи страшней крокодиловой плети,

Но нет беспощадней, бесстрашной бойцов,



Чем дети прозревших восставших рабов!».   
 Несчастный день! Несчастный Человеков!   
 Тебе подписан роком приговор!   
 Такой пассаж в карьере вурдемека!   
 Да полицейского туза – каков позор!   
 Что было там! Что там тогда случилось!   
 Поэты? Гении? Врачи? Учителя?

**ПОЭТЫ,**

**ГЕНИИ,**

**ВРАЧИ,**

**УЧИТЕЛЯ** (вопят):

«В тюрьму его! Мы сами, Ваша Милость!!   
 В наручники!!! В рубашку! Где петля?».   
 «Тьер» было, улизнуть попробовал поспешно,   
 Но был изловлен, был он в морду бит.

**ЭЛИТНЫЙ ПОЭТ:**

«Быть чистым захотел, паскуда?! Грешно! –   
 – Поэт ему в экстазе говорит, –   
 Будь трижды ты велик и дважды идеал... ».   
 Тут и петицию ко Склабу учинили   
 (её проект он сам вчера черкал):   
 (Петиция людей искусства и науки):   
 «Певцы добра, Мастерские душ,   
 Мы, совесть, чью так грубо возмутили ...».   
 Мужей искусства низменная чушь   
 (Добро и совесть ведавших утробой).   
 На Склабов стол легла с изысканностью гроба.   
 Один лишь Тьер (от страха хоть сжимался),   
 Быть в авторах брезгливо отказался   
 И тотчас был препровождён в тюрьму,   
 (Ну, это посчастливилось ему!),   
 А рядом в тюрьмы брошены: учитель,   
 Студент, строитель, прачка, Посетитель ...   
 А резолюция (кто автор – нет свидетельств)   
 Гласила, что:   
 (Резолюция на петиции мужей):   
 «Блюдя Закон, Мораль.   
 Воюя скверну, сея добродетель...» –   
 – Так до конца тошнотный пастораль   
 И, в завершение – аллегро модерато: –   
 – Развратника, скучниста и пирата   
 По воле Леса объявить НОН ГРАТА».   
 Стонало море. Теснился народ   
 О три кольца втрипьяна вурдемеков.   
 Под сабли наголо конвой Слона ведёт,   
 Орут филёры:

**ФИЛЁРЫ:**

«Вор! Шпион!».

А Человеков  
Поодаль чуть, ручонки за спиной,  
Пенсне мерцает мертвенно и свято  
(Ещё при деле этот труп живой).  
Выносит ящики на палубу конвой  
И покидает палубу фрегата.  
Прощайте, Джунгли! Лес, прощай, зловещий!  
Ещё один трагический урок!  
Сдавили мысль заржавленные клещи,  
Прицел следит, взведён «на бой» курок!».  
Сработала зловещая машина:  
«Халва» рванула тысячью громов,  
Глохнет палубу, дробит фрегат стремнина –  
Прост механизм фильтрации умов!  
Но что-то тёмное влечёт по океану!  
Вот так Толпа подкидывала вверх  
Солдата! Лётчика! Матроса! Партизана!  
Когда Война свой завершила бег.  
Дельфинов стая выходила Вика.  
Открыл глаза – неужто? Света край!  
Вздыхает мощно океан великий,  
Вмещающая жизнь, вмещающая ад и рай!  
Вот Колыбель – Земля. Планету нашу  
На трёх Слонах подьёмлет Океан.  
Одной оплошности, и мир пойдёт в проран,  
Проглотит всё бессмысленная каша!  
Нелепый случай пресечёт Закон,  
Разумный мир прервёт существование!  
Лже-мудрецов лишь ободрит закон  
О жизни разума в задворках мироздания!  
На трёх Столпах (Так Вик Слонов увидел),  
Разумный мир устойчивость обрёл.  
Лишь потому мы чувствуем обиды,  
И нам мечты пылают ореол!  
Не каждому раскроется граница.  
К познанию истины стремишься краткий век.  
В сложнейшем ритме жизнь и мир кружится –  
Песчинка в нём прекрасный человек!  
Он борется со сном. Его гнетут враги,  
Бациллы, гниды, черви-спирохеты.  
Он плавает – вокруг идут круги,  
Как по земле – окопы и ракеты.  
Он борется за жизнь – в ней каждый акт – борьба  
С невежеством и злом, своим несовершенством ...  
Сложил оружие и, – тут тебе труба,  
Как ни зови – уделом иль блаженством,  
Лишь разойдётся несколько кругов ...  
Не будет помощи от служащих амвона,  
И от царей, и от временщиков,  
Былых наград и звонких клятв Закона.  
Итак, борьба – главнейший из Столпов,

Центральный корень жизненного древа!  
Качнулся Слон (он справа или слева?)  
И словно мир сорвался со стропов!  
Споткнулся день! Хаос в умах и в деле!  
Мотыгой каменной орудует орат,  
Блуждает мысль, как бесы среди метели,  
И помыкает людом плутократ:  
Без Просвещения хиреет жизни древо!  
Скрижаль истории – вот хрупкий рубикон,  
Что Разум светлый отделил от чрева,  
Нас – от скотов, От Мюнхена – Закон.  
Суть Просвещенья – опыт поколений,  
Миллиардов судеб подлинный итог –  
Вложить в Людей, будить прекрасный Гений,  
В ком юг и север, запад и восток!  
С подложных тайн сорвать иконный блуд,  
У рабства подлого отнять квасные дрожжи,  
Чтоб, если суд, то уж народа суд,  
А коль узда – народу в руки вожжи!  
Опора третья разума земного –  
Наука! Лоцман в море бытия,  
Во мгле грядущего и в хаосе былого.  
Но – кто стоит штурвальным у руля?  
В чьи руки вложено оружие борьбы?  
Необратимы поиски науки!  
Над Хиросимой чёрные клубы –  
Недавний лотос и театр Кабуки ...  
А вот труды учнейших мужей  
Гримёров варварства, кровавого бесчестья,  
Диалектически – сопливых ворожей  
И дряхлых «львов», кропящих наглой лестью,  
Науке только быть в руках народа,  
Не то по правилам и именем науки  
Ему искусно заневолят руки,  
И хищники расправятся с природой!  
Но мимолётный кончился урок.  
Нашёл туман. Пригнали плот дельфины  
Из славных каравелл, что здесь нагибло впрок –  
Но каждый флибустьер, колумб или ибн-сина.



Домой! Домой! Родные очаги,  
Вы (бог не дай) задушены? Распяты?  
Святыни родины изгадили враги?  
Рыдая, камни требуют расплаты?!

**ВИК:**

«Нет, нет! Наш век, людозвериный мир  
Не могут допустить такого святотатства!  
Без зверя лес – в чумном застенке пир!  
Разумный мир не сможет развиваться!

Салют, мой берег! Виват, мой народ!!!  
Мой голос, пой! Друзья, невеста, – руки!».  
Прибой взметнул и – вынес наземь плот,  
Повергнув в Ужас вечных сохт науки!  
Вернулся тот, кого не ждали ждать,  
Из тех смертей, откуда не выходят,  
Пополнив ту, отверженную рать,  
Что цветом юности живёт в любом народе.  
О, Люди совести, трагичен Ваш удел!  
Титаны мысли! Ваша жизнь – голгофа,  
Где каждый шаг – возможный передел,  
Большой каскад фонтанов Петергофа!  
Кто пировал! Какой маньяк резвился?!  
Трагичен шаг в поруганный предел!  
Прошла земля преступный передел.  
Увидел Вик, застыл и слов лишился.  
Обезображен лес. Ночь – пытка. День – позор!  
Скелеты древ... В кострах пылают Веды!!!  
В постромках Лев, слезой туманит взор.  
Разграбив кладбища, пируют звероеды!  
Так вот он мир возвышенных начал!  
Вся та же битва с вирусом могилы!  
Познать и передать, собрать до капли силы  
И притащить на плаху палача!  
Пока над миром солнце золотое,  
В морях вода и воздух над землёй, –  
Расти хлебам, терять зерно литое  
И, с новой силой, вверх идти стрелой.  
До той поры яриться водопадам.  
Пылать огню в груди земли святой,  
Рождаться безднам, новых Альп громадам,  
Былинке спорить с гробовой плитой.  
До той поры... Но, где же монтаньяры?  
Где Жанна д'Арк?! Где друг зверей – Марат?!  
Титаны! Вы отравлены угаром?  
Парализованы жестокостью утрат?!  
Не спите, звери! Вас тревожит смерть!  
К лесной идиллии отрезана дорога!  
Жизнь или смерть! Победа или смерть!  
Безмолвен лес, как ночь в стенах отрогов!  
Но так обманчива, тревожна тишина!  
Взорвалась ночь! Облава! Пляска смерти!  
Облава! Валится, сминает жизнь стена,  
Не быть или быть? Патрио о муэрте!?  
Так не охотился твой предок звероед!  
Дикарь бесхитростный и плоть от леса плоти,  
Со зверем состязался на охоте  
И даже в камне видел духа след.  
Та грань утрачена. Охота – душегубство,  
Охотник – живодёр и в егере – палач,  
А как заманчиво глазирован калач:  
Цивилизация! Свобода! Братолюбство!

Как часто грозная беда,  
Скрутив мертвецкою рукою,  
Не оставляет нам следа  
Сомнений, страха и тоскою,  
Возможной смерти и разлук  
Не оплести ей наших рук.  
Всё отступает: нелады,  
Издержки радости и скуки.  
Мы – все наложницы беды,  
Подложных тайн, оков науки!  
Треск барабанов замирал,  
Уж пир последовал зловещий.  
Инстинкт и страх зверей собрал –  
Рычаг прогресса: кнут и клещи!  
Вот это встреча чувств цунами!  
Здесь неподкупный грозный Вик!  
Живой Китаб, герой преданий.  
(Ведь лес от митингов отвык  
И жил молитвами, мечтами...)  
Но здесь не славные мужи –  
Сыны без страха и упрёка,  
И молодость, что рвёт гужи  
И, ввысь стремясь, летит высоко!

**ВИК:**

«Я исходил все земли и леса  
От скромных самых до берегов Пальмиры».

**ЗВЕРИ:**

«Поведай, Вик – раздались голоса, –  
Поведай сагу о загадке мира!»

**ВИК:**

«Всех поучительней, бесспорно, Лес Людей.  
В чём кризис разума предельно воплотился.  
Урок трагический (но не вердикт судей!)  
Для мира разума, сколь долго б он не длился.  
Гарантий жить и сохранить себя  
В плодах труда, искусства, мысли новой,  
Отдельной личности, глумясь над ней, губя,  
Эпоха не даёт, гнетёт её в подкову.  
Там царствует грабёж продукции ума...  
Награбленным тучнеют иерархи,  
Их экслибрис поэт назвал «Тюрьма» –  
Изжиты в ней Сократы и Плутархи!  
В Лесу бессилен, жалок индивид!  
И ненавидимей, когда умён и честен,  
Быть подлецом – наука, а не стыд,  
Хвала кнуту, мундиру и монете,  
Там гибнут гении в объятиях лиан.  
Там долгожитель – шулер интриган,  
Там в мудрецах – Сальери-василиск,

Не Моцарт – он венчает обелиск!  
Но всех страшней заразная болезнь –  
Мнят людолгцы родство от Пророка,  
Живую мысль убила псалмопеснь.

**ЗВЕРИ:**

«Мы зрим воочию сей гангстерский джихад...  
Так что же, Вик, в грядущем – крест? Могила?  
Находкам Гениев – ефрейторский «виват»?  
Наука Гидра? Лес Людей Кубилла?».

**ВИК:**

«Неверно следовать в хвосте трагедий века!  
Есть путь гарантий, сфера перспектив  
Для личности. Для светлого успеха!  
Есть машинист! Могуч локомотив!  
Гарант истории, венец её творений  
Единственно народ, его прекрасный гений!  
Лишь он способен защитить прогресс,  
Сметать тиранов, охранит: творенья...».

**ЗВЕРИ:**

«Но как же Лес? Наш всестрадальный Лес?!».  
Спасти его – вот триумф откровений!».

**ВИК:**

«Друзья! Вы знаете – наш горем устлан путь...».

**ЗВЕРИ:**

«Пан... Терра! Том! Мишель Тагор! Пьеретта!»

**ВИК:**

«Не Пантеон, когда назад взглянуть, –  
Народа кровь за сладкий пир рассвета!  
Мы – малый Лес! Но, что есть жизнь!?».

**ЗВЕРИ:**

«Ле-с-с-аа!».

**ВИК:**

«Лес человеческий, растительный, звериный...  
Под корень нам направлена коса.  
Во всех лесах злорадствуют осины!!  
Телега варварства пришла в новейший век,  
Мир за решётку брошен на колени...».

**ЗВЕРИ:**

«Но как на это смотрит ЧЕЛОВЕК  
В отсталом Конго и блестящей Вене?».

**ВИК:**

«Когда холерный вибрион

Хватает жертву жадно где-то,  
(Будь то Эллада, Альбион),  
Объята ужасом планета –  
Слеп, беспощаден вибрион!  
Иммунитет природой Леса,  
От вибриона и Дантеса  
Не предобещан никому,  
И всё – всё свидетельство тому».

**ЗВЕРИ:**

«Не быть тому! Но пасаран убийцам!  
Парализуем заговор осин!  
Шлём Декларацию!

**Декларация:**

«Раскосым и арийцам,  
Народам гор и жителям равнин!  
В лесах! В морях! Высоты и глубины!  
Природа – бог! Её Дитя – народ!  
Одни они законам всем причина  
В дни изобилия и в грозный недород!  
Подложны Бооги, данные народам.  
Нет вечных схем. Все идолы дерьмо.  
Контроль над властью – азбука свободы.

\*\*\*

История есть – летопись природы,  
Разумной жизни на песках времён  
И до сих пор – Вершитель угнетён –  
В ярмо закованы, ограблены народы.  
Сорвать ярмо! Мы шлём призыв народам:  
Есть путь свободы, сфера перспектив!  
Леса! Пески! Нагорья! Тундра! Воды!  
На – правый бой! Вот наш императив!  
Мы – малый Лес! Но что есть жизнь?! – Леса!  
Нас душит смерть. Она для всех едина.  
Придёт ли ночью, словно ураза.  
Иль завтра днём – на Ваши именины.  
Предел исчерпан – мы идём на бой!  
О, как прекрасна Ника в непогоду!  
Что меч возмездия взметнула над собой,  
За свет! За жизнь! За общую свободу!».

**ВИК:**

«Как быть с посланием?».

**ЗВЕРИ:**

«Во все концы планеты  
Мы направляем консулов Свободы:  
От совести Лесов мы вправе ждать ответа».

«Да, если там уже начались роды!».

**ВИК:**

«Посланцы! В путь! Немедля рвать блокаду!  
В сиесты час трубить всеобщий сбор!  
К оружию звери! Все на баррикады!».

**ЗВЕРИ:**

«Патриос о муерте! Страх – позор!».

\*\*\*

## РАССВЕТ

Граница Леса. Близок Правый бой.  
Вик вышел в степь и преклонил колени:

**ВИК:**

«Репейник, ты? Ты знаешь? Лев Толстой  
Воспел тебя в поэме несравненной.  
Дай интервью, земной абориген!».

**РЕПЕЙНИК:**

«Плуги вспороли материно чрево...».

**ВИК:**

«В глазах людей ты – страшный инсургент:  
Дай жить тебе – ты разрастёшься в древо!».

**РЕПЕЙНИК:**

«Рубить деревья, обожрав плоды,  
Сквернить источник: обесточив воду –  
Стиль не Людей – споткнувшейся орды,  
Забывшей суть и признаки свободы,  
Я вижу Степь, лежащую в дыму...  
Как ты – свой Лес. Как годы бедствий – люди.  
Я выхожу дозорным на корму.  
Вперёдсмотрящим в океане буден!  
Я – жизнь! Я – земля! Мои корни – свобода!  
Меня смастерила Царица-природа!  
Я – Степь охраняю от подлых вандалов!  
Да здравствует солнце и Мир без вассалов!».

## ПЕРЕД СИЕСТОЙ

**ЗВЕРИ:**

«Салюто, Фрато! Ваше наблюденье  
Как стать полезным? Взлёта в чём секрет?».

**ВИК:**

«Три доблести для взлёта и паренья,  
Без них немислим Овода портрет.  
Бесчестна жизнь вне Леса в год чумы,



Позор судьбе вне судеб родного края –  
Отсюда старт великие умы  
Берут.  
Вот заповедь вторая.  
Будь стоек тот, решивший быть с народом, –  
Нет выше мужества! Бесчестен трус всегда,  
И, – третье качество: познай пути природы:  
Дикарь труслив, бесформен, как вода.  
Он – в рабстве тьмы. Раб – не сосед отваги.  
Ему неведома направленность времён,  
Ему фарватер – дышло колымаги,  
И в роковом бою – в плену измены – он.  
Нет лишь того, кто вник в структуру мира,  
Не совершит ни чёрт, ни херувим,  
Ни клевета не сломит, ни секира  
И он, естественно, – друг всем лесам – людским,  
И флоре с фауной на пёстрой карте мира!».

\*\*\*

## СИЕСТА

О, это был кровавый страшный бой!  
Лес погибал – была неравна сеча!  
Не возвращались Консулы домой,  
Где треповы долбали лес картечью!  
И снова лес во все края Земли  
Направил голос гордого привета,  
И вновь его Посланцы потекли,  
Минуя препоны, жандармские секреты...  
Трудами Консулов, по воле всех Лесов  
Конвент борьбы открылся стоязыкий.  
Там не блудили междоусобных слов.  
Спеша на бой, сказал три слова Вики  
На языке потомков и отцов:

### **ВИК:**

« – Мы – малый лес. Но что есть жизнь!».

### **КОНВЕНТ:**

«Леса-а-а!»

### **ВИК:**

«И каждый Лес – земля! Дитя природы!  
Есть на Земле одна лишь полоса,  
Что делит жизнь и смерть – на бытиё и годы!  
И каждый Лес ответственен за Мир –  
Мир наших дней! За судьбы тех, в грядущем!».

### **КОНВЕНТ:**

«Народ – закон! Иной диктат – вампир!  
Диктат Земли мы объявляем сущим!»

Мы формируем маленький Конвент –  
Штаб Неподкупных – Консулов Свободы!  
Мир без борьбы – удобный компонент  
Системы мер к захвату прав народов!».

\*\*\*

И вновь хозяева, грызясь, как в голод псы,  
В глухом подполье спешно совещались,  
Все реквизиты клали на весы,  
Друг другу козни строили, прощались...

### **ХОЗЯЙСКОЕ ПОДПОЛЬЕ:**

«Опасен этот карманьольский лес!  
Не зря глаголют – «возгорится пламя»...  
Тогда спасай! Тогда не до чудес!  
На скользкой плахе ляжем головами!  
Пусть миру явится Божественное чудо:  
Спасёт зверей, а мы возьмём потом!  
Как ни велик – а всё ж, – наш мир посуда, –  
Мы – иль цари, или глупцы на нём!».  
И было явлено и связано с кометой  
Признание Хартии, что Лес зверей писал.  
Притих зубовный скрежет звероедов.  
Но Тайных дней надежд не оправдал.  
Со всех краёв шли вести о Войне, –  
Мир исчерпал молитвы и смиренность,  
Штаб неподкупных мыслил ночь и день,  
Мир словно заново освоил сотворенье,  
Метался по ветру свободы алый стяг, –  
Древко его вонзили к центру мира!  
Как жизни ось. И детище атак,  
Стозвучная жила борьбою мира!  
«Не будет больше библий и молитв,  
Пустых речей и праздных псалмопений!  
Не предначертано последних тестов, битв, –  
В свой час о том решит народный гений,  
Лишь он способен отстоять прогресс,  
Сметать тиранов, охранять творенья,  
Сдирать с обмана пёрышки «чудес»,  
Наукой жизни пополнить просвещение,  
Не замыкаются кривые перспектив!  
Светило разума не обесцветит пеплом,  
Не захлебнётся пламенный мотив  
В краю лесов – Земле великолепной!».

**Ю. ОСМАНОВ**  
**ОКТАБРЬ 1971 – ЯНВАРЬ 1974 гг.**  
**СУМГАИТ – ФЕРГАНА**

## Автобиография

Я, Османов Юрий Бекирович, родился 01.04.41. года в деревне Биюк-Каралез Куйбышевского района Крымской АССР в семье агрономов. В первый месяц ВОВ семья эвакуировалась на Кавказ, отец оставался в партизанах, разведчиком. За его голову рейхсканцелярия назначила премию в 100 тыс. марок. Одновременно партизанское командование, стремясь убрать неугодного свидетеля подготовки депортации крымскотатарского народа, трижды отдавало приказ о его расстреле. В 1944 году чудовищный приговор был вынесен всему народу. По сфабрикованному обвинению он был подвергнут каре геноцида. Это имеет отношение как исторический материал к осмыслению мной убийства Индиры Ганди, как исполнения воли влиятельных международных преступных сил.

На высылке я окончил школу, затем МВТУ им. Баумана. На работу был направлен в Институт физики высоких энергий под Москвой, где работал два года над проблемами в приоритетных отраслях физики. В 1968 г. был репрессирован за участие в национальном движении, отбывал срок в Кызыл-Кумах. Строил крупнейший в мире золотодобывающий комбинат. Затем работал в Азербайджане инженером, через год (в 1973 г.) переехал к родителям в Фергану, где полтора десятка лет занимался проектированием и строительством объектов ирригации – около 200 средних и крупных насосных станций.

В 1981 году был репрессирован вторично, отбывал сток в Якутии. За три дня до окончания срока был репрессирован ещё раз с ясным намёком, что это будет пожизненно: «Вот здесь вы и обретёте Крымскую АССР».

Стихи начал писать в 1962 году, первые серьёзные стихотворения появились в 1965 г. в «самиздате». Такие стихи как «Голос родины», поэма «Я обвиняю» стали одним из поводов репрессирования.

С 1974 года занимаюсь литературными переводами поэзии крымскотатарских поэтов Амди Гирайбая, Бекира Чобан-заде и других. О публикации этих переводов речи быть не могло – все авторы практически находились под запретом. Собственные произведения также не могли быть ранее опубликованы как по поднимаемой в них проблематике, так и ввиду собственной моей опальности.

Поэма – монолог «На смерть Индиры», написанная в заключении смогла увидеть свет только в 1992 году напечатанной в «Арекете». Там же была опубликована часть «Кызылкумской тетради» («Диалоги»), некоторые переводы, стихи последних лет, монументальная поэма «Лесная сказка» в двух частях. Ближайшие творческие планы – написать третью, заключительную часть этой поэмы (I часть – «Юность», II часть – «Мужество», III часть – «Президент».).

«Самиздатовские» псевдонимы – «Адилъ», «Крым-заде» и другие.

21 августа 1993 г.  
(Ю. Османов)

Симферополь, Чистенькое,  
ул. Советская, 15.

## СОДЕРЖАНИЕ:

1.	Биография. Ю.Б. Османов.....	4
2.	Человек из другого измерения.....	7
3.	Рецензия-рекомендация.....	14
4.	Голос родины.....	17
5.	Редка прекрасная любовь.....	17
6.	Последнее слово.....	19
7.	По улице Мира.....	19
8.	Я унаследовал, не знаю, от Востока.....	19
9.	Дорог несчётно в необъятном поле.....	20
10.	Лети, свети, моя звезда.....	20
11.	Мама, здравствуй, родная!.....	20
12.	Поезжайте лесом, поезжайте бором,.....	21
13.	Ночь над пустыней холодной довлеет,.....	21
14.	Представьте, что раскрылась дверь,.....	21
15.	Каюсь, виноват – не был я богат.....	22
16.	На жёлтой поляне, у сосен смолистых,.....	22
17.	Пылаю я,.....	23
18.	Вот уж год на далёкой чужбине.....	23
19.	Новогодняя фантазия.....	23
20.	Тост покорооче я скажу.....	24
21.	Э.М.....	24
22.	Когда так ясен небосклон.....	25
23.	Татарской женщине.....	27
24.	Атомная бомбардировка.....	27
25.	Кто солнца ждёт.....	27
26.	Я обвиняю именем народа.....	28
27.	Тост.....	28
28.	Со взглядом, с привкусом полыни.....	29
29.	Надпись на книге.....	29
30.	И я забыл, о чём писал когда-то.....	29
31.	Умирающей матери.....	30
32.	Надпись на книге.....	30
33.	Всё в мире ценно,.....	31
34.	ДАО.....	32
35.	Айше.....	33
36.	О, верно, – стих не жемчуг, не алмаз.....	33
37.	Как можно нынче говорить –.....	33
38.	Всё, что не прочно, рушится как миф.....	34
39.	Всему предел, всему есть час заката.....	34
40.	На воду мерно капает вода,.....	35
41.	Экспромт.....	35
42.	Жизнь – цепь потерь!.....	35
43.	Кем ты была?.....	36
44.	Кто смеётся – тому отрезают язык,.....	36
45.	Представьте, – брезглив, не люблю я скелетов.....	36
46.	Такой волшебный ливень в темноте!.....	36
47.	Нет, счастье не насытит нас,.....	37
48.	Вестей плохих не получал,.....	37
49.	Реквием.....	37
50.	Некоторым, «лизнувшим чернил».....	38
51.	Как хорошо: к цветку стремится пёс.....	38
52.	На смерть Индиры.....	39

53.	Памяти павших.....	43
54.	Дочери.....	44
55.	У кромки сада летним днём.....	44
56.	Стихотворение об орехе.....	45
57.	Почтовой истории смутная драма.....	45
58.	Ты думай, думай обо мне.....	46
59.	Я мысли тайные свои.....	46
60.	Уходил, уезжал, вспоминая тебя.....	46
61.	Сорок первый, трагический год.....	47
62.	Редет воздух, меркнет звук, –.....	47
63.	Весна нейдёт, зима застряла.....	48
64.	Ваше личико прекрасно!.....	48
65.	Молчаньем буду мучить Вас –.....	48
66.	Я перед тобой нечестен, каюсь.....	48
67.	Я счастлив тем, что видел Вас.....	49
68.	Мне наказанья меры нет.....	49
69.	Как будто я смотрю в последний раз.....	50
70.	Была мелодия без слов.....	50
71.	Всё возвращается на круг.....	50
72.	Дочери Мерьем.....	51
73.	И снова через много дней.....	51
74.	С кончиной царства своего.....	51
75.	Шумит, шумит урючина листвою.....	52
76.	Тюрьма тоскует обо мне.....	52
77.	Не улетай, не улетай.....	53
78.	Я – пилигрим. Ходил в бедлам.....	53
79.	Звезда, что обновила небосклон.....	53
80.	Прости, что встретила меня.....	54
81.	Пройдут года, и кто-то вспомнит.....	54
82.	Быть может через много дней.....	55
83.	Нам год велел.....	55
84.	<b>Вячеславу.....</b>	<b>55</b>
85.	Вперёд, вперёд разведкою и боем!.....	56
86.	О, милая!.....	56
87.	К восстановлению симферопольского педагогического училища.....	56
88.	Ловите миг удачи!.....	57
89.	В некомпетентности, достигнув совершенства.....	58
90.	Вы любите меня?.....	58
91.	Любви бесчисленны пути.....	58
92.	На Запад, к границе я еду, дружище.....	59
93.	Ах, мама, мама!.....	59
94.	В глазах испуг и страх в твоей душе.....	60
95.	Айше Великой посветить рассказ.....	60
96.	Спокойно жду из будущего я.....	60
97.	Царице Тамар.....	61
98.	Поднялось солнце, глядя на весну.....	61
99.	Начинает оттаивать лёд.....	61
100.	Всё вынести и довести до цели.....	62
101.	<b>Сиюминутное и вечность.....</b>	<b>62</b>
102.	<b>Культурист и Жанна д'Арк.....</b>	<b>62</b>
103.	Я строил много, про запас?.....	63
104.	Вы симпатична и мила.....	63
105.	В дороге дождь застал осенним днём.....	64
106.	Одной тебе давно я не пишу.....	64
107.	Как Робинзон.....	65
108.	Как лёд и скалы, зелень и удачу.....	65
109.	Издалека, издалека.....	65

110.	Под жарким солнцем Крым безводен.....	66
111.	В детстве нашем мне сказал ты.....	66
112.	Старинный друг мой Селямет.....	66
113.	К русалке детвора.....	67
114.	За дубраву за смолу.....	67
115.	Ты в душном зное.....	67
116.	Кайсыну Кулиеву.....	68
117.	Диалоги.....	69
118.	К весам.....	69
119.	Мир хижине твоей.....	70
120.	Оковы сняты.....	71
121.	Войска на запад наступали.....	71
122.	Так называемый Союз, –.....	71
123.	Так и плели.....	72
124.	Гудят провода.....	73
125.	Памяти стальных солдат посвящается.....	74
126.	«Светильникам» России.....	75
127.	Платан.....	76
128.	Голоса.....	77
129.	Мимолётное.....	78
130.	Суд памяти.....	78
131.	Всесоюзному музею сказки.....	79
132.	Вечно в бою.....	80
133.	Гротеск.....	81
134.	Наука – кому?.....	82
135.	Закату.....	82
136.	Роза.....	82
137.	К «поэту».....	83
138.	С тех давних пор.....	84
139.	Да сгинет ночь.....	84
140.	Поддай факел.....	85
141.	Поэт.....	85
142.	Юность.....	86
143.	Средь вас высоко кто-то руку поднял.....	86
144.	Матерям и жёнам.....	87
145.	Иному критику.....	87
146.	Птицы.....	88
147.	Юбилей очищения Крыма от туземцев.....	88
148.	Цветы из букета.....	91
149.	Памяти Бекира Чобан-заде.....	92
150.	Тувгъан тиль.....	93
151.	Родной язык.....	94
152.	Булутлар, булутлар.....	95
153.	Облака, облака!.....	96
154.	Ах табылсам.....	96
155.	Ах, был бы я там.....	97
156.	Нур чырагъы.....	99
157.	Шевкый Бекторе.....	99
158.	Амди Гирайбай.....	100
159.	Три встречи.....	101
160.	Лесная сказка Часть I.....	115
161.	Часть II.....	152
162.	Автобиография.....	179

*Художнє видання*

**ОСМАНОВ ЮРІЙ**

**КРИМ – МОЯ БАТЬКІВЩИНА**

Директор *І.Б. Чегертма*  
Тех. редактор *М.Д. Курбідінова*  
Худ. редактор *З.Ш. Акімова*  
Оператор *Ф.Р. Майлієва*

Підписано до друку 23.06.2008 р. Формат 84x108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>. Папір офсетний.  
Гарнітура «Arial». Умовн. друк. арк. 11,55. Обл.-вид. арк. 10,0.  
Об'єм 6,875 друк. арк. Тираж 1000 прим. Зам. № 292.



Видавець і виготівник

**КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав»**

95000, м. Сімферополь, вул. Горького, 5.

*Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта видавничої  
справи ДК №508 від 26.06.2001 р.*

Надруковано з оригінал-макета замовника у  
ДП «Видавництво і друкарня «Тавріда».  
95040, м. Сімферополь, вул. Ген. Васильєва, 44.